

**Экономические
и гуманитарные
исследования
регионов**

4/2011

www.cegr.ru

Регистрационный номер

Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ ФСС 77-39740
номер в каталоге Агентства Роспечать 37137

ISSN 2079-1968

Журнал «Экономические и гуманитарные исследования регионов» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК и публикует результаты оригинальных теоретических и прикладных исследований по актуальным проблемам экономики, права, филологии, истории, философии, социологии, политологии, педагогики, психологии, культурологии, материалы научных конференций, информационные материалы, представляющие интерес для профессорско-преподавательского состава и научных работников.

Научно-теоретический журнал

№ 4 2011 г.

Редакционная коллегия:

Несмеянов Е.Е. – доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (главный редактор); Говердовская Е.В. – доктор педагогических наук, доцент (заместитель главного редактора); Акаев В.Х. – доктор философских наук, профессор; Везиров Т.Г. – доктор педагогических наук, профессор; Гончаров В.Н. - доктор философских наук, профессор; Горелов А.А. - доктор педагогических наук, профессор; Губарь О.В. – доктор экономических наук, профессор; Каргиева З.К. - доктор педагогических наук, профессор; Кокоева Л.Т. - доктор юридических наук, профессор; Матяш Т.П.– доктор философских наук, профессор; Мокрецова Л.А. - доктор педагогических наук, профессор; Муругова Е.В. – доктор филологических наук, профессор; Пугачева Н.Б. - доктор педагогических наук, профессор; Розин М.Д. - доктор философских наук, профессор; Суций С.Я. - доктор социологических наук, доцент; Тен Ю.П. – доктор философских наук, доцент; Финько М.В. - доктор философских наук, профессор; Цечоев В.К. – доктор юридических наук, профессор; Шингаров Г.Х. - доктор философских наук, профессор.

© «Экономические и гуманитарные исследования регионов», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Михеев Д.В. Каперские патенты против пиратов в годы правления Елизаветы Тюдор (1558-1603 гг.).....	3
---	---

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Брачун Т.А. Идентичность и этническое пространство.....	9
Коваленко Е.М. Символизм культуры в контексте когнитивной культурологии.....	21

ПЕДАГОГИКА

Абраухова В.В. Творческое развитие личности в учреждении дополнительного образования.....	27
--	----

Алиев Н.А. Учебные исследования учащихся при обучении физике в полной средней школе как важный фактор в формировании их интересов и умственной активности.....	31
---	----

Гольшев И.Г. Управление качеством высшего образования при дистанционном обучении.....	36
--	----

Еремина С.В. Модель формирования маркетинговой культуры педагогов дополнительного образования в процессе внутрифирменного повышения квалификации.....	41
--	----

Киселев Д.С., Елисеев В.К. Аксиологические аспекты формирования субъектности будущего педагога.....	46
--	----

Лыткина А.В., Елисеев В.К. Субъектно-профессиональная позиция будущего учителя: ее формирование.....	50
---	----

Талхигова Х.С. Электронные образовательные ресурсы в профессиональной подготовке студентов бакалавриата.....	54
---	----

Турик Л.А. Молодежные общественные организации как фактор развития социальных навыков общения.....	60
---	----

Шиховцова Н.Н. Актуальные вопросы экономического образования	65
---	----

ПОЛИТОЛОГИЯ

Андреева А.А. Конвергенция европейской и испанской моделей внешней политики.....	71
---	----

ПРАВО

Гройсберг А.И. Клод де Сейссель и Франсуа Отман. Учения об ограничении королевской власти.....	75
---	----

ПСИХОЛОГИЯ

- Сордия Г.М.** Пользователь Интернет. Личностные и когнитивные особенности в связи с половым диморфизмом. 80

СОЦИОЛОГИЯ

- Зверева Т.В.** Социальная ответственность как способ гармонизации интересов бизнеса и власти. 86

- Огородников Н.В.** Питание как залог успешной адаптации населения Ямало-Ненецкого автономного округа. 93

ФИЛОЛОГИЯ

- Боровкова Т.Ю.** Тема смерти в стихотворениях Эмили Дикинсон. . . 98

- Гогичев Ч.Г.** Денотативный компонент семантики идиом. 102

- Маликов И.Г.** Языковые категории и проблемы лингвистической категоризации. 108

ФИЛОСОФИЯ

- Грицких О.Ю., Алиева Н.З.** Становление сетевого общества: переход от постиндустриального к сетевому. 115

- Шевченко Ю.С., Алиева Н.З.** Феномен конвергенции науки, технологий, образования в контексте научно-технологического развития человечества. 121

- Эскарханов Г.Л.** Об исторических и политических предпосылках проникновения суфизма в Дагестан. 127

ЭКОНОМИКА

- Гусейнова Х.М.** Теоретические основы разработки стратегии региональной политики (на примере Азербайджана). 134

- Муратова Г.В., Шашков С.С.** Моделирование проблемного поля создания электронного правительства России. 138

- Шахбазов У. Г.** Инвестиции как фактор обеспечения макроэкономических пропорций в экономике Азербайджана. 145

- Школик О.А.** Становление бюджетного федерализма в условиях многонационального государства. 153

- Щетинцева И.А.** Эволюция теорий экономического роста и инновационного развития в трудах отечественных и зарубежных экономистов. . . . 160

ИСТОРИЯ

УДК 94

КАПЕРСКИЕ ПАТЕНТЫ ПРОТИВ ПИРАТОВ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР (1558-1603 гг.)

Мухеев Д.В.

LETTERS OF MARQUE AGAINST PIRATES AT THE YEARS OF THE REIGN OF ELIZABETH TUDOR (1558-1603)

Mikheev D.V.

В статье рассматривается одно из важных направлений использования каперов в елизаветинской Англии – борьба с морским разбоем. Автор отмечает, что каперы рассматривались английским правительством как удобный и дешевый инструмент для установления контроля над морскими сообщениями и доказывает, что малая эффективность полицейских действий последних отходила на второй план в условиях нехватки средств.

The article considers one of important directions of the using of privateering in Elizabethan England - fighting the piracy. Author notes that English Government considered privateers as suitable and cheap instrument for establishing control over the navigation, proving that low effectiveness of privateering police action fall back into the shadow when government felt lack of resources.

Ключевые слова: Англия, капер, каперский патент, пиратство, прокламация, королева Елизавета Тюдор.

Keywords: England, privateer, letter of marque, piracy, proclamation, Queen Elizabeth Tudor.

Неконтролируемые действия пиратов всегда наносили серьезный ущерб экономике и престижу государств, ведущих активную морскую торговлю. Английские воды с давних пор сделались прибежищем для морских разбойников, и английские монархи были вынуждены уделять внимание этой проблеме, ведь от стабильности морского сообщения с континентом и налаженного рыболовного промысла зависело благополучие страны. Против пиратов в средние века действовали корабли королевского флота, суда, нанятые на средства королевской казны, либо корабли, принадлежавшие портовым городам и выполнявшие особую «корабельную службу», подобную службе королевских вассалов на суше.

Как отмечала В.В. Штокмар, на первый взгляд меры по борьбе с пиратами проводились в жизнь английским правительством относительно систематически [1, с.107]. Но в XVI столетии не существовало специальных постоянно

действующих эскадр, выполнявших полицейские функции вблизи английского побережья. Крупномасштабные операции против пиратов предпринимались sporadически и обычно ограничивались отправкой в море небольших эскадр, получавших приказ арестовать или уничтожить пиратов, так как снаряжение боевых кораблей для подобных операций было накладно для английской казны. Впрочем, в XVI в. в Англии (наряду с развитием королевского военно-морского флота) широко распространился каперский промысел. Генрих VIII и его приемники часто использовали каперов для достижения своих внешнеполитических целей. Многочисленный и неплохо вооруженный английский частный флот всегда можно было привлечь на службу и направить против врагов короля, выдавая каперские патенты. Но подобная практика была распространена (в основном) в годы войны, а патенты выдавались против подданных иностранных государств. Во второй половине XVI в. Елизавета Тюдор прибегла к практике выдачи особых патентов частным лицам для борьбы с пиратами.

Первая робкая попытка сделать морские экспедиции против пиратов самокупаемыми была предпринята в 1564 г. После завершения англо-французского конфликта 1562-1564 гг., сопровождавшегося массовой выдачей каперских патентов как французским, так и английским правительством, торговое сообщение в проливах, отделяющих Британские острова от континентальной Европы и Ирландии было чрезвычайно затруднено. Многие каперы, действовавшие согласно патентам, выданным от имени Елизаветы, присоединялись к многочисленным пиратам, промышлявшим в английских водах, и продолжили свой промысел, несмотря на прекращение официальной каперской войны.

31 июля 1564 г. была обнародована прокламация против пиратов, требовавшая от подданных королевы соблюдать мир с иностранными державами [2, р.242]. Дабы обуздать действия морских разбойников, в пролив предполагалось направить боевые корабли, но средств в английской казне катастрофически не хватало. В результате было решено привлечь к операции частных лиц, готовых спонсировать предприятие. Такие люди нашлись среди бывших каперов. Испанский посол в Англии Гусман де Сильва сообщал Филиппу II в донесении от 18 сентября 1564 г. о том, что «...для борьбы с пиратами, которые до сих пор наводняют моря, она (королева – Д.М.) решила направить войска и уже назначила тех, кто примет участие в этом... Я вновь напомнил ей, что это необходимо сделать в кратчайший срок и буду напоминать ей до тех пор, пока экспедиция не начнется. Один из тех, кто собирается принять в ней участие, именуемый себя Апплеярд, сообщил мне, что это случится в течение 13 или 14 дней» [3, р.379].

Джон Апплеярд – английский торговец, который совместно с братьями

Фробишерами в 1563 г. получил каперский патент с правом действовать против французских католиков. Теперь он, используя свои корабли и экипажи, состоявшие из каперов, должен был выйти в море, чтобы бороться с пиратами. Точно не известно, было ли обещано вознаграждение частным лицам, за свой счет готовившим экспедиции против пиратов в 1564 г., и по этой причине невозможно достоверно определить, являлись ли они чисто каперскими.

Как отмечал Д. Макдермотт, атаки на испанские и нидерландские корабли начинали оказывать серьезное негативное влияние на внешнюю политику королевы [4, р. 67]. Рассчитывая навести порядок в английских водах и укрепить союзнические отношения с Испанией, английское правительство приступило к проведению комплекса мер по борьбе с пиратством. В конце сентября 1564 г. Елизавета отдала распоряжение одному из своих доверенных лиц – сэру Питеру Керью: поскольку побережье Девоншира, Корнуолла и Ирландское море (по многочисленным сообщениям) стали прибежищем для пиратов, она желала, чтобы он тайно подготовил экспедицию и как можно скорее очистил от них море [2, р. 244]. Королева разрешала ему действовать по собственному усмотрению, но денег она не предоставляла, сэр Керью и его люди оплачивали все самостоятельно и могли распоряжаться конфискованной добычей [5, р. 462]. Таким образом, экспедицию сэра Керью можно считать королевской каперской операцией. Он как доверенное лицо королевы набирал за свой счет экипаж и готовил корабли. Окупить затраты участники предприятия могли за счет захваченной добычи. К сожалению, мы не имеем информации о кораблях сэра Керью. Вероятнее всего, он использовал корабли королевского флота, содержание которых на время проведения экспедиции оплачивал сам. Сэр Керью с большим рвением принялся за дело, сумев собрать команду в 246 человек [2, р. 245], некоторые из которых являлись бывшими каперами. Весной 1565 г. он с тремя кораблями вышел в море. Экспедиции сопутствовал успех, в апреле у ирландского побережья удалось освободить фламандский корабль. Затем сэр Керью внезапно атаковал укрывавшихся на ирландском побережье главарей пиратов Хейдена, Лисингема и Корбета, которых задержал или уничтожил [2, р. 251]. Чтобы усилить контроль над побережьем, осенью 1565 г. во все порты были направлены королевские чиновники [2, р. 259]. Таким образом, благодаря активным мерам английского правительства во второй половине 60-х гг. удалось взять под контроль морское сообщение на английском побережье.

Ситуация в районе Ла-Манша в очередной раз обострилась в 1568-1572 гг., когда английское правительство оказалось вовлечено в каперскую войну, развязанную гугенотами и морскими гезами против кораблей французских, испанских и фламандских католиков. В результате начавшейся каперской

войны были прекращены торговые и дипломатические отношения с Испанией и Португалией. Действия протестантских каперов вызывали неоднократно высказывавшееся возмущение со стороны английских торговцев. Английские грузы нередко перевозились на французских и испанских кораблях, подвергавшихся атакам [4, р. 70]. Все это негативно отражалось на состоянии английской экономики. Кроме того, в английских водах с началом каперской войны активизировались и обычные пираты, не имевшие патентов и грабившие всех без разбора.

27 апреля 1569 г. была издана прокламация «Об усмирении пиратов и грабителей для сохранения торговли в море» [2, р. 332]. Новая антипиратская прокламация была издана 4 августа того же года. В документе содержалось требование к чиновникам задерживать в портах все вооруженные корабли, не имевшие каперского патента [6, р. 81]. В мае 1570 г. появилась очередная прокламация о борьбе с пиратами и о порядке продажи товаров, которые были захвачены последними [2, р. 378]. Таким образом, была подготовлена законодательная база для выдачи патентов против пиратов. В октябре 1571 г. английское правительство приняло решение об освобождении наиболее удачливых каперов, находившихся в тюремном заключении [2, р. 427]. Известному пирату и каперу Мартину Фробишеру, освобожденному из тюрьмы, было поручено возглавить небольшую эскадру из 3 кораблей, подготовленную за счет частных средств для борьбы с пиратами. Вновь основу экипажей, призванных бороться с морским разбоем, составили сами каперы. Впрочем, в отличие от операции сэра Питера Керью, действия Фробишера оказались безрезультатными. Пираты узнавали о его приближении заблаговременно, да и сам он не проявлял должной инициативы.

К ноябрю 1571 г. было выдано несколько патентов, разрешавших частным лицам бороться с контрабандой и пиратами в английских водах [7, р. 190]. Помимо Фробишера, их получили Уильям Хокинс, Уильям Уинтер младший и Томас Прайден. Как отмечал Д. Макдермотт, английский военно-морской флот в этот период был неспособен эффективно выполнять полицейские функции [4, р. 75]. Королева была вынуждена в борьбе с морским разбоем полагаться на английских каперов. В начале 1572 г. королева разрешила лорду-адмиралу самостоятельно выдавать патенты для борьбы с пиратами [7, р. 191-193]. Впрочем, использование английских каперов, боровшихся с контрабандой и морским разбоем, не смогло значительно улучшить ситуацию. Основным результатом их действий стало значительное обострение отношений с французскими каперами и морскими гезами Вильгельма де ла Марка [8, р. 582; 9, р. 31]. Справиться с морским разбоем в английских водах удалось только после

изгнания иностранных каперов из английских портов и выхода в море боевых кораблей королевского флота [10, р. 480; 11, р. 88-89]. Благодаря подобным мерам английского правительства каперскую и пиратскую активность англичан удалось перенаправить из английских вод в Атлантику. Вплоть до начала англо-испанской войны в 1585 г. мы не встречаем свидетельств выдачи каперских патентов против пиратов. Для борьбы с морским разбоем в эти годы в портовые города предпочитали направлять специальные комиссии, следившие за исполнением королевских распоряжений, и использовали корабли королевского флота для борьбы с пиратами в море.

Роль каперов в годы англо-испанской войны 1585-1604 гг. была перво-степенной, большинство военно-морских операций проходило при их участии. При этом удаленность регионов, где промышляли английские каперы, их многочисленность и коррумпированность английских чиновников, связанных с ними, делали контроль над каперами в условиях продолжительной англо-испанской войны затруднительным. Это позволяло английским каперам, нарушая английское каперское законодательство, атаковать нейтральные торговые суда. Чтобы предотвратить подобные действия, негативно сказывавшиеся на внешнеполитическом положении Англии, необходимо было обеспечить английское военное присутствие в регионах, страдавших от действий английских подданных. Учитывая относительно небольшую численность королевского военно-морского флота и постоянную угрозу испанского вторжения, с этой целью нередко использовали специальные эскадры английских каперов, на которых возлагалась обязанность следить за порядком в отдаленных районах, пресекая незаконные действия своих соотечественников на море.

Подобные полицейские экспедиции в средиземноморский регион, особенно страдавший от незаконных действий английских каперов на рубеже XVI-XVII вв., спонсировали государственный секретарь Роберт Сесили лорд-адмирал Ховард. Первая экспедиция под командованием капитана Джона Трoutона состоялась в 1600-1601 гг. Вторая - под командованием капитана Чарльза Ли - в 1601-1602 гг. Официальной целью обоих мероприятий был арест английских пиратов и каперов, нарушавших английское законодательство [12, р. 400; 13, р. 549]. Но помимо этого, капитаны обеих экспедиций имели на руках каперские патенты, позволявшие им нападать на испанцев. В результате, охоте за пиратами они предпочли более безопасный каперский промысел. Захватив корабли с ценным грузом, они вернулись в Англию [14, р. 524-527].

Слабость флота и финансовые проблемы вынуждали английских монархов прибегать к помощи каперов, и Елизавета Тюдор только продолжала линию поведения своих предшественников. В годы ее правления каперы целенаправ-

ленно использовались как для борьбы с внешней угрозой, так и внутренней (в лице морских разбойников, не подчинявшихся распоряжениям английского правительства). Каперские экспедиции против пиратов не требовали от елизаветинского правительства больших затрат, но зачастую были малоэффективны. Впрочем, как показали действия сэра Питера Керью, эффективность каперов зависела от подготовленности и мотивации офицеров, возглавлявших такие экспедиции.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Штокмар В.В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. [Текст] / В.В. Штокмар // Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1962. – 155 с.

2. Calendar of State Papers, Domestic Series, of the Reigns of Edward VI, Mary, Elizabeth / Ed. by Lemon R. Vol. I. 1547-1580. [Текст] / R. Lemon // L., 1856. – 797 p.

3. Calendar of Letters and State Papers Relating to English Affairs, Preserved Principally in the Archives of Simancas / Ed. by Hume M. Vol. I. 1558-1567. [Текст] / M. Hume // L., 1892. – 708 p.

4. McDermott J. Martin Frobisher: Elizabethan Privateer. [Текст] / J. McDermott // L.: Yale University Press, 2001. – 528 p.

5. Froude J.A. History of England from the fall of Wolsey to the Death of Elizabeth. Vol. VIII. [Текст] / J.A. Froude // L.: Longman, Green, Longman, Roberts and Green, 1863. – 483 p.

6. Calendar of State Papers, Domestic Series, Elizabeth, Addenda, 1566 – 1579 / Ed. by Everett Green M. A. [Текст] / M.A. Everett Green // L., 1871. – 667 p.

7. Documents Relating to the Law and Custom of the Sea / Ed. by Marsden R. G. Vol. 1. [Текст] / R.G. Marsden // L.: Navy Record Society, 1915. – 561 p.

8. Calendar of State Papers, Foreign Series, of the Reigns of Elizabeth / Ed. by Stevenson J. Vol. IX. 1569-1571. [Текст] / J. Stevenson // L., 1874. – 639 p.

9. Calendar of State Papers, Foreign Series, of the Reigns of Elizabeth / Ed. by Stevenson J. Vol. X. 1572-1574. [Текст] / J. Stevenson // L., 1876. – 629 p.

10. Clowes W.L. The Royal Navy. A History From the Earliest Times to the Present. Vol. I. [Текст] / W.L. Clowes // L.: Sampson Low, Marston and Company Limited, 1897. – 698 p.

11. McDermott J. England and the Spanish Armada. The Necessary Quarrel. [Текст] / J. McDermott // L.: Yale University Press, 2005. – 411 p.

12. Calendar of the Manuscripts of the Most Honorable the Marquis of Salisbury Preserved at Hatfield House. Vol. X. [Текст] L., 1904. – 528 p.

13. Calendar of the Manuscripts of the Most Honorable the Marquis of Salisbury Preserved at Hatfield House. Vol. XII. [Текст] L., 1910. – 802 p.

14. Andrews K.R. Sir Robert Cecil and Mediterranean Plunder [Текст] / K.R. Andrews // The English Historical Review. 1972. Vol. 87. № 344. – P. 513-532.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 13

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭТНИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Брачун Т.А.

IDENTITY AND ETHNIC SPACE

Brachun T.A.

В статье говорится о том, что этническое освоение «пространства» значительно отличается от культуры освоения «пространства» цивилизацией. Автор применяет синергетический подход к исследованию «этнического пространства» и приходит к заключению, что «пространство», комплексные представления о нем являются неотъемлемой и важнейшей составляющей этнической идентичности, тем, что обязательно и непосредственно присуще каждому «среднестатистическому» представителю этноса.

This article considers the fact that ethnic assimilation of “space” significantly differs from the culture of civilization “space” assimilation. Author applies synergetic approach to the research of “ethnic space” and comes to conclusion that “space”, a complex idea on it, is an integral and significant part of ethnic identity what is necessary and directly inherent to each “statistically average” representative of ethnoses.

Ключевые слова: этническое пространство, культура, идентичность, чукотский этнос, цивилизация.

Keywords: ethnic space, culture, identity, chukchi ethnoses, civilization.

Генезис представлений о «пространстве» (наилучшим образом) характеризует смысл понимания человеком не только ареала своего бытия, но и ареала распространения человеческого духа, раскрывает объемность понятия, его многогранность. Античность, сформировавшая представления о природном и социальном, лишь наметила пути понимания «пространства» как обиталища. Средневековая парадигма «пространства» способствовала преодолению границ политико-этнической замкнутости, анклавности, видя в пространстве единый мир (христианский, языческий или мусульманский), формирующий единый взгляд на мир, культуру и историю. В эпоху Возрождения и Нового Времени сложились воззрения на географическое и историческое «пространство» как на единство бытия человеческой культуры.

Для анализа «этнического пространства» чукотской этнической системы необходимо учитывать один из важнейших факторов и свойств самого «этнического пространства». Процессы нескольких предыдущих столетий обернулись

постепенным экстенсивным освоением пространства Российским государством. Не оказалась исключением и Чукотка - ареал проживания нескольких автохтонных народов. Реализуя свою власть на обширных территориях Евразии, Россия освоила, взяв под свой государственно-политический контроль грандиозные территории, ни одна из которых не представляла собой пустыню. Каждая территория уже была освоена той или иной этнической общностью, составляла ареал той или иной этнической системы.

Географическое, территориальное освоение как акт установления политического контроля неизбежно повлекло за собой освоение социокультурное. Это повлекло за собой реорганизацию пространства, а вместе с ним и представлений об «этническом пространстве».

В культуре охотников, собирателей, рыболовов пространство не имело границ, в отличие от культур земледельческих, имеющих концентрический, круговой способ восприятия пространства со зримым выделением его границ [1, с.38]. Кочевые культуры видели в пространстве последовательно (циклически) сменяемые антуражи поверхности, границы которых были так же очевидны, как и у земледельцев. Однако процесс освоения ландшафта, его использования имеет некоторые отличия от процесса присвоения ландшафта, «пространства». Феномен «присвоения» предполагает совершенно четкое разграничение. Это хорошо иллюстрирует пример чукчей.

Совершив бифуркационный выбор, чукотская этническая система (соответственно) изменила отношение к «пространству». Ощущая большую зависимость от кормящего ландшафта, чем прежде, «привязавшись» к данному ландшафту, чукчи перешли от профанного восприятия «пространства» к его сакрализации, осмысляя и наполняя его, посредством развивающихся религиозных представлений и мифологии, толкованиями, символами и священными сюжетами. «Пространство» из грозного и отчужденного, «соседствующего» мира превратилось в «кровное», родное, священное, в принципе, понятное. Произошел переход от «прозябания» в нем, хаотического нахождения, предполагающего поиск более благоприятных для жизни кормящих ландшафтов, «поверхностей» с более обильным кормом, к его освоению, «очеловечиванию», сознательному и последовательному его преобразованию. И это было исторической формой освоения «пространства». Не присоединение путем колонизации или завоевания, как это сделала Россия, а преобразование, что предполагает сознательную его организацию. Таким образом, «пространство», комплексные представления о нем после бифуркационного выбора стали неотъемлемой и важнейшей составляющей этнической идентичности, тем, что обязательно и непосредственно присуще каждому «среднестатистическому» представителю этноса. Так возникает принцип: «Тот, кто проживает именно

здесь!». Но этническое освоение (присвоение) «пространства» сильно отличается от освоения «пространства» цивилизацией.

Для России Чукотка сразу приобрела образ отчужденной земли, территории с крайне неблагоприятными условиями жизни, экстремально суровым климатом; земли, населенной дикими и своевольными людьми, не поддающимися культурному влиянию. Уже во второй половине XX столетия Чукотка становится, напротив, местом весьма желанным и обаятельным для людей, не потерявших дух свободы, стремящихся к реализации своей судьбы, своей свободы. Возникла уникальная ситуация «естественного отбора», когда сквозь пространства Чукотки прошли тысячи людей, стремящихся «попробовать северной романтики». Многие из них не выдержали суровых условий жизни, долгой, почти постоянной зимы и покинули Чукотку. Оставались лишь те, кто искренне принимал «правила игры», влюблялся в чукотские просторы, ландшафты, в ее бескорыстных, мужественных, благородных, сильных людей. Чукотка как бы «просеивала людей» сквозь сито «настоящей, искомой жизни», оставляя в своем лоне лишь крупные человеческие особи, сильные характером [2, с. 21]. Тут оставались и идеалисты-романтики, устремленные к новым открытиям и страждущие «попробовать на вкус» жизни первопроходцев, и многие люди творческих профессий, стремящихся «начать с нуля», проявить себя там, где еще не было цивилизации, и честные самоотверженные «работяги», приехавшие за «длинным рублем» и карьерой, и те, кто бежал от тенет тоталитаризма от гнетущих антуражей вечного страха.

Особый интерес представляют две последние группы. Образы людей данного типа выведены в замечательных романах советского писателя О. Куваева, и именно они составили костяк той анклавной уникальной культуры, которая сформировалась на Чукотке во второй половине XX столетия, от которой теперь остались лишь осколки. Оба типа являют собой и два особых качества. Те, кто приехал на Чукотку работать и реализовать претензии на достойную жизнь, относились к работе как к религии, а к своей персональной судьбе - как к форме свободного творчества. «Разорвав связи с «материком», эти люди прервали связи с авторитетами и устоявшимися представлениями о жизни, деятельности, морали. Они работали самозабвенно, их именами еще при жизни называли географические объекты, месторождения, улицы» [2, с.21]. Фамилии многих из этих людей (несмотря на «либеральное переименование» общественных ценностей) теперь являются легендами и навсегда вошли в скрижали истории Колымы и Чукотки. Именно их трудом «по атому» выстроен позитивный социально-экономический и культурный облик Крайнего Северо-Востока России.

Те же, кто приехал на Чукотку для того, чтобы избавиться от «тенет то-

талитаризма», по сути, совершили побег. Они покинули систему ложных, надуманных иерархий и идеологем, тот мир, где бытует и господствует сионинутный интерес прагматиков, процветает мещанство и лицемерие. Конечно же, Чукотка являлась неотъемлемой частью страны, и здесь тоже развивались не только институты и идеологемы государства, но и постепенно произрастали все те же пороки (в целом), свойственные обществу. Но людей, «подобных друг другу», то есть совершивших побег, было заметно больше, и они составляли особый круг общения, которым дорожили.

Эскейпизм (от англ. *escape* – побег), в принципе, является надежным спутником цивилизации, поскольку всегда существовали и существуют люди, которые покидают уют и комфорт урбанистского быта и «удаляются» прочь от суеты. Они уходят от таких «драконов цивилизации», как суетная и бессмысленная городская жизнь; загрязненная окружающая среда, неизбежно убивающая тех, кто в ней живет; разочарование в деятельности, карьере, профессии, трудовом коллективе, собственной смысложизненной стратегии; разочарование в монотонности и рутинности семейного уклада; политический режим и многое другое.

Однако это был побег не от чего-то, а к чему-то. Это был побег не от перечисленных выше «драконов цивилизации», а в новое культурное и ценностное пространство, туда, где пусть иллюзорно, но все-таки жизнь выражена в иных стратегиях персональной судьбы. «Когда в конце 50-х – начале 60-х годов появилась возможность «хоть что-то изменить в жизни», многие люди «пустились в путешествие» за новой социальностью, где тотальную идеологию не замещала, но хотя бы «разбавляла» романтика свободы. «Целина», «Сибирь», «Север» для многих превратились в магические понятия, «земли обетованные», где можно начать новую жизнь» [2, с. 22]. Такой анклав людей со специфическими смысложизненными представлениями, устремлениями, такими типическими чертами характера имеет черты особого культурного типа.

Можно говорить о феномене «ситуативной этничности» [2, с. 22], об образовании общности, обладающей особыми качествами, нарождающимися традициями и обычаями, стереотипом поведения и культурным идеалом. К сожалению, она, эта общность, оказалась недолговечной, хотя «некоренной» анклав современной Чукотки все же имеет некоторые черты данной общности людей.

Важность описания феномена «ситуативной этничности» на Чукотке, образования там особой общности людей объясняется тем, что именно эта группа людей по большей части находилась в непосредственном постоянном контакте с чукотской этнической системой, таким образом, формировалась усложненная двухканальная система коммуникации «цивилизация – этниче-

ская система); взаимное влияние данной общности и чукотской этнической системы было крайне велико, что выражалось в многочисленных культурных заимствованиях, смешанных браках, перманентных бытовых контактах и т. д.; чукотский этнос, равно как и другие этносы, проживающие на Чукотке, (во многом) избежал непосредственного контакта с цивилизацией, а начинания государства в области национальной политики существенно адаптировались к чукотской национальной культуре посредством потенциала вновь возникшей общности людей, фактически представляющих цивилизацию, но стремящихся бороться с ее пороками; данная общность позволила сформировать образ коренного жителя Севера, дистанцировавшись от предварительно устоявшихся представлений о «дикости и агрессивности» чукчей и других народов Севера; перманентные контакты двух вышеперечисленных общностей наметили тенденции формирования гибридной культуры - новой культуры, заимствующей черты как национальных культур Севера, так и культуры нарождающегося «ситуативного этнического сообщества».

С приходом на Чукотку нового многочисленного сообщества, образовавшего особую общность людей, одно и то же географическое пространство превратилось в место обиталища сразу двух социокультурных миров. Одним из них был мир автохтонных народов, большей частью которого были чукчи, другим – новая культурная общность, представляющая собой феномен «ситуативной этничности». И если для чукчей это было этническое пространство, наделенное сакральными качествами, описанное посредством мифов и освоенное в необходимых и достаточных представлениях о рациональном хозяйствовании, то для приезжих людей это пространство также имело сакральные черты, было местом созидания новой социальности, свободное от условностей и пороков цивилизации. Их критериями идентичности следует считать такие, как стремление дистанцироваться от цивилизации и ее многочисленных пороков и дефектов, жажда большего объема свободы, чем тот, что реализован в социальной практике, искренняя влюбленность в природу, преодоление социальной официальности, попытка достичь более высокого уровня простоты и непосредственности в отношениях с людьми, идеологическая фрустрация. Но самым, пожалуй, важным стало обязательное определение нового культурного пространства Чукотки как «своего» и признание остального социокультурного пространства как «чужого». Возникло разграничение между «настоящим миром», «настоящей жизнью» и «миром иллюзий, миром несбывшихся надежд», «миром ложных представлений и ценностей».

Именно в этом этническая система чукчей практически не имела отличий. Действительно, «этническое пространство» чукчей, являясь одним из

важнейших критериев и ориентиров в формировании идентичности, понималось как «свое». Умозрительно это пространство оконтуривалось его географическим сегментом. Остальное «пространство» понималось как «чужое». «Свое пространство» наполнено сакральным содержанием, оно одухотворено духами предков, скреплено с человеческой субстанцией совокупностью традиций, представляя собой некое «поле жизни», на территории которого действуют привычные и оправданные этика и табу. Здесь корни этноса, его культура и история, отображенная в национальной мифологии и фольклоре. Здесь развивается грандиозный и трагический процесс взаимодействия с цивилизацией, остающейся «иным» (во многом) непонятным социокультурным миром.

Ячейкой этого «этнического пространства» является поселение охотников на морзверя или стойбище - часть структуры народа, его изначальный атом, организационная единица, структурное начало, без которого этнос немислим; вполне стандартная, «такая же, как и иные», но самостоятельная единица, хранящая культурный код, воспроизводящая культуру и человеческий потенциал; миниатюрная модель этноса, ведущая сложный, непрерываемый, не совсем понятный цивилизации диалог с природой, ведущей самостоятельно свое хозяйство. Именно эта единица является базой, основанием и ведущим критерием идентичности. Ощущение себя членом патриархальной семьи, частью ее организма дает полноценное понимание проблемы собственного самоопределения, самоописания. Еще В.И. Задорин писал, что «Оленное стойбище – это сложный социальный организм, небольшая кочующая деревня. Люди здесь живут десятилетиями, изредка заглядывая во внешний мир, который иногда оказывается враждебным» [3, с.30]. Такое сотовое строение этнической системы, как мы уже писали, было продиктовано естественной необходимостью, особенностями ведения хозяйства. Именно оно предполагает идентификацию посредством самоопределения в структуре патриархальной семьи. По-видимому, не менее важное значение имеет и идентификация по принципу кровнородственной общины.

Наряду с идентификацией по принципу принадлежности к патриархальной семье, где «этническое пространство» представлено (скорее всего) как определенный ареал совместной деятельности, а также место проживания самых близких людей, непосредственных родственников и товарищей, а также членов трудовой общности, кровнородственная принадлежность не теряет своего значения. Это община – «варат» [2, с.71], обеспечивающая эффективную систему сдержек и противовесов, поскольку определяется как «товарищи по кровной мести», то есть это как раз то сообщество, от которого зависят такие важные обстоятельства как родовая мифология, ее сохранение, пополнение, специфические родовые традиции, брачные нормы и традиции, а также

наказание обидчиков, нанесших оскорбление членам общины «варат».

Вопреки устоявшемуся мнению об отмирании кровнородственной общины, в связи с возникновением патриархальной общины, имеющей тенденции к возникновению соседских отношений, – а чукотская община включала в себя несколько семей, членами которой были не только непосредственные родственники, но и пришлые, взятые в семью люди, – кровнородственная община продолжала выполнять важнейшую организующую роль. Таким образом, ее значение умалять ни в коем случае нельзя, особенно в контексте рассмотрения ведущих критериев идентичности этноса.

В связи с выбором бифуркационной ветви развития, что ознаменовалось переходом к кочевому оленеводству значительной (подавляющей) части этноса возникла необходимость оборонять, защищать «свое» этническое пространство. Оно (в буквальном смысле) нуждалось в защите в связи с тем, что переставало быть угодем общего назначения и осваивалось этносом, как «свое», сакральное, а не только как место хозяйственной деятельности. Возникла необходимость поиска новых организационных оснований этноса, которые заключались в мобилизационных возможностях разрозненного на отдельные стойбища народа. В связи с этим кровнородственная община делегировала себе организующие функции и становилась параллельной структурой в социальной системе этноса, членство в которой представлялось весьма важным и существенным. Членство в кровнородственной общине гарантировало некую защиту, но в то же время сдерживало от опрометчивых поступков, поскольку принцип коллективной ответственности делегировал ответственность сразу всей общине.

Если патриархальная семья, стойбище, очерчивала «малый круг» этнического пространства, фиксировала контуры «малой Родины», привносила элемент разнообразия, специфики в структуру персональной идентичности, то кровнородственная община – «варат» □ указывала место персоны в «большом» круге, определяла родовые традиции и ценности. Она являлась и является центральным звеном в социальной системе этноса: патриархальная семья – род – народ. В целом, следует признать, что после бифуркационного выбора этническая система чукчей не только усложнилась, когда патриархальная семья, выделившись из родовой структуры, превратилась в микросоциум, стойбище, производственный коллектив, коллективного владельца определенного ландшафта, но и приобрела новые связи. Новая структура сформировала и дополнительные критерии идентичности, в которых патриархальная семья стала занимать особое место.

Дальнейшее наслоение факторов идентичности произошло в связи с началом системных контактов с цивилизацией. «Этническое пространство»

(в связи с приходом большого количества иноплеменников) вместило в себя элементы новой культуры, стало ареалом развития и распространения новых способов и приемов хозяйственной деятельности, появления новых, периодически сменяющих друг друга идеологий. «Этническое пространство» чукчей стало одним из сегментов государства, его геополитических интересов и амбиций, его доминирующих элементов культуры. В этих условиях возникла необходимость включения в критерии идентичности представлений и критериев гражданской идентичности, идентичности государственной. Особенно агрессивными данные процессы стали в период так называемого советского строительства. Если на протяжении XVII – XIX – начала XX вв. чукчи (в целом) сохранили свой культурный, хозяйственный и социальный уклад, свой стереотип поведения и культурный идеал, то середина – конец XX столетия потребовал от них практически тотальной социализации.

В основном, такая социализация осуществлялась в направлении видоизменения способа хозяйствования, перевода от кочевого к оседлому образу жизни, отказа от этнических и родовых культов. И если в этих направлениях шел интенсивный процесс ассимиляции культуры, то в области быта данный процесс шел гораздо медленнее. Но чукчи (как один из положительных результатов взаимодействия с советской властью) обрели свою письменность, а также получили уникальную возможность активно транслировать артефакты своей этнической культуры (хореографические и вокальные ансамбли, художественные изделия из кости, национальный фольклор, поэзия, проза и т. д.).

Таким образом, процесс интеграции социокультурных миров: цивилизации и этнической системы осуществлялся, но с большими «перегибами» и посте-пенно нарастающими диспропорциями. Достаточно привести пример интеграции чукчей в государственную экономическую систему. С созданием колхозов, а потом – совхозов, а также переводом чукчей с кочевого на оседлый образ жизни был запущен процесс разрушения основной ячейки чукотской этнической системы, этнического культурного и хозяйственно-социального базиса – патриархальной семьи.

С одной стороны, сама семья оставалась на первых порах прежней, и ее состав сильно не изменялся. Но с другой, – сама семья превращалась в производственную бригаду и полностью (согласно социалистическим законам) отчуждалась от какой-либо собственности, кроме личной. Кроме того, погоня за производственными показателями, принимающая, порой, трагический, а, порой, и комический характер, истощила кормящие ландшафты, подорвала принцип гармонии с природой.

Отчужденная от результатов своей деятельности патриархальная семья стала неуклонно деградировать, начался процесс ее «социального смешива-

ния», распада. Переход на оседлость лишь усилил эти процессы, поскольку кормящий ландшафт и вписанные в него хозяйственная система и бытовая культура перестали быть домом, единственным и дорогим, тем, что является главным в жизни. «Единичные голоса здравомыслящих, тех, кто знал принципы и заветы первых российских преобразователей жизни народов Севера (Тан-Богораз, Смидовича, Богдановича), – осторожность и еще раз осторожность в реформировании традиционного образа жизни! – были решительно пресечены. Как показало время, новые национальные поселения для коренного населения Севера обернулись ухудшенным вариантом американских резерваций...» [3, с.24].

Развернувшееся жилищное строительство в 60-х годах XX века (тогда же и было выбрано местонахождение поселков и центральных усадеб) было призвано обеспечить коренное население жильем. Но жилье получалось тесным настолько, что рядом с ним почти всегда возникала яранга [3, с.24]. Формально данное жилищное строительство велось за счет льготных государственных кредитов, но реально – за счет почти бесплатного труда оленеводов. Система государственных заготовок устанавливала настолько низкую оплату за продукцию (оленье мясо), что рентабельность отрасли «подскочила» почти под 300 % [3, с.24]. В уникальных условиях Севера, где коренное население продолжало пользоваться в быту тем, что производило, тратить деньги было негде, колхозы один за другим становились миллионерами, да и постоянно нарастали накопления на счетах сберегательных книжек простых оленеводов, большая часть которых тратила деньги только на покупку продуктов первой необходимости и боеприпасы. Колхозные же, а впоследствии – совхозные деньги перераспределялись в бюджет области (Магаданской области) и почти не шли на обустройство поселков, их инфраструктуры, оленеводческих маршрутов и т. д.

В совокупности это способствовало распространению мифа о новой «земле обетованной», где живут лишь богатые люди, где господствует романтика и бескорыстие. Однако чукотские национальные села существовали лишь на бумаге. (В основном) их населяли иноплеменники, то есть люди, приехавшие на Чукотку из центральных районов страны. Вот с ними-то чукчи и не выдерживали социальной конкуренции. Приезжие, как правило, занимали должности с неизмеримо меньшей трудонапряженностью. Позже дело приняло более негативный оборот. Чукчи стали выселяться из своих квартир, которые передавались приезжим специалистам, и ютились у родственников до тех пор, пока не сдавались в эксплуатацию дома-гостиницы. Так, оленевод, приехавший к своей семье на короткий отдых, был вынужден жить в гостинице, и считать ее своим домом, выполняя догматы государственной политики, фактически «при-

творяясь» оседлым жителем. До самого заката советского строя данная проблема не была решена полностью. Таким образом, жить в своем кочевье и считать его своим домом было нельзя, а в поселке жить достойно не представлялось возможным.

Расслоенная между национальным селом и стойбищем патриархальная семья теряла внутренние связи. Чукотская этническая система утрачивала структуру и порядок, дробясь на хаотические новообразования. Кроме прочего, весьма быстро назрела проблема трудовых кадров, спровоцированная недалёковидной политикой. Дети, обучающиеся в интернатах, отлученные от стойбищ, теряли с ними связь. После окончания школы они оседали в национальных селах и занимались трудом, почти не требующим квалификации. Мир тундры становился для них чужим и враждебным, а труд оленеводов – настоящей каторгой, примером отсталости, чему, собственно, и учили в школе.

В результате преобразований советского периода этническая система чукчей раскололась. Наряду с приезжей общиной (то есть людьми, прибывшими на Чукотку из центральных районов страны), которая составляла обособленную группу, о специфике которой мы уже писали выше, образовались и две общины коренного населения [3, с.29]. Одна из них – чукчи, проживающие в национальных селах. Это люди, фактически отлученные от традиционного способа хозяйствования, постепенно утрачивающие связи с этнической системой, идентифицирующие себя (по большей части) как граждане СССР, а не этнические чукчи(хотя этнические критерии идентичности у них, безусловно, присутствовали, но имели дополнительный, формальный характер).

Другая этническая группа – люди, находящиеся в оленеводческих бригадах. Он и хранили традиционные ценности и составляли собой некий хребет сельскохозяйственного производства. Но это была уже не патриархальная семья, вросшая в кормящий ландшафт своей традицией, единство трех поколений, где старики и дети проживают вместе, образуя уникальные условия для передачи этнического и семейного опыта, где есть достаточно крепких и молодых мужчин и женщин, обеспечивающих благоприятное благосостояние и быт, а именно производственная бригада. «Несущая» на своих плечах львиную долю хозяйства Чукотки, она стала обычным производственным коллективом, подконтрольным советским и партийным органам. Женщины покинули эту социальную субстанцию, поскольку дети, как правило, изымались для обучения, старики переселялись в поселки. Помимо утраты связи поколений, это повлекло за собой феномен «холостячества». К концу 70-х годов XX века общий уровень холостячества вырос до 40% [3, с.30]. При этом появились матери-одиночки, имеющие несколько внебрачных детей, влачащие существование на

детские пособия и страховые выплаты (по больничным листам) [3, с.29].

Возникло поколение, не знающее отцов и мужчин, не ведающих счастья отцовства. Пример интеграции чукчей в хозяйственную жизнь страны показывает отсутствие равенства в отношениях между цивилизацией и этнической культурой. Пропаганда советского периода о колоссальном историческом скачке чукчей и других коренных малочисленных народов Севера «из каменного века – в социализм» фактически была оправданием присутствия государства на исконной территории чукчей.

Этническая система чукчей, имеющая серьезные отличия от других этнических систем Севера России (между тем) продемонстрировала высокий интеграционный потенциал. Это обстоятельство необходимо использовать при выстраивании дальнейших отношений с ней. Следует лишь взять в расчет то, что этническая система развивается по своим специфическим законам, по своему пути. В отличие от цивилизационной социальной системы, утерявшей связь с природой, зачастую ощущающей ее, эту связь, лишь с точки зрения системного ущерба, наносимого природе, этническая социальная система есть органическая часть природы. Она не является обособленным феноменом, общностью, присвоившей право на господство.

Именно поэтому при выстраивании богатой и образной картины идентичности чукотский этнос в своей традиции и стереотипе поведения ориентируется на понимание взаимосвязи между поступком человека и окружающей средой. Критерии идентичности чукчей не представляются исключительно социальными. Во всей полноте взаимосвязи человека и среды в них выражены непосредственно биологические принципы, ориентирующие на признание себя не только как социальной единицы, но и как живого организма, являющегося естественной частью могучих стихий Севера. Человек в этой картине выступает органической частью географического и биосоциального пространства. В его картине идентичности четко вырисовываются и групповые (социальные) критерии, и критерии пространственные, в которых ландшафт и его флора и фауна воспринимаются продолжением собственного Я.

В данном случае этническую идентичность чукчей, равно как и других коренных народов Севера, нельзя сводить лишь к когнитивно-эмоциональным процессам «причастности» к какой-либо общности, «объединения», «отождествления» с ней себя. Данная точка зрения достаточно распространена [4, с.108] и базируется на целом ряде современных концепций инструментального характера (Дж. Тернер, Д. Бери, Г. Тэшфлер и т. д.). Этническая идентичность выступает значительно более сложным процессом, включающим в себя базовые смысложизненные детерминанты.

Общая картина идентичности в данном случае, как показывает анализ

тех видоизменений, которые произошли в течение XX столетия, существенно повлиявшие как на этническую культуру, так и на процесс идентификации, непосредственно связана с этническим культурным идеалом, стереотипом поведения этноса, ведущим способом его хозяйственной деятельности, сформированной в этнической мифологии концепции этнического пространства, а также и с проблемой отождествления себя с определенной общностью.

Речь идет не о механистическом подходе выявления внешних и внутренних обстоятельств «сходств» и «различий», а также о пространственно-географической локализации, а о большой, не прекращающейся внутренней работе, основанной на кровной привязанности и искренней любви и преданности. «Человек этнической культуры» обладает значительно более богатым набором средств и приемов идентификации. Он никогда не осуществляет «холодного» и «взвешенного» анализа при построении идентичности и не дистанцируется от объекта наблюдения. Этому непременно препятствует искренняя любовь к родным ландшафтам и родной общности, а также «вросшая» в него традиция и принятый раз и навсегда этнический стереотип поведения. То есть следует говорить не о групповой идентичности, а точнее – не только о групповой, но и о пространственной, при условии понимания категории «пространства» во всей ее полноте и многослойности, когда оно выступает не в виде плоскости, ареала, пустоты, заполняющей расстояния между объектами, а как сложная концепция бытия духа, этнической культуры, мыслительная конструкция, наполненная как логическими субстанциями и конструктами, так и эмоционально-чувственными представлениями. В ней присутствует и прагматический элемент, и элемент сакрального, и принцип дополнения (не оппозиции!) критериев социальных критериями биологического характера.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зинков Е.Г. Культурное пространство России в исторической ретроспективе [Текст] / Е.Г. Зинков // Ставрополь. 2008.
2. Брачун Т.А., Сахибгоряев В.Х. Чукотский этнос: генезис и кризис. [Текст] / Т.А. Брачун, В.Х. Сахибгоряев // Магадан, 2009.
3. Задорин В.И. Падение, или История хождения чукчей в коммунизм и обратно [Текст] / В.И. Задорин // Северо-Восточный научный журнал. Магадан, 2010, № 1 (5).
4. Ковалев Ю.В. Этническая идентичность и толерантность представителей этнических групп (на материале этнокультурных групп Магаданской области) [Текст] / Ю.В. Ковалев // Вестник Северного международного университета. Магадан, 2003. Выпуск 1.

УДК 130.2

СИМВОЛИЗМ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Коваленко Е.М.

SYMBOLISM OF CULTURE IN A CONTEXT OF THE COGNITIVE CULTURAL SCIENCE

Kovalenko E.M.

В статье рассматривается проблема символа в контексте когнитивной теории культуры. Автором выявляются особенности осмысления культуры в когнитивной культурологии в контексте теории символизма А.Ф. Лосева, определившего два типа символа: символ сознания и символ культуры. В работе раскрывается влияние изменения понимания символа на процессы осмысления культуры.

The article considers the problem of symbol in the context of the cognitive theory of culture. The peculiarities of thinking about culture in the cognitive cultural science in a context of the theory of symbolism by A.F. Losev, who identified two types of symbol - a symbol of consciousness and a symbol of culture. Also the influence of changes in the understanding of the symbol on the processes of thinking about culture is considered.

Ключевые слова: когнитивная теория культуры, символизм, символ сознания, символ культуры, культура как система метарегулятивов, концепт.

Keywords: a cognitive culture theory, a consciousness symbol, a culture symbol, culture as system of regulatory mechanisms, a concept.

Установка на самопознание форм отношения субъекта к культуре – когниция – привела к появлению когнитивного направления в культурологии, в рамках которого предпринимаются попытки объединить достижения различных научных направлений в раскрытии механизмов становления культурных ментальных форм, которые придают культурный смысл непосредственному чувственному опыту, позволяя интерпретировать выраженное в знаковой форме коллективное знание [1, с. 18]. Когнитивный подход к определению сознания и познания основывается на признании регулятивного участия культуры в поведении человека. Категоризация является одним из базовых когнитивных процессов, с помощью которого человек структурирует свой мир, поэтому понимание культуры как конструирования смысла для своего осмысления требует обращения к категориям, которые играют в этом процессе ключевую роль. Символ, определяемый философией культуры как основная категория, в которой концентрируется сущность культуры, в рамках когнитивной культурологии рассматривается как важнейшая когнитивная форма культуры, как

знак, который предполагает использование своего первичного содержания в качестве формы для другого содержания, причем. его означаемое конвенционально связано с символизируемым объектом.

На протяжении всей истории философии к исследованию символа обращались представители самых различных направлений философской мысли. Значительный вклад в общую теорию символизма и утверждение за символом общепризнанной и мировоззренческой значимости внес А.Ф. Лосев, который определил два типа символа: символ как принцип символизма – диалектическое тождество идеального и реального, общего и индивидуального; синтез философ определил как символ первой степени (по сути, речь идет о символической функции сознания). Этот принцип охватывает всю культурную деятельность человека; символ как форма воплощения идеи. Символ вещи является оформлением «идейно-образного» построения вещи, при этом идейная образность должна указывать на что-то другое, отличное от нее, и быть для этого другим законом его построения. Здесь проявляется вторая степень символа, когда символ указывает «на нечто иное, чем он сам не является» [2, с.166], когда символ уходит за пределы образа и строит бесконечный ряд инородных перевоплощений.

А.Ф. Лосев уточняет, что символ вещи является ее выражением, т.е. имеет знаковую природу, определяет знак вещи как ее смысл, воплощенный «на каком-нибудь другом субстрате, не на том, который является субстратом осмысляемых вещей или событий» (смысл переносится с одного предмета на другой) [2, с.39]. Причем, символ – это знак, имеющий бесконечное число значений, следовательно, символ можно рассматривать как развернутый знак, а знак – как неразвернутый символ, зародыш символа. Символ получает свое значение «в связи с той или другой значительностью символизируемой им предметности» [2, с.107], т.е. различие между знаком и символом определяется степенью значимости обозначаемого и символизируемого предмета.

В соответствии со свойством символа указывать на неизвестные предметы путем какой-нибудь понятной и известной конструкции (символа сознания), А.Ф. Лосев проводит типологию символов, которая позволяет рассматривать его концепцию культуры как символическую. Он считает всю осмысленную деятельность человека символической, подчеркивая, что символы пронизывают собою всю культуру, которую он определил как то целое, в которое сливаются «природа и общество, взятые в своей предельной данности» [3, с.210]. Определяя культуру как предельную общность всех основных слоев исторического процесса (экономических, социально-политических, практически-технических, научных, художественных, религиозных, философских и т.п.), А.Ф. Лосев поставил вопрос о преодолении многообразия единичного в поисках сущности культуры, причем, у него познание мира в его целостности

только и возможно через символы.

Для когнитивной культурологии, исследующей механизмы становления культурных ментальных форм и роль субъекта в формировании когнитивных структур, являющихся не просто «зеркальным» отражением бытия, а результатом «ментального творчества», символ интересен в качестве носителя культурной информации, т.к. когнитивная теория культуры основывается на «информационном подходе», в рамках которого человек, культура, язык исследуются «сквозь призму разного рода информационных процессов» [4, с.270]. Подчеркивая, что в самом широком смысле информация является одним из базовых элементов бытия, основная функция которого – противостояние энтропии, Е.Я.Режабек определяет информацию «как некое состояние энергетического поля, неотделимое от самого поля» [5, с.76] и указывает на различия между информацией, поставляемой объектом (источником) и когнитивным паттерном. Причем, всегда присутствует момент активной переработки информации (сознательной или бессознательной), т.е. с точки зрения информационного подхода познание является процессом, который обеспечивается такими операциями как категоризация, репрезентация, редукция, реконструкция, интерпретация и пр.

Одним из базовых процессов, с которым традиционно связано понятие символа, является репрезентация, понимаемая в рамках когнитивного подхода (в котором признается существование как внешнего по отношению к сознанию человека мира, так и его влияние на когнитивные средства и содержание человеческого познания) как «согласие» знания с опытом, как «регулярное предъявление некоторого информационного содержания, характеризующего объект, «суду разума», когнитивной способности человека», как «перемещение в сознание выделенного информационного эквивалента вещи» [5, с.88]. В связи с тем, что этот информационный эквивалент вещи отличается от самой вещи, имеющей телесные характеристики, репрезентация рассматривается как «отношение замещения одного реального явления другим» [5, с.88], как когнитивная модель, как целостно схватываемый образ. В когнитивной культурологии выделяются несколько видов репрезентаций – эйдетическая, образная, чувственно-регистрируемая и знаково-символическая, лишенная эйдетических параметров, т.е. символ лишается своей эйдетической составляющей, отождествляясь со знаком, и рассматривается как символ культуры.

Таким образом, в рамках когнитивного подхода основой культуры становится информация, которая носит как вербальный дискретный, так и невербальный характер. Информация понимается как объективное состояние внешнего по отношению к человеку мира, так и состояние самого человека, что приводит к определению двух видов информации: «презентируемой объектом» и «когнитивной», требуя осмысления взаимоотношений между ними и

переводя отношения между субъектом и объектом из гносеологического плана в онтологический, что сближает концепцию Е.Я. Режабека с концепцией А.Ф.Лосева и позволяет дополнить теорию символизма культуры деятельностным подходом, т.е. включением человека в культуру.

Одним из важнейших терминов современной когнитивной науки является термин «концепт», позволяющий включить в научное знание понятия иррационального познания мира, преодолеть разрыв между объективным миром и внутренним ментальным опытом человека. Термин «концепт» является предметом когнитивных исследований в различных научных направлениях и рассматривается в качестве операционной единицы мысли как способ и результат категоризации знания. В когнитивной культурологии концепт определяется как единица структурированного и неструктурированного знания, образующего когнитивность отдельного человека и культуры (в целом). Благодаря своей ноэтико-ноэватической структуре концепт является и ментальным актом, и его результатом, т.е. смыслом [см. 6; 7; 1].

Анализ философских подходов к интерпретации концепта позволил обозначить общие тенденции в его толковании: концепт включает в себя как формы понятийного познания, так и интуитивного (чувственного). Автор полагает, что таким образом осмысленный концепт аналогичен понятию символа в концепции А.Ф. Лосева, т.е. концепты выступают в когнитивистике в роли «символов сознания». Концепты связывают «субъективность» внутреннего сознания с «объективностью» внешнего мира, и поэтому в рамках когнитивной культурологии ставится задача исследования того, каким образом через концепты происходит «сворачивание реального пространственно-временного индивидуального опыта в обобщенные формулы и его разуниверсализация для индивидуального использования» [5, с.165]. Фактически, речь идет о взаимообусловленности «символа сознания» и «символа культуры».

Концептуализация опирается на социокультурную деятельность, собственный опыт человека и унаследованную традицию, и, в свою очередь, определяет эту деятельность (А.А. Филатова). Таким образом, жизненный опыт становится доступным для человека и общества через свое воплощение в культурных формах, при этом культурные концепты являются ментальными культурными формами, т.е. определяют проявленные формы, в том числе и символ (символ культуры). Е.Я. Режабек, основываясь на конструировании концепта как предмета исследования различными дисциплинами, выделяет культурные концепты как один из основных «ментефактов культуры» [5, с.178], с помощью которого осуществляется взаимодействие надындивидуальных семантических структур и когнитивных структур индивидуального сознания. Следовательно, в рамках когнитивного подхода к культуре мы наблюдаем развитие идей А.Ф.Лосева относительно пути, «который проходит эйдос первоначала, отра-

женный в инобытии» и который является фактически «превращением и преобразованием символа» [8, с.219-220] в сознании, но уже не в самом по себе, а во взаимодействии сознания надындивидуального и индивидуального в процессе деятельности, и более того, сознание понимается как мышление (в целом), включающее как сознательные, так и бессознательные процессы.

Е.Я. Режабек определяет культуру как систему «метарегулятивов, организующих все виды человеческой деятельности», как «регулятивный слой когнитивности». Под «когнитивным строем культуры... следует понимать ментальную (и сознательную, и бессознательную) переработку информации, приходящей по сенсорным каналам, связывающим человека с окружающим миром» [4, с.261]. Уточняя понятие «система метарегулятивов», он определяет культуру как «аппаратурное оснащение коллективного сознания», которое обеспечивает эффективность индивидуального сознания, управляющего деятельностью человека. В этом «аппаратурном оснащении» он выделяет три яруса, относя к «верхнему» ярусу «надындивидуальные регулятивы» человеческой деятельности – «мировоззренческие смыслы», регулирующие поведение общественного человека, которые доступны сознанию, только реализуясь в различных когнитивных формах, образующих «средний» ярус культуры (планах, когнициях, понятиях). Самый развернутый, «нижний» ярус культуры образует система артефактов (орудий, инструментов, материальных конструкций), в которых реализуется предметная деятельность человека, стремящегося сделать окружающий мир пригодным для жизни. Эти три взаимодополняющих друг друга яруса культуры эволюционируют совместно на принципах самоорганизации. Такой подход позволяет исследовать в рамках когнитивной культурологии «преобразование мира на культурных основаниях», рассматривать культуру как «реальность осуществленных целей родового человека», а пространство культуры – как «поле общих дел, чувств и мыслей, т.е. регулятивность становится «орудием» и «техническим оснащением» культуры, определяющим поведение человека, а когнитивность включает такие дорефлексивные уровни, как чувственное переживание, культурные архетипы, социальные и психологические стереотипы [см. 9; 10].

В рамках когнитивного подхода к культуре понятие символа отождествилось со знаком, т.е. рассматривается как символ культуры, собственно познавательные функции символа (символ сознания) переданы концепту как ментальной структуре. Такой подход позволяет культуру рассматривать как семиотическую систему, состоящую из дискретных и аналоговых кодов представления информации, язык – как часть семиотической системы культуры, а сознание и поведение человека перестает отождествляться только с лингвистической деятельностью. Признается структурирующая роль языка в культуре, но язык перестает доминировать в создании и функционировании культуры. Про-

исходит своеобразный переход от превалирования коммуникативной функции языка к когнитивной, что влечет за собой интерес к когнитивным процессам в самой культуре, включению человека в создание и функционирование культуры. Этот процесс указывает на то, что накопление знаний в человеческой культуре достигло такого уровня, что влияние концепций на функционирование культуры становится все более значимым. Ю.М. Лотман считал, что изменения в системе культуры «связаны с расширением знаний человеческого коллектива», т.к. семиотические системы «подчинены обязательному закону развития» [11, с.498].

Таким образом, в рамках когнитивной культурологии изучается возможность конструирования реальности не только на уровне артефактов культуры, но и ментальности отдельного человека, т.к. культура рассматривается как система «метарегулятивов», «аппаратурное оснащение коллективного сознания», позволяющее управлять индивидуальным сознанием. Следовательно, появились возможности объяснения того, как на разных этапах функционирования культуры взаимодействуют ментальные и культурные значения, осмысления онтологии современной культуры и дальнейших путей ее развития. Развитие когнитивного научного направления позволяет включить человека в создание и функционирование культуры.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Филатова А.А. Концепт как конституирующий элемент культуры (когнитивный подход) [Текст] / А.А. Филатова // Автореферат дис. кандидата философских наук: 24.00.01, 09.00.01. – Ростов н/Д, 2007.
2. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. [Текст] / А.Ф. Лосев // М.: Искусство, 1995.
3. Лосев А.Ф. Держание духа. [Текст] / А.Ф. Лосев // М., Политиздат, 1988.
4. Режабек Е.Я. В поисках рациональности (статьи разных лет): научное издание. [Текст] / Е.Я. Режабек // М.: Академический Проект, 2007.
5. Режабек Е.Я., Филатова А.А. Когнитивная культурология. [Текст] / Е.Я. Режабек, А.А. Филатова // СПб., Алетейя, 2010.
6. Колесов В.В. Концепт культуры: образ-понятие-символ [Текст] / В.В. Колесов // Вестник СПб. университета. Сер. 2. – СПб., 1992. – Вып. 3 (№ 16). – с. 30-40.
7. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. [Текст] / Г.Г. Слышкин // М.: Academia, 2000.
8. Доброхотов А.Л. Онтология символа в ранних трудах А.Ф. Лосева [Текст] / А.Л. Доброхотов // Вопросы классической филологии.– М., 1990. – Вып. 10. с. 215-221.

9. Режабек Е.Я. Когнитивный подход в науке о культуре [Текст] / Е.Я. Режабек // Гуманитарные и социальные науки. – Ростов н/Д, 2008. – №1. – с. 39-46.

10. Режабек Е.Я. Когнитивная наука – новое направление учебно-методической работы вузов [Текст] / Е.Я. Режабек // Перспективы развития вузовской науки, VI научная международная конференция. – Дагомыс (Сочи), 21-24 сентября 2009 г. URL: <http://www.rae.ru/doklad092009.html>.

11. Лотман Ю.М. Семиосфера. [Текст] / Ю.М. Лотман // СПб: «Искусство–СПБ», 2001.

ПЕДАГОГИКА

УДК 37

ТВОРЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Абраухова В.В.

CREATIVE DEVELOPMENT OF THE PERSON IN ESTABLISHMENT ADDITIONAL EDUCATION

Abrauhova V.V.

В статье рассматривается потенциал учреждений дополнительного образования в процессе формирования творческой направленности личности. В новых социально-экономических условиях, по мнению автора, особое значение приобретает деятельность таких учреждений как открытых социально-педагогических институтов, в которых существенно расширяются традиционные направления, формы, технологии работы с детьми и подростками.

The article considers the potential of further education institutions in shaping of the personal creative direction. In the new socio-economic conditions, particular importance is the activity of institutions of supplementary education for children as a public social and educational institutions that implement social demands of practice and significantly expand the traditional direction, shape, technology, work with children and adolescents.

Ключевые слова: творчество, творческое развитие, творческая направленность, учреждения дополнительного образования, педагогика творчества, мотивация.

Keywords: creativity, creative development, creative orientation, additional education establishments, creativity pedagogics, motivation.

В России создана уникальная система учреждений дополнительного образования детей. Учреждения дополнительного образования способны увеличить спектр видов деятельности, создать ситуации успеха, обеспечить творче-

скую мотивацию детей и сформировать их творческую направленность. Особо важное значение творчество приобретает в условиях изменений общественной жизни, ведь именно в процессе творчества возникают новые идеи, преодолеваются стереотипы, вырабатываются новые подходы к организации жизни.

Важные государственные акты - Указ Президента РФ от 6 апреля 2006 года N325 «О мерах государственной поддержки талантливой молодежи», Постановление Правительства РФ от 27 мая 2006 г. «О премиях для поддержки талантливой молодежи», проекты «Государственная поддержка способной и талантливой молодежи», «Молодежь России» - являются программными документами для педагогов, работающих в системе дополнительного образования.

Содержание деятельности учреждений дополнительного образования - благодатный участок для исследователя, ведь наука до сих пор не определила закономерности становления личности в условиях творческой деятельности. Сделать это сегодня призвана педагогика творчества - особая область педагогической теории и практики. Ее предмет - формирование творческой направленности личности. Специально эта проблема не исследуется ни одной другой педагогической наукой. Педагогика творчества имеет традицию, идущую от народной педагогики, концепций педагогов - гуманистов, реальное воплощение в практике образования, большие перспективы развития. Коллективная творческая деятельность обеспечивает выход творческой энергии детей и взрослых за рамки отдельных образовательных учреждений в социум. Она открывает естественный, прямой и надежный маршрут воспитания гуманистического, воспитания без принуждения. Поэтому столь очевидна близость двух парадигм - педагогики творчества и теории воспитательных систем. В сочетании они дают синтез глубокого содержания и эффективной формы, гармонизирующий дополнительное образование.

Наиболее адекватная воспитательным системам педагогическая технология - организация творческих объединений детей и взрослых. В педагогике творчества они рассматриваются и как цель, и как процесс, и как результат: интегрируя детей и взрослых за счет действия механизмов мотивации, заражения познанием и творчеством они быстро сплачивают, развивают и социализируют их. Дополнительное образование не замыкается в специализированной сети учреждений, хотя они и имеют для его развития особое значение. Краеугольным его принципом является добровольное включение детей и взрослых в коллективную творческую деятельность. Творчество формирует особые общности людей, тесно связанных общими интересами, социально значимой деятельностью и гуманистическими отношениями.

Синтез исследования и творчества - еще один краеугольный принцип деятельности учреждений дополнительного образования. НОИ «Наша новая

школа» указывает на то, что главным результатом образования должно стать его соответствие целям опережающего развития. Ребята должны быть вовлечены в исследовательские проекты, творческие занятия, в ходе которых они научатся изобретать, понимать и осваивать новое, быть открытыми и способными выражать собственные мысли, уметь принимать решения и помогать друг другу, формулировать интересы и осознавать возможности. Понадобятся педагоги, способные помочь им найти себя в будущем, стать самостоятельными, творческими и уверенными в себе людьми.

Взаимодействие с социальными институтами воспитания (семья, учреждения культуры, творческие союзы, общественные организации); ориентация содержания деятельности педагога дополнительного образования на знание закономерностей творческого развития детей, социальная ориентированность коллективной творческой деятельности - эти и другие условия представлялись нам необходимыми факторами функционирования системы формирования творческой направленности личности. Тысячами нитей через каждого своего воспитанника они связаны с ним, с семьями и общественными объединениями по месту жительства детей и реагируют на воздействия извне, и сами постоянно влияют на окружение.

Именно в социуме проверяется устойчивость творческой направленности воспитанников. Поэтому на продвинутых этапах творческого развития детей педагоги призваны создать условия для обеспечения социального звучания их личных творческих достижений, ситуации, в которых дети делятся своими успехами с окружающими, привлекая к себе внимание сверстников, объединяя их вокруг себя, увлекая творчеством, как увлечены сами. В таких ситуациях укрепляется лидерская позиция творчески мотивированных детей. О диалектике этого процесса писал Л.С. Выготский: «Сама жизнь при этом раскрывается как система творчества...».

Процесс формирования творческой направленности личности ориентирован на развитие ребенка через включение его в познавательную, развивающую и коммуникативную деятельность на основе свободного выбора сферы приложения способностей для удовлетворения социокультурных и образовательных потребностей. Система формирования творческой направленности личности подразумевает развитие уникальных общностей - коллективов, связанных творческой деятельностью и общением, социализирующими людей. Они всегда обеспечивает синергетический эффект, умножая усилия всех своих субъектов в направлении повышения результативности.

Дополнительное образование открывает широкий простор для инноваций. Характерна в данной связи деятельность коллектива Дворца творчества Детей и молодежи Ростова-на-Дону. Действующая на его базе Донская Академия наук юных исследователей (ДАНЮИ) - научный центр по формированию

у старшеклассников интереса к изучению основ наук и привлечению их к научно - практической деятельности. Более 1000 человек ежегодно принимают участие в работе 40 секций Академии, представленных естественно - научными, гуманитарными и общественными дисциплинами, Состав жюри секций- 120 учёных! Впечатляет и спектр программ Дворца творчества: «Молодые ученые России», «Юный археолог», «Юный химик», «Фольклор, диалект и традиционная культура Дона», «Мир социальных наук», «Поликультурная история», «Юные патриоты России», «Школа светофорных наук», «Защитники морских рубежей», «Эрудит Дона», программа клубов юных журналистов «Петит», «ЮНЭК», «Юный медик» «Траектория», «Юный летчик», «Юный моряк», интеллектуального клуба старшеклассников «Что? Где? Когда?», городских школ «Шаг в математику», «Шаг в физику», «Молодежной школы интеллектуальной истории», «Школы молодого политика» - все эти программы являются программами различного уровня сложности и направлены на формирование мотивации к познанию и творчеству, формированию мировоззрения, новаторской позиции. Их дополняют летние практики в профильных лагерях «Юный моряк», «Юный летчик», «Юный археолог», «Юный Эколог», программа лагеря лидеров детских и молодежных объединений «Успех», летней школы одаренных и талантливых детей «Надежда», участниками которой являются победители и призеры районных, городских и областных этапов Всероссийской предметной олимпиады школьников, Донской академии наук юных исследователей.

«Дать человеку деятельность, которая бы наполнила его душу», — так определил в свое время К.Д. Ушинский главную цель воспитания. Творчество, как процесс рождения нового, ярко входит во все сферы нашей жизни. Оно включает в себя познание и открытие, труд и общение, игру и благотворительность, все то, что позволяет ребенку «найти себя», объединиться со сверстниками. В условиях преобразований российского общества дополнительное образование, реализующее педагогику творчества, становится все более значимым компонентом социальных реформ, а компетентность и самостоятельность, мобильность и предприимчивость, коммуникабельность и инициатива, рождаемые им, становятся необходимыми качествами юных граждан.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Выготский Л.С. Педагогическая психология. Краткий курс. [Текст] / Л.С. Выготский // М., 1991.- С.149.
2. Выготский Л.С. [Текст] / Л.С. Выготский // М.:Издательский дом Ш. Амонашвили, 1996.- С.83.
3. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте: психологический очерк. [Текст] / Л.С. Выготский // М.,1991.

4. Евтушенко С.В. Педагогика творчества: Учебно-методическое пособие. [Текст] / С.В. Евтушенко // М.: Федеральный институт развития образования, 2008

5. Немов Р.С. Социально-психологический анализ эффективности деятельности коллектива. [Текст] / Р.С. Немов // М.: Педагогика, 1984- 201с.

6. Сухомлинский В.А. Сердце отдано детям. [Текст] / В.А. Сухомлинский // 8е изд. - Киев: Рад. школа, 1984.-с.288.

7. Сухомлинский В.А. Мудрая власть коллектива (методика Воспитания коллектива). [Текст] / В.А. Сухомлинский // М.: Молодая гвардия, 1995. - 239с.

8. Ушинский К.Д. Собр. соч.: В 11 т. Т. 9, 10. [Текст] / К.Д. Ушинский // М., 1950.

9. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания [Текст] / К.Д. Ушинский // Собр. соч. в 10 томах. - М.-Л., 1950.Т.9.

УДК 37

**УЧЕБНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УЧАЩИХСЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ
ФИЗИКЕ В ПОЛНОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ КАК ВАЖНЫЙ
ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ ИХ ИНТЕРЕСОВ
И УМСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ**

Алиев Н.А.

**PUPILS' SCHOLASTIC RESEARCHES AT THE PROCESS
OF TRAINING THE PHYSICS AT THE FULL SECONDARY
SCHOOL AS IMPORTANT FACTOR IN SHAPING
THEIR INTERESTS AND MENTAL ACTIVITY**

Aliyev N.A.

В статье раскрываются вопросы, связанные с преподаванием теорий в процессе обучения физике в средней общеобразовательной школе. Автор предлагает новую четырехэтапную модель преподавания теоретического материала.

The article considers questions of physics theoretical education in secondary school. Author proposes new four-stage model of theory education.

Ключевые слова: поэтапное обучение, фундаментальные теории, физика, специальная теория относительности (СТО), физическая теория; деятельность; познавательная задача., модель обучения.

Keywords: he stage-by-stage training, fundamental theories, the physics, the special theory of a relativity (STR), the physical theory; activity; cognitive problem, training model of physical theories.

Реалии сегодняшнего дня ставят перед выпускниками средних и высших школ более высокие требования. Именно по этой причине следует увели-

читать требования к преподаванию фундаментальных наук, к которым относятся и физика. Отмечая важность и полезность методических работ прошлых лет (А.А. Пинский, Э.Е. Эвенчук, С.Л. Волштейн, А.И. Бугаев, Г.М. Голин, В.Г. Разумовский, З.И. Гаралов, Л.Я. Зорина, С.Э. Коменетский, В.В. Мултановский и др)., на настоящем этапе ведение исследований по методике преподавания физических теорий имеет большую значимость и актуальность. На наш взгляд, необходимо методическое решение следующих важных проблем: обучение функциям физической теории вместе с их структурными элементами должно быть предусмотрено в обучении; в процессе преподавания физических теорий важен учет личностного подхода (при таком подходе все учащиеся включаются в познавательный процесс, что ведет к развитию мышления). Как справедливо отмечал великий ученый и педагог Г.С. Ландсберг, «...на этих ступенях преподавать физику нужно именно как науку (или введение в нее), а не как совокупность отдельных фактов» [7, с. 12].

На основе анализа и обобщения научно-методической литературы можно выделить следующие функции физической теории: объяснительная; информативная; систематизирующая; предвидение (рис. 1). Функции теории (F), входящие в ее состав элементы (C) и ее структура (S) тесно связаны друг с другом. Эту взаимосвязь можно представить в виде уравнения (схема 1).

Рис. 1

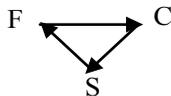

Схема 1.

Указанные здесь $F \rightarrow C$, $C \rightarrow S$, $S \rightarrow F$ называются непростыми и односторонними связями. Знания об C , выявленные новые элементы одновре-

менно воздействуют на Ф, определяют и делают более плодотворными его задачи. На стадии нового формирования физической теории объяснительная функция происходит на качественном уровне. Когда же выявляются эмпирические и теоретические законы теории данная функция реализуется и на качественном, и на количественном уровне. Такие связи существуют между $C \rightarrow S$ и $S \rightarrow F$. В методике преподавания следует обратить на них внимание.

Поскольку физические теории являются формами научного знания, нельзя преподнести их учащимся одновременно. Возможно только поэтапное их формирование в сознании учащихся (таблица 1).

Таблица 1. Уровни познания теории

Сведения о теории / Уровни познания	Функции теории	Состав теории	Структура теории
I уровень			
II уровень			
III уровень			

1. Функции теории – F
2. Состав теории – C
3. Структура теории – S

В современных условиях образования эти взаимные переходы достаточно осложнились, поскольку некоторые понятия (например, масса, температура и т.д.), входящие в структуру теории, не отражают (в целом) познавательный цикл.

Великий физик и педагог Дж.Орпир пишет: «Мой учительский опыт свидетельствует о том, что многое из вопросов современной физики легче усваивается учащимися и студентами, чем то, что кроется за третьим законом Нью-

тона» (4, с. 9). Мышление входит во все этапы учебного познания. Познание движется по схеме от явлений к сущности. На данных этапах обучения реализуется принцип единства знания и умений.

В этом плане в формировании знаний о физической теории будет наиболее продуктивным обращение к диалектике физики, ее физическим особенностям, так как научно-физическое познание и ее методы находят свое отражение в школьном курсе. Сложность, динамизм и многосторонность знаний о физической теории указывает на правильность и рациональность поэтапного обучения.

Каким образом и в какой последовательности должны происходить эти этапы? Ответ на эти вопросы зависит от того, через какие стадии развития проходит теория, и на каком уровне осуществляется познание на этих этапах. Основными этапами процесса являются следующие: состояние теории до ее проявления; выбор изучаемого физического объекта среди явлений природы; сбор дополнительной информации об объекте путем его наблюдения и измерения. Диалектика в процессе построения теории должна найти свое правильное отражение и в методике преподавания (в противном случае, логика методики преподавания будет противоречить логике формирования теории. Неправильный метод не может дать правильного и продуктивного результата).

На стадии изменения парадигмы физического образования с целью адекватного и высокого познавательного-активного усвоения учащимися физической теории привлечение к небольшим учебным исследованиям на уроке способствуют формированию у учащихся познавательной самостоятельности и личных способностей. Важным элементом в формировании этих качеств является система познавательных задач. Самостоятельное их решение малыми группами учащихся, с одной стороны, приводит к усвоению ими во время урока содержания и привлечению их к полноценной самостоятельной познавательной деятельности, а с другой стороны, решение системы познавательных задач формирует у учащихся умения обобщать и систематизировать. Это путь к формированию активного мышления. В таких ситуациях, если даже некоторые учащиеся и терпят неудачу в решении познавательной задачи, их деятельность можно считать созидательной, так как эта работа постепенно открывает путь к целенаправленно формирующемуся «открытию приемов решения».

В качестве примера (в обучении СТО) рассмотрим несколько познавательных задач.

Познавательная задача 1. Если первичные элементы и разделы механики (например, статика) возникли в Древней Греции, то формирование классической механики (или механики Ньютона) как науки стало возможным толь-

ко благодаря трудам Г. Галилея, И. Ньютона. Классическая электродинамика как фундаментальная теория сложилась в течение примерно 10 лет благодаря Дж.Максвеллу. Что доказывают указанные факты?

Познавательная задача 2. Постулаты Эйнштейна и вытекающие из них преобразования Лоренца сформировали новую физическую теорию. На каких экспериментальных и теоретических фактах основывалась эта теория? Какова ее сущность?

Познавательная задача 3. Если бы и Г. Галилей, и А. Эйнштейн были бы живы, между ними возник бы исторический спор. По какому поводу мог бы возникнуть спор? Как бы Вы разрешили этот спор?

Познавательные задачи широко применяются при обучении новым темам, закреплении знаний при опросе пройденного материала. В процессе решения познавательных задач у учащихся, работающих парами или в малых группах (3 или 4 человека), формируются такие личностные качества, как коммуникативность, самостоятельность, толерантность и т.д.

Мы предлагаем следующую методическую модель преподавания теории: дается представление об основах изучаемого материала; выявляются необъяснимые (с точки зрения предыдущих знаний) факты; объясняются эти факты, проверяется правдивость теории; выясняется место теории в современной физической картине мира. На наш взгляд, такая подача материала будет наиболее эффективно способствовать усвоению сложного теоретического материала в курсе физики общеобразовательной школы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гамзаев М.А. Педагогическая психология. [Текст] / М.А. Гамзаев // Баку: Маариф, 1991. (на азерб. яз.)
2. Гаралов З.И. Преподавание законов физики. [Текст] / З.И. Гаралов // Баку: Элм, 1997. (на азерб. яз.)
3. Бабанский Ю.К. Оптимизация процесса обучения (Общедидактический аспект). [Текст] / Ю.К. Бабанский // М.: Педагогика, 1977.
4. Орир Дж. Популярная физика. [Текст] / Дж. Орир // М.: Мир, 1969, с. 9.
5. Психология научного творчества. М.,ИНИОН АН СССР, 1973.
6. Калмыкова З.И. Психологические принципы развивающего обучения. М.: Знание, 1979, 48 с.
7. Элементарный учебник физики. Под ред. Г.С.Ландсберга. Т.1. 10-е изд., перераб. М.: Наука, 1985.

УДК 378.1

УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ

Гольшев И.Г.

MANAGEMENT OF HIGHER EDUCATION QUALITY IN DISTANCE LEARNING

Golyshev I.G.

В статье представлены особенности и специфические условия управления качеством высшего образования при дистанционном обучении. Автором предложены рекомендации по совершенствованию механизмов вузовского менеджмента качества образования в контексте современных тенденций развития дистанционного обучения.

The article presents features and specific conditions of managing higher education quality in distance learning. Recommendations on upgrading the mechanism of education quality management in a higher educational institution in connection with modern tendencies of distance learning development are proposed.

Ключевые слова: профессиональное образование, управление качеством образования, дистанционное обучение, открытое образование, индивидуализация образования.

Keywords: professional education, education quality management, distance learning, open education, individualization of education.

Дистанционная форма открытого образования, широко распространенная в зарубежной педагогической практике, с конца 90-х годов XX века получила большую популярность и в нашей стране. Проблемы обеспечения и управления качеством образования при дистанционной форме находятся в центре внимания специалистов в этой области. Ежегодно в нашей стране проводятся такие научно-практические конференции, как «Качество дистанционного образования: концепции, проблемы, решения», «Организационные и правовые аспекты управления качеством в системе открытого дистанционного образования», «Методологические и дидактические проблемы качества открытого дистанционного образования» и «Управление знаниями и качество открытого дистанционного образования» и др..

Дистанционное обучение воспринимается как социальный институт, который способен предоставить человеку разнообразные образовательные услуги, позволяет каждому обучающемуся выстроить ту образовательную траекторию, которая наиболее полно соответствует его способностям, независимо от того, где бы территориально он ни находился [1], является шансом

повысить образовательный и квалификационный статус для представителей ряда социальных групп, доступ которых к традиционной системе образования затруднен (студенты высших и средних профессиональных учебных заведений, стремящиеся к получению параллельно еще одного высшего или среднего профессионального образования по другой специальности; служащие (руководители, специалисты и др.), занятые в экономике и получающие доходы от работы по найму или занятые предпринимательской деятельностью; безработные с различным уровнем образования; военнослужащие, в том числе подлежащие увольнению в запас; граждане, уволенные с военной службы, члены их семей; осужденные и сотрудники уголовно-исправительной системы; домохозяйки и лица, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком; лица с ограниченными физическими возможностями) [2].

Специалисты выделяют ряд очевидных достоинств дистанционного обучения, к которым относят снижение издержек получения образования; распространение передовых методик обучения на периферию; развитие навыков самостоятельной работы у студентов; возможность задействовать результаты наиболее профессиональных преподавателей в интерактивном учебном процессе; повышение качества контроля знаний за счет детальной проработки тестовых заданий и постановки проблем [3]. Из трех основных технологий дистанционного обучения – кейс (почтовой рассылки), телевизионной и сетевой (Интернет) – в настоящее время наиболее популярной является последняя. Бурное развитие сектора услуг по дистанционному обучению не могло не вызвать ряд новых проблем, многие из которых связаны с вопросами обеспечения качества такой формы образования. Как отмечено в документах ЮНЕСКО, «в последнее время представители дистанционного образования всё чаще стали приходить к заключению о наличии существенной разницы в природе, а следовательно, и в качестве знаний, обеспечиваемых интерактивными методами электронного обучения...» [5]. Управление качеством дистанционного обучения существенно отличается от аналогичной деятельности при традиционной организации образовательного процесса в высшей школе. В основе этих различий лежит ориентация на различные приоритетные группы потребителей: если для традиционного образования критичным показателем является удовлетворенность потребителей выпускников – работодателей, то дистанционное обучение к рынку труда непосредственного отношения не имеет и (в первую очередь) удовлетворяет личностные познавательные запросы обучающихся.

Применительно к дистанционному обучению необходимо скорректировать само понятие «качество образования», подчеркнув в нем основную

целевую аудиторию. Одно из наиболее удачных, на наш взгляд, определения гласит: «...качество дистанционного обучения складывается из совокупности потребительских свойств образовательной услуги (критериев), обеспечивающих возможность удовлетворения комплекса потребностей по всестороннему развитию личности студента» [2]. Впрочем, в специальной литературе встречаются попытки оценить ожидания различных социальных групп, связанных с такой формой обучения. Весьма детальное изучение этого вопроса изложено в статье К. Лампиковски «Кто определяет качество в дистанционном образовании?» [4], одно из основных положений которой гласит, что понятие «качество образования» здесь будет различным для разных сторон и групп интересов, поскольку у них отличные друг от друга цели и приоритеты.

Информационные сетевые технологии как основной инструмент современного дистанционного образования. Представительства учебных заведений - Интернет-порталы, имеющие практически полностью электронное делопроизводство, контакты администрации, преподавателей и обучающихся производятся посредством механизмов виртуального общения (чат, телеконференция, электронная почта) и т.д. При всех достоинствах такой организации учебного процесса, который развивается и постоянно совершенствуется, существует ряд проблем. Первая проблема - обеспечение безопасности. Существующее на сегодняшний день программное обеспечение не в состоянии обеспечить полную защиту данных ни от злонамеренных действий сторонних лиц, ни от ошибки пользователя, ни от случайного программно-технического сбоя.

Следующая - затрудненность государственного контроля. При сетевой технологии теряют актуальность целый ряд условий организации образовательного процесса, столь важные при традиционном подходе: соблюдение санитарных и противопожарных норм, обеспечение учащихся учебными и учебно-лабораторными помещениями, питанием, медицинским обслуживанием и т.д. Фактически, для осуществления дистанционного образования достаточно компьютера с выходом в Интернет (сервера), на котором размещены все информационные ресурсы, и людей, организующих и обслуживающих учебный процесс. Очевидно, что такая система не может быть адекватно измерена имеющимися инструментами государственной комплексной оценки высших учебных заведений (лицензированием и аккредитацией), т.к. требуются принципиально иные механизмы контроля и гарантии качества высшего образования применительно к дистанционной форме обучения.

Кроме этого - отсутствие вступительных испытаний и отбора абитури-

ентов. Многие учебные заведения, реализующие дистанционную форму образования, проводят вступительные экзамены и осуществляют отбор поступающих, что является отходом от буквы и духа его философии. Дистанционное образование априори рассматривается как открытое и максимально доступное, не предусматривающее каких-либо условий и препятствий для желающего обучаться. В этом случае невозможно выполнить традиционные рекомендации по отбору абитуриентов с наиболее высоким базовым уровнем подготовки, который является залогом качества последующего образования.

Сложности в обеспечении учебной и производственной практики (и практической подготовки вообще). Поскольку дистанционное образование не включает в свои рамки активного социального взаимодействия, что на сегодняшний день объясняется техническими ограничениями, практическая подготовка обучающихся имеет меньшее значение, чем подготовка теоретическая. Исключениями являются специальности, не требующие непосредственного социального взаимодействия, например, дизайн или программирование; дистанционно обучить врача или педагога невозможно. Именно поэтому наиболее популярные направления подготовки при дистанционном подходе – гуманитарные и информационные, не требующие регулярной практики у потенциального работодателя. Соответственно, распространение дистанционного образования существенным образом ситуацию на рынке труда не исправит, т.к. эффективная подготовка наиболее востребованных – технических и социальных – специалистов дистанционно представляется маловероятной.

Ориентация образовательного процесса на запросы клиента-обучающегося, а не работодателя. Это положение вытекает из основополагающих принципов открытого дистанционного образования, базирующихся на признании примата индивидуальных образовательных потребностей обучающегося. Позиции потребителей специалистов, как правило, при осуществлении дистанционного образования учитываются крайне редко, а зачастую их попросту невозможно учесть (например, при географической удаленности или разбросанности обучающихся). Следовательно, учебное заведение дистанционного образования не может систематически управлять трудоустройством выпускников.

Индивидуализация обучения. Дистанционное образование носит максимально индивидуализированный характер, и направлено на обучение отдельного человека, а не группы. Это несомненное достоинство, само по себе являющееся залогом высокой результативности образовательного процесса, имеет и ряд побочных последствий, затрудняя или исключая эффективные ме-

тоды коллективной учебной работы (игры, дискуссии и т.д.). Встает и проблема организации общения между обучающимися, в том числе неформального, что также занимает важное место в получении образования. С дидактической точки зрения в этих условиях необходим особый подбор образовательных технологий, требующий специальных усилий администраторов и преподавателей дистанционного вуза.

Следует также иметь в виду, что при всей открытости и доступности дистанционного образования приходится сталкиваться с неготовностью отдельных групп обучающихся к использованию ряда информационных и образовательных технологий из-за неумения, ограниченности или отсутствия возможностей (к числу таких групп относятся, например, люди старшего поколения, заключенные, военнослужащие и т.д.). В связи с этим должна быть разработана эффективная система менеджмента качества.

Политика вуза в области качества и внутривузовское руководство по качеству должны быть адекватны основной цели – удовлетворению образовательных запросов обучающихся. Связанный с этим ожидаемый социальный, а не экономический эффект закладывается в миссию дистанционного вуза и в видение его развития. Для индивидуальной работы с обучающимися чрезвычайно важна вариативность учебных программ и курсов, позволяющая им выбрать не только наиболее желательные сферы знаний, но и приемлемую организацию учебного процесса как с технической точки зрения, так и с точки зрения временных затрат, т.е. длительности обучения.

При дистанционном образовании мы наблюдаем приоритет академических знаний перед профессионально-прикладными умениями и навыками, в контроле успеваемости обучающихся приходится делать акцент на дидактические механизмы, т.е. доступными для измерения и анализа остаются только показатели обученности по изучаемым дисциплинам. При практической подготовке по ряду специальностей (дизайн, программирование, иностранные языки и т.п.) можно проверить ее результат, но процесс этой практической работы остается труднодоступным для контроля со стороны преподавателя. В конечном счете, признаком успешной деятельности дистанционного вуза является удовлетворенность обучающихся в нем лиц. Поэтому индивидуальная работа с обучающимися, выяснение их образовательных потребностей и построение учебного процесса в соответствии с ними лежат в основе управления качеством при дистанционном образовании.

Таким образом, приоритет потребностей обучающегося, а не работодателя, в значительной степени отличает управление качеством при дистанци-

онном образовании от аналогичного процесса в традиционной высшей школе. Администрация и преподавательский состав дистанционного вуза должны выстраивать образовательную стратегию в соответствии с государственным образовательным стандартом, учетом интересов потребителей услуг, техническими и организационными особенностями образовательной структуры.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Девтерова З.Р. Современные подходы к организации и управлению дистанционным обучением [Текст] / З.Р. Девтерова // Гуманизация образования. – 2010. – № 1. – С. 58-63.
2. Егоршин А.П. Емкость рынка и качество дистанционных образовательных услуг [Текст] / А.П. Егоршин, В.А. Кручинин // Дистанционное образование. – 2000. - № 2. – С.36-40
3. Кликунов Н.Д. Системные риски, порождаемые развитием дистанционного высшего образования в России [Текст] / Н.Д. Кликунов // Университетское управление: практика и анализ, № 5-6(28) 2003. С. 78-80
4. Lampikoski K. Who Determines Quality in Distance Education? [Текст] / K. Lampikoski // One World Many Voices: Quality in Open and Distance Learning. Selected papers from the 17th World Conference of the International Council for Distance Education. – Birmingham, United Kingdom. – 1995. – Vol. 2. – Pp. 117-20.
5. Open and distance learning. Trends, policy and strategy considerations. Division of Higher Education. [Текст] / UNESCO, 2002. – Pp. 80-81

УДК 37

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ МАРКЕТИНГОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГОВ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ВНУТРИФИРМЕННОГО ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

Еремина С.В.

A MODEL OF FORMING THE MARKETING CULTURE OF ADDITIONAL EDUCATION'S TEACHERS THE IMPROVEMENT OF PROFESSIONAL SKILL IN FIRM

Eremina S.V.

В статье представлена модель формирования маркетинговой культуры педагогов дополнительного образования в процессе внутрифирменного повышения квалификации. Автором описаны основные результаты исследования, выраженные в динамике качественных преобразований мотивационно – ценностного, когнитивного, коммуникативного и технологического компонентов маркетинговой культуры педагогов.

The article is for managers of additional education institutions and education institutions marketing services. The main results are expressed in the dynamics of qualitative changes of motivational-value, cognitive, communicative and technological components of marketing culture. The prospects for the further researches of this problem are planned.

Ключевые слова: дополнительное образование, маркетинговая культура педагогов дополнительного образования, модель, внутрифирменное повышение квалификации, рынок образовательных услуг.

Keywords: a marketing culture of additional education's, a model, the improvement of professional skill in firm, the market of educational services.

Развитие рынка образовательных услуг, высокая конкуренция в сфере дополнительного образования, переход учреждений на финансово – экономическую самостоятельность, направленность их миссии на выявление и удовлетворение постоянно изменяющихся образовательных потребностей детей и их родителей требуют педагогов, способных к осуществлению маркетинговой деятельности в новых экономических условиях и обладающих высоким уровнем маркетинговой культуры.

Об актуальности формирования маркетинговой культуры свидетельствуют исследования С.Н. Андреева, Г.Л. Багиева, М.Г. Орловой, В.В. Томилова, Г.Л. Тульчинского, А. В. Шавриной, В.М. Шепеля и др.).

Формирование маркетинговой культуры педагогов дополнительного образования может достаточно успешно осуществляться в условиях внутрифирменного повышения квалификации.

На это указывают работы зарубежных исследователей: М. Вундака, П.Сенге, Э. Перслоу, Р. Фишера и труды отечественных ученых О.В. Акуловой, Р.У. Богдановой, Е.В. Пискуновой, А.П. Тряпицыной, в которых выделены преимущества обучения педагогов на рабочем месте по сравнению с традиционными формами повышения квалификации.

Несмотря на все возрастающую роль форм повышения квалификации в настоящее время исследований, отражающих специфику формирования маркетинговой культуры педагогов дополнительного образования в процессе внутрифирменного повышения квалификации, нет.

Анализ теоретических источников и практики формирования маркетинговой культуры педагогов дополнительного образования в процессе внутрифирменного повышения квалификации показал, что в науке и практике еще не преодолены существующие противоречия между объективной потребностью общества, государства и системы образования в педагогах, обладающих высо-

ким уровнем маркетинговой культуры, и недостаточным вниманием педагогической науки и практики к вопросам формирования маркетинговой культуры педагогов дополнительного образования; необходимостью уточнения сущности и содержания маркетинговой культуры педагогов дополнительного образования и недостаточной теоретической обоснованностью категории «маркетинговая культура педагогов дополнительного образования» в современной педагогической науке; потенциальными возможностями внутрифирменного повышения квалификации в эффективной подготовке специалистов на рабочем месте и недостаточным учетом данного потенциала при формировании маркетинговой культуры педагогов дополнительного образования; практической необходимостью в формировании маркетинговой культуры педагогов дополнительного образования и недостаточной разработанностью модели данного процесса и необоснованности педагогических условий его осуществления во внутрифирменном повышении квалификации.

Выявленные противоречия позволили сформулировать проблему исследования, заключающуюся в необходимости разработки теоретической модели и выявлении педагогических условий формирования маркетинговой культуры педагогов дополнительного образования в процессе внутрифирменного повышения квалификации.

Модель строится в соответствии с содержанием и логикой формирования компонентов маркетинговой культуры, а также требований, предъявляемых к профессионально значимым и личностным качествам педагогов дополнительного образования.

Она представляет взаимосвязанную совокупность элементов, объединенных в целостную систему.

Модель реализуется в соответствии с этапами, которые раскрывают структуру, содержание и логику процесса формирования маркетинговой культуры педагогов дополнительного образования как составляющей их профессионально – педагогической культуры и учитывает педагогические условия, обеспечивающие эффективность данного процесса.

На каждом из этапов моделируется специально разработанная система средств, приводящих к новообразованиям в сфере маркетинговой культуры. Исходя из общих представлений о структуре процесса, в качестве компонентов данной модели мы выделили следующие блоки концептуальный, целевой, содержательный, организационно – деятельностный, результативный.

Таким образом, модель (рис.1) представляет собой целостную систему, каждый из элементов которой несет определенную смысловую нагрузку и обеспечивает достижение прогнозируемого результата.

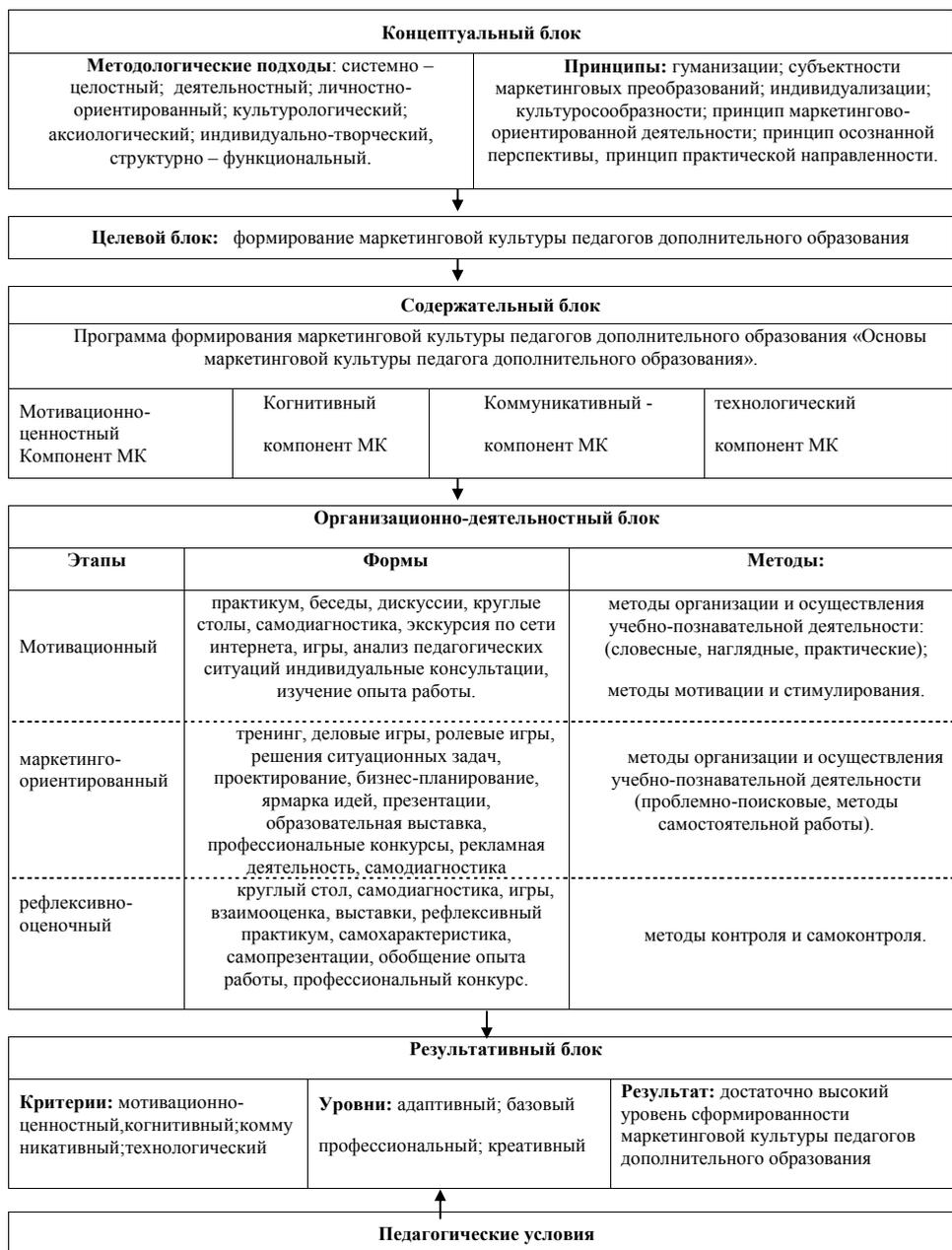

Рисунок 1. Модель формирования маркетинговой культуры педагогов дополнительного образования в процессе внутрифирменного повышения квалификации

Апробация и проверка эффективности разработанной модели формирования маркетинговой культуры педагогов дополнительного образования в про-

цессе внутрифирменного повышения квалификации проводилась в период с 2008-2010 гг. в естественных условиях внутрифирменного повышения квалификации на базе МОУ ЦДОД №2 г. Астрахани.

Эффективность внедрения модели оценивалась по динамике роста и совершенствования компонентов маркетинговой культуры согласно разработанным нами критериям. В ходе исследования на основе теории уровневого подхода (Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, В.А. Сластенин) были определены поуровневые характеристики проявления маркетинговой культуры педагогов дополнительного образования: адаптивный, базовый, профессиональный и креативный.

В ходе реализации модели было установлено, что креативного уровня маркетинговой культуры достигли 21% педагогов, профессионального 51,5%, на базовом остались 19,5% и на адаптивном уровне лишь 8% участников опытно – экспериментальной группы.

Таким образом, опытно – экспериментальная работа показала, что разработанная и апробированная модель формирования маркетинговой культуры педагогов дополнительного образования в процессе внутрифирменного повышения квалификации является достаточно эффективной.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Исаев И.Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по пед. спец. [Текст] / И.Ф. Исаев // 2-е изд. – М. : Академия, 2004. – 207 с.

2. Никитин Э.М., Ситник А.П., Савенкова И.Э., Крупина И.В. Развитие отечественной и зарубежной системы повышения квалификации педагогических работников: Учебное пособие. [Текст] / Э.М. Никитин, А.П. Ситник, И.Э. Савенкова // 2005. - 88с.

3. Орлова М.Г. Формирование маркетинговой культуры учителя в процессе повышения квалификации: Дис.канд. пед. наук. [Текст] / М.Г. Орлова // Томск, 2003. – 197с.

4. Панкрухин А.П. Маркетинг образовательных услуг в высшем и дополнительном образовании. Учебное пособие. [Текст] / А.П. Панкрухин // М.: Интерпракс, 1995.- 240 с.

5. Шаврина А. В.Формирование маркетинговой культуры менеджера туризма в вузе: Автореф. Дис. канд. пед. наук. [Текст] / А.В. Шаврина // М.,2009. - 25с.

УДК 37.032

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА**

Киселев Д.С., Елисеев В.К.

**AXIOLOGICAL ASPECTS
OF FORMATION OF THE FUTURE TEACHER'S SUBJECTNESS**

Kiselev D.S., Eliseev V.C.

Ценностное самоопределение будущего педагога как субъекта деятельности рассматривается в статье как процесс порождения целей и смыслов этой деятельности в пространственно-временном континууме формирования субъектности.

Valuable self-determination of the future teacher as subject of activity that is considered as process of generation of the purposes and senses of this activity in an existential continuum of formation of subjectness.

Ключевые слова: субъектность, самоопределение, аксиология, самодетерминация, адаптация, саморегуляция, самореализация, самоидентификация, самопроектирование.

Keywords: Subjectness, axiology, self-determination, adaptation, self-control, self-realization, self-identification, self-designing.

Современные тенденции модернизации высшего профессионального образования определяют направления личностного и профессионального самоопределения молодого поколения. Реформы отечественной образовательной системы приводят к изменению вектора ценностного самоопределения молодежи, что обуславливает трансформацию сферы личностных и профессиональных ценностей будущих специалистов.

Период становления ценностного самоопределения молодежи (в основном) совпадает с периодом обучения и воспитания в учебных заведениях среднего специального и высшего образования и представляет собой формирование системы эмоционально-оценочных и ценностно-смысловых отношений будущего специалиста к действительности (в целом) и профессиональной деятельности, в частности. Процесс самоопределения личности является предметом различных научных направлений: философии, психологии, педагогики и др. Так, философско-методологические аспекты самоопределения отражают проблемы построения жизненного пути, понимания смысла жизни, личной ответственности, осуществление нравственного выбора (И.В. Бестужев, Л.П. Буева, Г.В. Гегель, В. Гумбольд, Д.И. Дубровский, А.Г. Здравомыслов, Э.В. Ильенков, Н.С. Кон, В.П. Кузьмин, В.А. Лекторский, М.Н. Руткевич, Ф.Шлегель, Ф.Шлейермахер, Г.П. Щедровицкий, В.А. Ядов и др.).

В работах С.Л. Рубинштейна заложены методологические основы психологического подхода к проблеме самоопределения, которая рассматривалась психологом в контексте проблемы детерминации. Самоопределение в трудах С.Л. Рубинштейна выступает как самодетерминация в отличие от внешней детерминации. К.А. Абульханова-Славская рассматривает самоопределение как свободное избрание человеком смысла жизни, готовности к самостоятельной жизнедеятельности на основе соотнесения своих желаний, наличных качеств, возможностей и требований, предъявляемых к нему со стороны окружающих и общества» [1, 123]. «Самоопределившаяся личность» в данном случае является синонимом «социально созревшей» личности. Основной характеристикой такой личности является соблюдение норм, принятых в обществе, и ориентированность на определённые групповые, коллективные и общественные ценности. Как отмечает М.Р. Гинзбург [3, 98], проблема самоопределения, по сути, есть проблема взаимодействия социальной детерминации индивидуального сознания и роли собственной активности субъекта в этой детерминации.

Анализ научных разработок общих вопросов самоопределения личности позволяет сделать некоторые обобщения: самоопределение связывается со становлением субъектности как системной характеристики социально зрелой личности; самоопределение в социальном плане связано с определением места личности в социальной структуре общества, мотивационно-ценностными ориентациями личности, жизненными планами и целями; в процессе самоопределения формируется ценностная позиция личности по отношению к самой себе, к деятельности, к профессии, к людям, к миру и жизни в целом; самоопределение есть динамический процесс, связанный с ценностной рефлексией выбора жизненного пути; самоопределение предполагает самореализацию и самоактуализацию ценностной позиции личности.

Таким образом, проблема ценностного самоопределения личности теснейшим образом связана с проблемой становления субъектности.

В психологической науке выделяются различные стадии и этапы формирования субъектности. Наиболее известные из них представлены в концепциях Г.А. Аксеновой, А.В. Белошицкого, И.Ф. Исаева, В.И. Слободчикова и др.

Предложенная нами модель стадийного развития субъектности будущего педагога исходит из положений С.Л. Рубинштейна о механизмах развития детерминации в процессе самоопределения личности. В соответствии с этим положением нами выделены следующие стадии развития субъектности: стадия адаптации. Субъект учебно-профессиональной деятельности руководствуется образцами поведения, принятыми в обществе или в той или иной социальной или профессиональной группе. На этой стадии доминирует активное приспособление будущего педагога к новым условиям, освоение требований вуза и профессии, своих функций, обязанностей и прав. На данной стадии также

происходит осмысление вхождения в новую социальную среду, ее внутреннее принятие или непринятие; стадия саморегуляции. Характеризуется активностью субъекта в выдвижении целей, адекватностью этого процесса внешним и внутренним условиям, иерархичностью целей, автономностью, способностью самостоятельно планировать деятельность и поведение, организовывать работу по достижению выдвинутой цели, контролировать ход ее выполнения, анализировать и оценивать как промежуточные, так и конечные результаты деятельности; стадия самореализации. В процессе самореализации потенциальные особенности субъекта переходят в актуальные, включающие в себя содержательные и процессуальные компоненты. Процессуальная самореализация вытекает из понимания сущности «внутреннего контура регулирования», детерминирующего направление саморазвития личности с точки зрения ее наибольшей внутренней согласованности. На этой стадии возрастает самодетерминация и осознанная саморегуляция целенаправленной активности субъекта; стадия самоидентификации. Самоидентификация выступает как форма психологической регуляции профессионального становления субъекта. Она инициирует переструктурирование профессиональной идентичности и, соответственно, наполняет педагогическую деятельность новыми смыслами и мотивами. Самоидентификация субъекта – важный механизм формирования «Я-концепции» профессионала, динамический процесс развития самосознания, и результат переструктурирования личности. Самоидентификация субъекта профессиональной деятельности представляет собой осознанное (эмоционально насыщенное) ощущение принадлежности к эталонной профессиональной группе; стадия самопроектирования. Данная стадия развития субъектности предполагает наличие во внутреннем плане сознания некоего динамичного эталона, постоянно пополняемого за счёт приобретаемого опыта, обобщаемого на основании внутренних интенций личности и структурируемого под влиянием целей, мотивов, намерений – представление о том, каким человек хочет видеть себя в ближайшем и отдаленном будущем. (Я – идеальное и Я – в будущем). В профессиональном плане самопроектирование – готовность субъекта к постоянному самоизменению и самодетерминации своих профессиональных возможностей.

Определение содержания феномена «ценностное самоопределение личности» стало возможным благодаря философским, психолого-педагогическим, социологическим и междисциплинарным исследованиям аксиологических аспектов процесса самоопределения, пониманию ценности как научной категории, содержание которой претерпевает значительные изменения и трансформации в онтогенезе развития личности, (Г.П. Выжлецов, М.Р. Гинзбург, М.С.Каган, Д.А. Леонтьев, И.Ф. Исаев, В.Д. Повзун, В.А. Слостенин и др.).

Высшим типом жизненного самоопределения является личностное са-

моопределение, когда человеку удается действительно стать хозяином ситуации и всей своей жизни в целом. Личностное самоопределение, по мнению М.Р. Гинзбурга является генетически исходным, определяющим развитие всех других видов самоопределения [4]. Личностное самоопределение выступает основанием собственного развития. Изменения в ценностном сознании человека являются закономерным результатом человеческой жизни и составляют основное содержание процесса переопределения личности. Жизнь человека – это «история актуализации одних ценностей и низвержение других» (С.Л.Рубинштейн) [3, 48]. Незавершаемость процесса самоопределения подтверждается постоянной переоценкой ценностей, которая происходит на протяжении всей жизни человека. Именно это позволяет утверждать, что ценностное самоопределение личности, самоопределение относительно ценностей, является генетически исходным, определяющим развитие всех других видов самоопределения на протяжении всей жизни человека. Следовательно, ценностное самоопределение – это становление жизненной позиции личности на основе ценностей и смысложизненных ориентаций, сформировавшихся в результате активной внутренней деятельности субъекта и целенаправленного процесса обучения и воспитания.

Ценностное самоопределение субъекта учебно-профессиональной деятельности можно рассматривать как процесс порождения целей и смыслов этой деятельности в пространственно-временном континууме формирования субъектности. К критериям ценностного самоопределения будущего педагога как субъекта педагогической деятельности можно отнести следующие: определение субъектом своей позиции относительно жизненных и профессиональных ценностей; ценностно-смысловая регуляция и коррекция субъектом жизненного и профессионального пути; актуализация ценностно-смысловых структур и отношений субъекта; идентификация с личностными и профессиональными ценностями эталонной группы; построение и реализация субъектом ценностно-смысловой временной перспективы.

Основная идея настоящего исследования состоит в том, что динамика ценностного самоопределения личности и его этапы сопряжены со стадиями развития субъектности. Можно выделить следующие этапы ценностного самоопределения личности будущего педагога как субъекта учебно-профессиональной деятельности: ситуативный – принятие ситуативных ценностей в процессе адаптации; действенный – этап, на котором ценности начинают выступать действенными регуляторами поведения и деятельности; продуктивный – этап порождения новых ценностей; результативный – этап реализации и самореализации ценностей; проективный – проектирование ценностей как перспективных поведенческих эталонов.

Этапы ценностного самоопределения личности будущего педагога со-

пряжены, по нашему мнению, со стадиями формирования его субъектности. При этом ситуативный этап соотносится с субъектной стадией адаптации, действенный этап – со стадией саморегуляции, продуктивный этап – со стадией самореализации, результативный этап – со стадией самоидентификации, проективный этап – со стадией самопроектирования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни [Текст]/К.А. Абульханова-Славская // М.: Мысль, 1991. – 208 с.
2. Гинзбург М.Р. «Психологическое содержание личностного самоопределения» [Текст] / М.Р. Гинзбург // Вопр. психол. 1994. N 3. С. 56-64
3. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн // М.: Наука, 1976. – 262 с.

УДК 37.032

СУБЪЕКТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ: ЕЕ ФОРМИРОВАНИЕ

Лыткина А.В., Елисеев В.К.

SUBJECT- PROFESSIONAL POSITION OF THE FUTURE TEACHER AND ITS FORMATION

Lytkina A.V., Eliseev V.C.

Предложенная типология субъектно-профессиональной позиции будущего педагога основана на ее понимании как ценностно-временной личностной структуре, способе организации и структурирования своей личной и профессиональной судьбы.

The offered typology of the subjective-professional position is based on its understanding as valuable-time personal structure, a way of the organisation and structurization of the personal and professional destiny.

Ключевые слова: жизненная позиция, субъектно-профессиональная позиция, созерцательно-конформистская позиция, функционально-действенная позиция, позиция самовыражения, позиция самоутверждения, созидательно-преобразующая позиция.

Keywords: vital position, subject-professional position, contemplate-conformist position, is functional-effective position, self-expression position, self-affirmation position, creative-reformative position.

В понимании сущности и содержания понятия «жизненная позиция» нет единого мнения. В различных отраслях научного знания существуют понятия «позиция», не совпадающие по содержанию. В работах по общей и соци-

альной психологии «позиция» – постоянно развивающаяся система (интеграл) личностных отношений человека к социальному окружению, к самому себе, готовность личности реализовать эти отношения в конкретной деятельности. Кроме того, в психологической литературе используются различные термины: «жизненная позиция», «жизненная концепция», «внутренняя позиция», «диспозиция личности», «личностная позиция», но в большей степени получили распространение «жизненная позиция» и «внутренняя позиция».

Общность мнений исследователей по вопросу определения позиции, несмотря на определенные расхождения, заключается в утверждении ее значения для существования субъекта, его поведения и деятельности. Следует заметить, что практически все исследователи, давая свое определение понятию «позиция», увязывают его с понятием «отношение».

Различные аспекты проблемы отношений нашли свое отражение в работах Б.Г. Ананьева, В.Н. Мясищева, С.Л. Рубинштейна, В.С. Мерлина и др.

Изучая проблему онтогенеза человека, Б.Г. Ананьев описывает основные свойства характера, как своеобразие жизненной направленности (потребности, интересы, идеалы), нравственные привычки (привязанности, вкусы), коммуникативные свойства характера (отношения личности к другим людям), самооценка (отношение личности к себе), волевые и интеллектуальные свойства характера, эмоционально-динамические проявления характера. В целом личность представляется как единство «субъективных отношений к обществу, другим людям, деятельности, самой себе, реализующихся в общественном поведении, закрепленных в образе жизни» [2,45]. Аналогичной позиции придерживается В.Н. Мясищев, который подчеркивает, что «правильное понимание структуры характера личности, его уровня, динамики и функциональных возможностей возможно лишь с позиции психологии отношений» [4,112]. В трактовке В.С. Мерлина личность – это специфическое человеческое психологическое образование. Оно определяется особенными социальными отношениями. Существенными для характеристики личности являются свойства, которые в наибольшей степени отражают общественные отношения и определяют общественную сущность человека. В частности он отмечает, что «отношение личности – это отношение к чему-то объективному, находящемуся вне сознания – это отношение к труду, к людям, к коллективу, к вещам и т.д. Система таких отношений характеризует жизненную позицию или направленность личности [3,49].

Таким образом, обобщая различные подходы к трактовке рассмотренной выше категории, можно заключить, что жизненная позиция определяется как структурное образование, включающее совокупность субъективно значимых отношений личности к жизни и способ их реализации.

Своеобразием отличается трактовка К.А. Абульхановой-Славской, которая определяет жизненную позицию как способ организации и структурирования личностью своей жизнедеятельности [1,23]. Жизненная позиция субъекта, согласно данной концепции, может быть определена как ценностно-временная личностная структура, способ организации и структурирования своей личной и профессиональной судьбы. Результаты опытно-экспериментальной работы позволили выделить наиболее значимые содержательные и функциональные критерии формирования субъектно-профессиональной позиции студентов: адаптация к новым ценностно-смысловым ориентирам жизни и профессии; стремление к осознанию и переосмыслению личностных и профессиональных ценностных ориентиров своего жизненного пути; создание собственных моделей будущей профессиональной деятельности, выполняющих функцию саморегуляции; стремление к осознанию собственной личностной и профессиональной индивидуальности; реализация индивидуальных программ личностно-профессионального саморазвития.

Субъектно-профессиональная позиция будущего педагога может быть определена как способ ценностно-временной организации и структурирования своей личной и профессиональной судьбы. В структурном плане субъектно-профессиональная позиция будущего педагога характеризуется активностью во всех сферах жизнедеятельности, в числе и в творчестве; субъектным потенциалом – индивидуальным ресурсом личностного и профессионального развития, обеспечивающим возможность успешного освоения профессии и развитие личности профессионала; ценностно-смысловой сферой – динамической иерархией ценностно-смысловых отношений, составляющих мотивационно-ценностную сферу личности; пространственно-временным образным континуумом (хронотопом) – ценностно-временной личностной структурой, формой динамической организации внутреннего мира субъекта деятельности; рефлексией относительно способа существования – осознание и осмысление себя как субъекта жизнедеятельности; ответственностью – организацией, регуляцией и регламентацией поведения, выходом за пределы заданной деятельности, выработкой перспектив дальнейшего саморазвития, способом личностной и профессиональной самореализации человека

Основываясь на данном положении, нами выделены следующие типы субъектно-профессиональных позиций:

1. созерцательно-конформистская позиция;

Характеризует созерцательное отношение субъекта к структурированию временных параметров своей жизнедеятельности. Проявляется в пассивной регуляции, приспособлении (адаптации) к ситуации в отсутствии инициативы и ответственности. Для такого типа жизненной позиции субъекта характерно

пассивное восприятие сложности и противоречивости жизни. Нередко углубленность ее понимания мешает субъекту проявить собственную активность.

2. функционально-действенная позиция;

Позиция субъекта, предполагающая функционально-действенный тип регуляции времени жизни. Она основана на активной организации субъектом событий жизни, направления их хода с целью достижения эффективного результата. Однако инициатива субъекта охватывает только дискретный период течения событий, а не их объективные или субъективные последствия. У субъекта отсутствует ответственность как пролонгированный регулятивный компонент его активности, который соотносится с событийным временем, а не временной логикой развития внешних и внутренних тенденций развития жизни.

3. позиция самовыражения;

Самовыражение (в отличие от объективации) – способ, которым субъект регулирует и проявляет свою активность. Тот или иной способ самовыражения субъекта отражает его жизненную позицию, его программу, идеалы. Субъект может объективировать себя в каком-либо поступке, отношении. Однако характер его дальнейшей активности зависит от того, насколько полно, адекватно и индивидуально субъекту удалось объективировать себя, т. е. от способа самовыражения. Объективируя себя тем или иным образом, субъект, тем не менее, может сознавать, что он объективируется гораздо ниже своих возможностей. И наоборот, сознавая невозможность объективировать себя в социально-значимом деле или в личностно значимом общении, субъект может повышать уровень своей активности. Позиция самовыражения субъекта – это соразмерность уровня его активности и объективации. Типологические особенности позиции субъекта самоутверждения разнообразны. Для одного субъекта объективировать себя – это приспособиться к жизни, к требованиям социальной действительности, для другого – изменить существующие обстоятельства, преобразовать свою жизнь и т.п.

4. позиция самоутверждения;

Жизненная позиция – это всегда самоутверждение личности. Позиция самоутверждения – своеобразная форма организации субъектом будущего, модель жизнедеятельности и поведения, которая представляет его жизненные ориентации и отражает умение выбирать приоритеты, определять способы решения жизненных задач на основе восприятия и оценки событий и своего места в них. В целом позиция самоутверждения определяется как стремление субъекта к высокой оценке и самооценке своей личности и вызванное этим стремлением поведение. Данный тип позиции субъекта рассматривается как уникальный способ отстаивания своей ценности в социуме.

5. созидательно-преобразующая позиция;

В основе данного типа позиции лежит созидательно-преобразующий тип регуляции субъектом времени своей жизнедеятельности. Он представляет собой оптимальное сочетание глубокого проникновения субъектом в тенденции собственной жизни и характеризуется длительной жизненной перспективой, четкой жизненной концепцией и позицией, которая реализуется последовательно. Данный тип позиции подразумевает овладение субъектом временем жизни, его сознательной практической творческой регуляцией.

Предложенная типология жизненной позиции субъекта, основанная на ее понимании как ценностно-временной личностной структуре, способе организации и структурирования своей личной и профессиональной судьбы, на наш взгляд, содержит эвристическую ценность для эмпирических исследований закономерностей и механизмов становления и формирования профессиональной карьеры будущего специалиста.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни [Текст] / К.А. Абульханова-Славская // – М.: Мысль, 1991. – 208 с.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания [Текст] / Б.Г. Ананьев // – Л.: ЛГУ, 1968. – 132 с.
3. Мерлин В.С. Принципы психологической характеристики типов личности [Текст] / В.С. Мерлин // Теоретические проблемы психологии личности. – М., 1974. – 203 с.
4. Мясищев В.Н. Личность и неврозы [Текст] / В. Н. Мясищев // – Л., 1960. – 124 с.

УДК 378

ЭЛЕКТРОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРИАТА

Талхигова Х.С.

ELECTRONIC EDUCATIONAL RESOURCES IN TRAINING STUDENTS UNDERGRADUATE

Talkhigova H.S.

В статье исследуются пути интеграции академического и инновационного подходов в профессиональной подготовке студентов бакалавриата. Особое место, по мнению автора, в этом процессе должны занимать электронные образовательные ресурсы.

This article describes the ways of academic and innovative approaches integration in bachelor students education. In author's opinion, special place in this process should be taken by electronic educational resources.

Ключевые слова: многоуровневая система образования, реформа образования, бакалавриат, электронные образовательные ресурсы, электронный учебно-методический комплекс, спецкурс.

Keywords: bachelor's, electronic learning resources, e-teaching and methodical complex, a special course.

Многоуровневая система – одно из перспективных средств управления реформами образования. При разумной адаптации к российским условиям она способна не только преодолеть многие принципиальные трудности, стоящие перед отечественным образованием, но и создать условия для реализации творческих возможностей студентов. Требования к подготовке специалистов формируются, исходя из экономической социальной стратегии государства, и должны носить опережающий характер по сравнению со сложившейся теорией и практикой. Главной целью квалификационных требований является обеспечение соответствия между изменениями личностных, общественных потребностей и перспективами развития науки, техники, экономики, культуры [2].

В связи с подписанием Россией Болонских соглашений на первый план выступает идея многоуровневости высшего профессионального образования, которая предполагает подготовку студентов в рамках бакалавриата, специалитета и магистратуры.

Квалификация первого уровня (бакалавр) должна присуждаться выпускникам, которые продемонстрировали знание и понимание изучаемой области на уровне, поддерживаемом учебниками повышенного уровня сложности; могут применять свои знания и понимание, демонстрируя профессиональный подход в работе или на занятиях; обладают способностью собирать и интерпретировать соответствующие знания; способны донести информацию, идеи, проблемы и решения до специалистов и неспециалистов; обладают навыками обучения, позволяющими продолжить учебу с большой степенью самостоятельности.

Современная ситуация в образовании формируется под воздействием глобальной тенденции информатизации общества. В настоящее время знания устаревают очень быстро. Поэтому необходимо дать студенту относительно широкую подготовку и научить его пополнять, обновлять знания, умения и навыки по мере необходимости. Именно на такую подготовку нацелен бакалавриат (в разных системах – от 3 до 4 лет). В связи с этим одним из основных направлений формирования перспективной и мобильной системы высшего профессионального образования в России, наряду с повышением уровня его качества, обеспечением большей доступности для всех групп населения, повышением творческого начала, является и обеспечение нацеленности обучения на новые дидактические средства, в частности, электронные образовательные

ресурсы (ЭОР). Это предусматривается в ряде следующих государственных документов: «Национальная доктрина образования в Российской Федерации», «Федеральная целевая программа развития образования на 2011-2015 годы» и др.

Залог успешного применения электронных ресурсов в современном образовательном процессе заложен в хорошо известных принципах педагогики сотрудничества, которые можно перефразировать следующим образом: «Не к компьютеру за готовыми знаниями, а вместе с компьютером за новыми знаниями». Современные ЭОР хорошо коррелируют с закономерностями обучения (наглядностью, активностью, сознательностью, систематичностью, проблемностью), дидактическими принципами (направленности обучения, научности, последовательности и систематичности, единства образования, развития и воспитания, связи с реальными профессиональными проблемами, высоким уровнем трудности, быстрым темпом прохождения изучаемого материала, преобладающим значением теоретических знаний, формированием осознанности и владения приемами учения), с принципом создания необходимых условий для обучения (доступности; сознательности, осознанности и действенности образования; сочетания различных методов и средств обучения в зависимости от его задач, содержания и методов обучения), с категорий форм организации обучения (и ее резервами): коллективного, группового, индивидуального (количество обучаемых); контактного, дистантного (место обучения); последовательного, аппликативного, индуктивного, дедуктивного, традуктивного (порядок осуществления обучения) [3].

Эти обстоятельства позволяют планировать профессиональную подготовку студентов бакалавриата через призму их дидактического потенциала. Одним из способов использования ЭОР для развития творческого подхода студентов, повышения качественного обучения и заинтересованности обучаемых является «погружение» в изучаемую дисциплину в форме мультимедийной и интерактивной среды. Таковым является разработанный и созданный нами электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Медицинская и биологическая физика» используемый при прохождении одноименного курса в ГОУ ВПО «Чеченский государственный университет».

Использование ЭУМК предоставляет возможность смещения акцента в обучении на развитие каждого студента и осуществления перехода от простого усвоения совокупности знаний к деятельностному, развивающему обучению, а в результате – формированию профессиональной компетентности в условиях современной информационно-образовательной среды [4]. Многие методы диагностики и лечения основаны на использовании физических законов и явлений. Современные медицинские приборы - это физические приборы. Среди

методов лечения достойное место занимают методы, основанные на воздействии физических факторов на организм человека. Крайне актуальной задачей современной медицины является определение физических свойств, как материалов используемых в медицине, так и самих биологических объектов. Несомненно, врач должен уметь оценивать физические свойства и характеристики внешней, среды от которых зависит состояние организма.

Таким образом, медицинская физика является комплексом разделов прикладной физики и биофизики, в которых рассматриваются физические явления и процессы применительно к решению медицинских задач. В рамках этой дисциплины изучаются устройство и принципы работы основной медицинской аппаратуры. Изложенными выше обстоятельствами определяются цели и задачи изучения курса «Медицинская и биологическая физика». Целью изучения этой дисциплины является изучение студентами фундаментальных законов физики, а также процессов и явлений, лежащих в основе современной медицинской физики.

В ГОУ ВПО «Чеченский государственный университет» в последние годы успешно реализуются программы подготовки и внедрения в учебный процесс электронных образовательных ресурсов. В настоящее время любому студенту доступны электронные версии рабочих программ, методических указаний по всем изучаемым дисциплинам, предусмотренным образовательным стандартом для каждой специальности. ЭУМК по курсу «Медицинская и биологическая физика» имеет блочно-модульную структуру, основу содержания которого составили идеи развивающего, проблемно-модульного и личностно-ориентированного обучения, аксиологического подхода, эвристического и исследовательского методов, направленных на формирование познавательной самостоятельности, творческого развития и саморазвития личности обучающегося [5].

Высокая эффективность такого подхода связана с возможностью сконцентрировать учебный процесс и материалы электронного учебника вокруг некоторых стержневых, обобщенных идей. При этом одним из важнейших дидактических принципов должен стать принцип интеграции разнопредметных знаний и способов познания, реализация которого и в содержании курса, и в его электронном представлении способствует гармонизации мотивационно-потребностной, интеллектуальной, чувственно-волевой и деятельностной сфер личности.

Программа учебного курса и сопровождающее ее учебное пособие разработаны в соответствии с Государственным образовательным стандартом и предназначены для студентов физического факультета, обучающихся очно и заочно.

ЭУМК включает в себя следующие функциональные блоки:

1. Информационно-содержательный блок (включает два подблока).

Информационный: общие сведения об изучаемом курсе; сроки изучения данного курса; график прохождения каждого модуля по данной учебной дисциплине; формы и время отчетности; график проведения практических и семинарских занятий; график консультаций. Содержательный: учебный план, учебная и рабочая программы; учебники, учебные пособия, методические рекомендации, справочник, энциклопедия; развернутый план семинаров; список основной и дополнительной литературы, включающий также гиперссылки на образовательные ресурсы Интернет; список тем творческих работ по дисциплине; методические рекомендации по работе с электронными материалами.

2. Контрольно-коммуникативный блок включает в себя следующее: система тестирования с реализацией обратной связи для определения уровня начальной подготовки обучаемого, промежуточного и итогового контроля; вопросы для текущего самоконтроля; вопросы к экзамену; критерии оценивания.

Востребованность именно ЭУМК во многом была обусловлена возможностями образовательной среды, отличавшейся согласованностью содержания и структуры, потенциальной многовариантностью при выборе образовательной траектории, доступностью материалов учебника для копирования и распечатывания фрагментов текста и иллюстраций. Все это стимулирует студентов к творческой работе по созданию на основе материалов ЭУМК собственной «базы знаний», расширяющей рамки учебника новыми материалами, ссылкой на дополнительные источники (в том числе и Internet).

При подготовке к семинару или при поиске ответа на экзаменационный вопрос обучаемый может ограничиться материалом одноименного модуля, перейдя к нему непосредственно через гиперссылку оглавления. Более глубокое исследование этого же вопроса предусматривает использование предметного указателя, который отсылает к изучению уже нескольких (обычно трех-четырёх) модулей. Наконец, реализация обучаемым исследовательского подхода предполагает обращение к полнотекстовому поиску. И здесь обучаемый, находя и устанавливая необходимые взаимосвязи между различными аспектами изучаемой проблемы, приходит к пониманию о весьма обширных связях между медициной и физикой, учится искать главное, анализировать и обобщать полученные знания. Именно такое изучение материала создает возможности для решения одной из основных задач данного курса — формирования научно-методологического мышления.

Дополнительным доводом в пользу электронной версии явились особенности, связанные с содержательной стороной имевшихся материалов — соблюдение общих принципов и системности изложения при значительном объеме

текстовой и графической информации. В настоящее время данный электронный учебно-методический комплекс с успехом применяется на физическом факультете в качестве учебного пособия на занятиях по курсу «Медицинская и биологическая физика», а также в самостоятельной работе студентов.

Для формирования активной самостоятельности, творческого овладения профессиональными умениями и знаниями в области использования электронных средств обучения, развития мыслительных способностей востребованным оказался, как отмечают авторы работы [1], проблемный подход в обучении, который нашел свою реализацию в процессе выполнения студентами мультимедийных проектов.

В подготовке бакалавров особую роль играет разработанный нами спецкурс «Электронные образовательные технологии в профессиональной деятельности бакалавров», включающий следующие модули:

1. Современные образовательные технологии.
2. Интерактивные средства обучения.
3. Образовательные ресурсы Интернет.

По данному спецкурсу разработаны мультимедийные образовательные ресурсы, которые успешно апробируются в учебном процессе ГОУ ВПО «Чеченский государственный университет» по специальности «Физика».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агаханова Р.А. Условия формирования профессиональной компетентности студентов автомобильно-дорожного института на основе электронных средств обучения [Текст] / Р.А. Агаханова, Т.Г. Везиров // Экономические и гуманитарные исследования регионов: Научно-теоретический журнал. 2011. №1. Р.н/Д. – С. 21-26.

2. Арутюнов Э.К. Система многоуровневой профессиональной подготовки специалистов как способ повышения качества образования [Текст] / Э.К. Арутюнов, В.А. Бурнос // Вестник Университета Российской академии образования. - №1. – 2006. – С. 105-108.

3. Панюкова С.В. Использование информационных и коммуникационных технологий в образовании: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / С.В. Панюкова // – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 224 с.

4. Рагимова Т.Т. Условия создания и использования электронных образовательных ресурсов в профессиональной подготовке будущих учителей информатики [Текст] / Т.Т. Рагимова // Экономические и гуманитарные исследования регионов: Научно-теоретический журнал. 2011. №1. Р.н/Д. – С. 31-34.

5. Современные образовательные технологии: учебное пособие [Текст] / кол. авторов; под ред. Н.В. Бордовской // – М.: КНОРУС, 2010. – 432 с.

УДК 37

**МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАВЫКОВ
ОБЩЕНИЯ**

Турик Л.А.

**YOUTH ORGANIZATIONS AS A FACTOR DEVELOPMENT
OF SOCIAL SKILLS**

Turik L.A.

Молодежные общественные организации способствуют социализации подростка. Группа сверстников становится для подростка своеобразной школой жизненного опыта. В статье сравниваются уровни развития социальных навыков членов молодежной общественной организации и учащихся школ.

Youth organizations promote the socialization of adolescents. The peer group becomes a kind of teenage school life experience. The article compares the levels of development of social skills of members of youth organization and schools. The comparison was held by major categories: initial experience, self-expression in conversation, the reaction to the opinion of another person; planning the future action; alternatives to aggressive behavior.

Ключевые слова: молодежные общественные организации, социальные навыки общения, самооценка, оценка сверстника, социализация, общение.

Keywords: youth organizations, social skills, self-esteem, peer evaluation, socialization, communication.

В числе ведущих факторов, определяющих развитие личности молодого человека, являются детско-юношеские и молодежные общественные организации. Среда сверстников является наиболее важной областью социального поведения подростков, в которой ярко проявляются потребности в принадлежности к какой-либо группе, обнаруживаются тенденции к поиску тесных дружеских связей. В процессе социализации происходит становление личности посредством обучения и освоения индивидом ценностей и установок, социальных навыков, присущих данному обществу.

Проблема состоит в том, что молодежные общественные организации чаще декларируются, чем реально существуют. Учебные заведения не всегда заинтересованы в участии старшеклассников в деятельности какой-либо общественной организации вне стен образовательного учреждения. Поэтому созданные молодежные и детские общественные организации на базе учреждений дополнительного образования детей, объединяющие сверстников из различных школ, лицеев, гимназий, так востребованы. Эти группы становятся

ся для подростка своеобразной школой жизненного опыта, так как формируют умения вести «горизонтальное» общение, совместную деятельность и усвоение связанных с этой деятельностью новых ролей.

В нашей работе мы поставили задачу сопоставить уровни развития социальных навыков членов молодежной организации «Дебаты» и учащихся школ, не входящих в общественные организации. Контрольной группой стали члены молодежной общественной организации и учащиеся старших классов школ г. Таганрога. Таганрогский городской клуб «Дебаты» создан в 1997 году на базе учреждения дополнительного образования детей «Дома детского творчества». Новые потребности в молодежной среде обусловили новые предложения в образовательной, социальной деятельности, что привело к изменению структуры организации. В 2005 году появляется МОО «Дебаты». Подростки старшего возраста учатся строить свою речь, выступать, разыскивать информацию, принимать точку зрения другого человека, находить компромисс.

Сформированные навыки в процессе участия в работе МОО потом будут востребованы в написании и защите социальных проектов, желании участвовать в работе общественных организаций, органах самоуправления образовательных учреждений. Усвоенные социальные нормы и ценности гражданского общества содействуют становлению активной жизненной позиции и разработке позитивной жизненной стратегии. В результате деятельности МОО молодые люди становятся участниками программ «Правовое образование», «Мой выбор», «Информационные технологии», «Здоровьесбережение».

Исследование социальных навыков – это психологическая методика, которая позволяет за короткое время определить уровень их сформированности у подростка и оценить, какие именно социальные навыки являются для него наиболее простыми, а какие наиболее сложными. Мы использовали модель социального поведения, созданную А.П. Гольдштейном [1]. В этой модели выделяется 37 основных навыков, разделённых на 5 категорий: начальные навыки – минимальные умения, которые позволяют человеку вступать в контакт с другими людьми, участвовать в разговоре; самовыражение в разговоре – умение выразить свои чувства и переживания или передать информацию другому человеку; реакция на мнение другого человека – умение реагировать на мнение другого человека в разговоре или на то, что он переживает; навыки планирования предстоящих действий – прежде чем разговаривать с другими людьми или делать что-то необходимо это спланировать и как следует подготовиться к предстоящему действию; альтернативы агрессивному поведению – каким образом избежать конфликта и разрушения отношений, как вести себя в конфликтной ситуации наиболее продуктивным способом.

В исследовании приняли участие подростки г. Таганрога старшего воз-

раста: дебатыеры и учащиеся школ (из МОО «Дебаты») приняли участие в опросе 42 человека, участвующие в чемпионатах, тренингах, разработке и защите проектов, связанных с социальной тематикой; учащиеся школ № 20 (16 человек), №35 (17 человек), всего 33 человека). Опрос проводился в две серии. В первой серии подросток должен был оценить, насколько он сам владеет навыками, во второй – испытуемого просили оценить, насколько эти навыки развиты у сверстников.

1. Результаты первой серии опроса: самооценка. Мы получаем сведения о том, как подросток сам оценивает свою социальную успешность в том или ином социальном навыке (таблица 1).

Таблица 1. Результаты самооценки в двух группах

№		Учащиеся, кол-во респонд. (чел.)	%	Дебатыеры, кол-во респонд. (чел.)	%
1.	Норма (3,1-3,85)	15	45,5	13	61,9
2.	Завышенная самооценка (3,85-4)	9	27,2	1	4,76
3.	Заниженная самооценка (2-3,1)	2	6,06	1	4,76
4.	Неадекватно завышена (>4)	7	21,2	6	28,57
	Σ	33		21	

Сопоставив полученные данные по самооценке, можно сделать выводы: сторонние учащиеся дают больший процент завышенной самооценки (27,2%), нежели члены МОО «Дебаты» (4,76%). Средний балл самооценки каждого старшеклассника в группе «Дебаты» оказался в норме (у 61,9% значительно выше, чем у сторонних у школьников -45,5%). Позиция подростка, адекватно оценивающего себя, делает его способным быстрее социализироваться в обществе. 2. Во второй серии опроса проводился расчет средней оценки социальных способностей сверстника, данные респондентами. Вторая серия проводилась для того, чтобы выяснить, на какой уровень выполнения социальных навыков ориентируется подросток, с кем он сравнивает себя.

Таблица 2. Результаты оценки сверстников в двух группах

№		Учащиеся, кол-во респонд. (чел.)	%	Дебатыеры, кол-во респонд. (чел.)	%
1.	Норма (3,1-3,85)	17	53	5	24
2.	Завышенная оценка сверстников (3,85-4)	4	12	7	33
3.	Заниженная оценка сверстников (2-3,1)	4	12	2	10
4.	Неадекватно завышена (>4)	8	23	7	33
	Σ	33		21	

У 53% сторонних респондентов оценка социальных способностей сверстников в норме. Значительно ниже этот показатель у дебатеров (24%). В то же время члены молодежного объединения дают завышенную оценку и неадекватно завышенную (33%) оценку сверстникам. Дебаты более адекватно оценивают своих сверстников. Для наглядности сопоставим данные самооценки и оценки сверстников на графиках (рис. 1,2,3) учащихся и дебатеров.

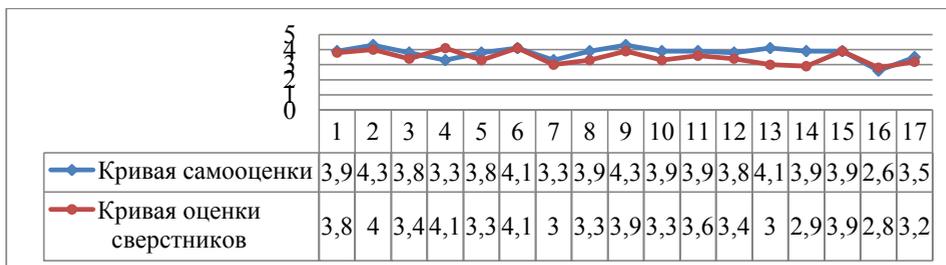

Рис. 1. Графики самооценки и оценки сверстников МОУСОШ №35

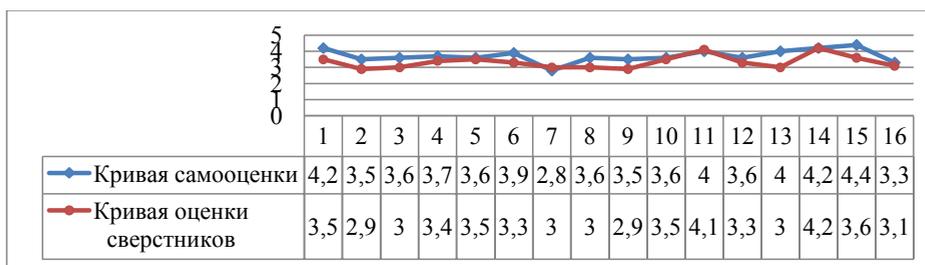

Рис. 2. Графики самооценка и оценка сверстников МОУ СОШ №20

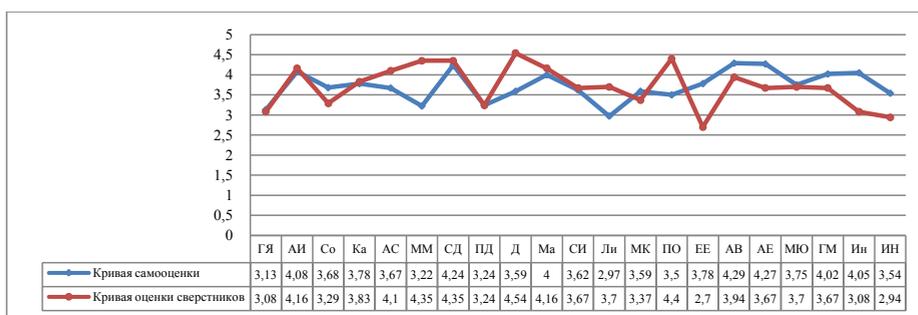

Рис. 3. График самооценки и оценки сверстников в МОО «Дебаты»

3. Определение зон компенсации – выделение сильных сторон поведения подростка, с помощью которых можно скомпенсировать недостаточно развитые навыки для выработки более адаптивного поведения в различных социальных ситуациях.

Таблица 3. Сопоставления развитых навыков поведения подростков в двух группах

№	Навыки	«Дебаты»	учащиеся
1	начальные навыки	13%	2%
2	самовыражение	11%	38%
3	реакция на мнение или поведение другого человека	33%	24%
4	навыки планирования	36%	22%
5	навыки альтернативы агрессивному поведению	7%	18%

У участников МОО «Дебаты» хорошо развиты начальные навыки, реакция на мнение и поведение другого человека, навыки планирования. У сторонних учащихся слабо выражены начальные навыки планирования, на эти навыки стоит обратить особое внимание и найти способ для их коррекции.

4. Общий уровень развития социальных навыков.

Проанализировав все полученные данные, сопоставив показатели каждого подростка, можно определить общий уровень развития социальных навыков в двух группах. Дебаты (52,3%) существенно отличаются по уровню развития социальных навыков от сторонних учащихся (38,4%). Третья часть респондентов учащихся обладает средним уровнем развития социальных навыков.

Таблица 4. Сопоставление общего уровня развития социальных навыков в двух группах

Общий уровень развития	учащиеся	МОО «Дебаты»
высокий	38,4%	52,3%
средний	34,3%	33,5%
низкий	27,3%	14,2%

Наиболее актуальными для жизни в обществе социальными навыками (в соответствии с методом А.П. Гольдштейна) являются следующие умения: начать беседу; задать вопрос; попросить; отстаивать собственное мнение; принимать критику; преодолеть обвинение; справиться со своим и чужим гневом; преодолевать давление среды; сказать «нет»; выразить благодарность, сказать комплимент. Это тот минимум социальных навыков, который обеспечивает гармоничное вхождение подростка в социум. Всем этим навыкам обучаются подростки по структурированной технологии «Дебаты» в молодежной общественной организации.

Итак, общественная организация является своеобразной ступенью, способствующей личностному росту подростков и их социализации. Взаимодействие образовательных структур и МОО, на наш взгляд, - необходимое условие успешного развития позитивного молодежного общественного движения, развития подростков и молодежи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гольдштейн А.П., Спрафкин Р.П. Развитие навыков подростков СПб. [Текст] / А.П. Гольдштейн, Р.П. Спрафкин // Питер, 2000
2. Турик Л.А. Дебаты: игровая, развивающая, образовательная технология: учеб. пособие в авт. редакции. [Текст] / Л.А. Турик // Таганрог: Изд. отдел Таганрог. гос. пед. ин-та, 2010.-204 с.

УДК 37

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Шиховцова Н.Н.

ECONOMIC EDUCATION PRESSING QUESTIONS

Shihovcova N.N.

В статье раскрыты проблемы организации и методики преподавания экономических дисциплин в вузе, влияющие на качество экономического образования в свете перехода на стандарты третьего поколения. Автор обращает внимание на методический аспект преподавания экономического блока дисциплин учебного плана, предлагая модели оптимального сочетания теоретического и прикладного материала.

The article considers, in author's opinion, actual problems of the organisation and a technique of teaching of economic disciplines in high school which inherently influence quality of an economic education in the light of transition to standards of the third generation. The practical importance of author's approach to some substantial aspects of the economic block of disciplines of the curriculum, a theoretical optimum combination of theoretical and applied material possesses.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, предметы отраслевого и управленческого характера, экономический образ мышления, аналитический подход, прикладной аспект, графический аппарат, управленческое эссе.

Keywords: the interdisciplinary approach, subjects of branch and administrative character, an economic mentality, the analytical approach, applied aspect, the graphic device, an administrative essay.

Среди новых проблем, возникших в нашем обществе на стыке тысячелетий, – недостаточная способность человека адаптироваться к стремительно изменяющимся условиям жизни. В ее решении огромная роль принадлежит экономическому образованию, поскольку оно является одним из важных элементов социальной инфраструктуры общества. Совершенствование экономического образования сегодня становится не только потребностью, но и мощнейшим фактором общественного прогресса [2, с.92].

Оно должно не только отражать многообразие теорий и практических явлений в мировой и российской экономике, но и находиться в тесной взаимосвязи с другими дисциплинами гуманитарного и социально-экономического цикла учебного плана. Вместе с ними «Экономика», как и раньше, формирует образ мышления, но на другой идеологической основе. Поэтому от качества ее преподавания и степени смыслового единства с упомянутыми дисциплинами зависит формирование у студентов не только экономических, но и нравственных ориентиров, не противоречащих ценностям общества устойчивого развития. Важно отметить, что государственные образовательные стандарты третьего поколения предоставляют вузам широкие возможности для реализации междисциплинарных подходов при сочетании предметов цикла.

Вузы, предлагая специализации на стыке различных областей науки и практики, должны готовить эрудированных специалистов по решению технико-экономических проблем в отраслях.

В этой связи усиливается значимость междисциплинарных подходов в экономическом образовании. Поэтому блок экономических дисциплин должен иметь четкую логику как с точки зрения их содержания, так и с позиций последовательности в учебном плане. Экономические предметы отраслевого и управленческого характера по мере их преподавания студентам должны быть взаимосвязаны с историко-теоретической частью этого блока, расширяя, дополняя и конкретизируя заложенные в ней основы экономического образа мышления и действия.

Организационное обеспечение экономического образования в вузах не может осуществляться по аналогии с другими дисциплинами, поскольку экономические предметы как объект преподавания имеют ряд особенностей, которые, на наш взгляд, необходимо учитывать в учебном процессе и нормировании труда преподавателя.

Основная задача преподавания и изучения экономики и менеджмента в высших экономических заведениях состоит в том, чтобы помочь студентам выработать экономический образ мышления при управлении организацией, что даст им возможность грамотно оценивать ту или иную ситуацию, принимать более обоснованные, а значит, более эффективные стратегические решения относительно деятельности предприятий (фирм) исходя из той экономической информации, которая им доступна или которую они захотят получить. Таким образом, задача преподавания и обучения экономическим дисциплинам сводится к формированию у студентов аналитического подхода, базирующегося на использовании всех достижений экономической науки. Под аналитическим подходом понимается способность выделять ключевые моменты любой проблемы и с помощью такой оценки делать выводы на основе экономико-теоретических методов. Другими словами, необходимо формирование у бу-

дущих экономистов, бухгалтеров, менеджеров продвинутых стандартов экономического мышления, позволяющих с наибольшей отдачей действовать в условиях рыночных отношений [1, с.134].

Рассмотрим, в частности, мотивационную базу в преподавании дисциплины экономических дисциплин. В данном случае ставится цель: структурирование и обобщение имеющегося у студентов практического опыта в рамках определенных теоретических моделей, что позволит, насытить свою бизнес-деятельность интеллектуальным содержанием.

Сложность преподавания отдельных дисциплин в экономическом вузе состоит в том, что здесь высокий уровень формализации и абстрактное мышление должны сочетаться с прикладными аспектами принятия управленческих решений. «Голая» теория и сверхсложные модели при всей их важности оказываются непригодными в практической деятельности. В программах многих дисциплин стирается грань между курсами и их многочисленными приложениями. Специфика преподавания отражается и на выборе тем для изучения: они должны отбираться с учетом прикладных аспектов их значимости в рамках выбранной управленческой специализации.

Нацеленность преподавания на прикладные аспекты обуславливает не только выбор тем, обсуждаемых в той или иной дисциплине, но и степень детализации каждой из них. Структура дисциплины подчиняется нескольким уровням осмысления объекта и предмета изучения. Самый простой уровень включает уяснение базовых понятий и определений, а также анализ наиболее простых функциональных или причинно-следственных взаимосвязей. Следующий уровень подводит студентов к пониманию более сложных систем взаимодействий в рамках отдельных организаций и секторов экономики. И, наконец, более продвинутый уровень позволяет оценивать достоинства и ограничения альтернативных видов стратегии и тактики фирм и отвечать на вопрос, в каких случаях фирмам, например, целесообразно применять ту или иную организационную политику.

Так, при преподавании менеджмента целесообразно отвести больше времени на изучение тем, которые непосредственно связаны с деловой практикой. В частности, более подробно следует рассмотреть вопросы, связанные с законами организации, соотнести возможность использования того или иного закона на конкретном предприятии. Надо помочь студентам уяснить принципы функционирования организации, основные методы исследования организаций и их развития. Студенты должны четко представлять организацию как систему взаимосвязанных элементов, функционирующую по определенным правилам и стратегиям развития. Если мы хотим подготовить ориентированных на практику менеджеров, наиболее эффективным способом обучения выступает обучение в процессе деятельности. Мотивация в преподавании дисциплин должна

заключаться в том, чтобы заставить студентов «думать как менеджеры», ставя их в ситуации, которые наглядно показывают преимущества аналитического подхода перед обычным здравым смыслом.

Учитывая прикладную ориентацию обучающихся и их исходные знания, преподавание должно базироваться на незначительном использовании математического аппарата. Гораздо более широко следует применять графический аппарат. Студенты должны научиться читать графики, таблицы. В процессе преподавания привлекают внимание студентов экономическое содержание рассматриваемых моделей и возможность их применения в хозяйственной практике. Поэтому графический анализ обязательно должен быть дополнен описанием модели на вербальном уровне и соответствующими примерами из деятельности зарубежных и отечественных компаний.

Особого внимания заслуживает выбор примеров, иллюстрирующих ключевые идеи той или иной дисциплины. Примеры должны отражать сферы, знакомые студентам, и показывать связь теории с текущими актуальными проблемами так, чтобы в дальнейшем они могли обсуждать данную тему с коллегами по работе или партнерами по бизнесу (в процессе выработки бизнес-решения). Это делает обучение частью повседневной жизни и деятельности студентов, что повышает эффективность преподавания.

Особенно тщательно следует подходить к выбору метода презентации учебных материалов.

Опыт работы автора показывает, что наиболее эффективными формами подачи учебного материала являются слайды и графики, наглядно демонстрирующие важнейшие аспекты рассматриваемых понятий. Разнообразие презентационных методов может быть достигнуто за счет активного использования компьютерных средств.

Компьютерное обучение дает возможность индивидуализировать задания, что активизирует всех студентов, а не только тех, которые принимают участие в дискуссии. Кроме того, студентам-менеджерам, например, как будущим управленцам необходимо использовать статистические данные, они должны уметь определять, какая именно информация важна для принятия того или иного решения и какие способы ее получения существуют. Студенты должны научиться интерпретировать различные события и явления, наблюдающиеся в организации. С этой целью в процесс обучения можно включать задания исследовательского характера – написание управленческого эссе.

Часто студенты не удовлетворены уровнем преподавания, объясняя это чрезмерным увлечением преподавателей дисциплин книжными примерами и искусственными моделями. По мнению студентов, примеры приводимых моделей являются гипотетическими и не имеют отношения к реальным управленческим событиям и повседневным обстоятельствам. Даже если студенты и

заучивают подобные теоретические модели, в дальнейшем они сталкиваются с трудностями или невозможностью их применения в своей конкретной деятельности. Сами преподаватели также признают бесполезность использования многих теоретических моделей в процессе принятия управленческих решений. Это выдвигает особые требования к подбору учебного материала. В контент экономических дисциплин должны входить только те модели, практическая значимость которых очевидна и может быть наглядно продемонстрирована на примере обсуждения конкретных деловых ситуаций. Кроме того, специфика преподавания экономических дисциплин заключается, прежде всего, в большем, по сравнению с другими предметами, количестве времени, требующемся преподавателю на обновление курсов и теоретическое осмысление происходящего в экономике.

Молодость экономики как науки и ее большое отставание от мирового уровня в России требуют повышенного внимания к теоретическим подходам анализа экономических процессов. Для постоянного обновления иллюстративной базы любого экономического курса преподавателю-экономисту необходимо следить за их динамикой, следовательно, затрачивать время на анализ политико-экономических новостей общего характера, – ведь российская переходная экономика в частности, и мировая экономика в целом чрезвычайно изменчивы. Лекторам, читающим несколько дисциплин, необходимо, помимо общеэкономических событий, детально знать о происходящем в соответствующих секторах экономики.

Преподаватель прикладных экономических дисциплин, особенно связанных с государственным управлением и бизнесом, должен быть их активным участником, чтобы адекватно характеризовать для студентов новейшие тенденции в указанных сферах. На наш взгляд, причины неэффективной организации экономического образования в вузах определяются внутренними аспектами управления высшим образованием, как на уровне Министерства, так и на уровне вузов. Важнейшими из них являются: несовершенство государственного регулирования данной сферы образования в методическом и административном аспектах; неэффективность учебного процесса на уровне вузов, порождаемая их чрезмерной автономизацией и стремлением ученых советов к увеличению экономических специализаций без учета мнения, профиля и уровня подготовки преподавателей экономических дисциплин.

Несовершенство государственного регулирования экономического образования проявляется в слабой координации учебно-методических объединений (УМО) технических и экономических специальностей. Это ведет к содержательной противоречивости государственных стандартов и учебных планов для экономико-управленческих специализаций в рамках неэкономических специальностей, поскольку их методическое обеспечение контролируется не УМО

по образованию в области экономики и менеджмента, а УМО неэкономических специальностей. Последние по определению не в состоянии адекватно оценить содержание блока экономических дисциплин. Также они не заинтересованы контролировать соответствие профиля образования преподавателей экономическому профилю дисциплин, ибо в этом случае не смогут разрешать введение упомянутых специализаций желающим вузам.

Отмеченная выше необязательность профессиональной оценки и контроля методического обеспечения учебного процесса по экономическим специализациям, открываемым в рамках технических специальностей, усугубляется пробелами в регламентации труда преподавателей. Пробелы в регламентации труда преподавателей, порожденные неполнотой законодательства и ведомственного регулирования, состоят в том, что не учитываются затраты времени на подготовку новых курсов и их методического обеспечения; на одновременное чтение нескольких дисциплин одним преподавателем; на обновление уже читаемых курсов, особенно важное для преподавателей-экономистов; на руководство самостоятельной работой студентов, осуществляемое, в том числе при написании ими курсовых работ и рефератов. Отсутствие нормативов времени методической работы, четких указаний по количественному учету руководства за самостоятельной работой студентов и их контроля Министерством образования и науки РФ привело к резкому уменьшению доли внеаудиторной нагрузки преподавателей. Тем самым, продекларировав снижение аудиторной нагрузки (прежде всего в виде лекций и семинаров) для студентов, ее фактически увеличили для преподавателей при той же заработной плате. Более того, это открыло для руководства вузов неограниченные возможности манипулирования нагрузкой и т.д.

Резюмируя вышеизложенное, скажем, что совершенствование экономического образования предполагает усиление и развитие (помимо организационного) методологического аспекта экономической науки, что особенно важно с точки зрения длительной перспективы [3, 88].

В настоящее же время в экономическом образовании сложилось положение, когда ни прежняя теория, ни заимствованный из чужой социально-исторической среды «экономикс» не удовлетворяют преподавателей и студентов, а новая авторитетная теория еще не разработана. В этих условиях с уверенностью можно утверждать, что любые бюрократически «спущенные» сверху в форме государственных образовательных стандартов единые требования к овладению экономическими знаниями будут в первую очередь отражать предпочтения их непосредственных разработчиков, а не реальные потребности практики вузовского преподавания экономической теории. Сложившаяся в настоящее время ситуация, связанная с освоением новых стандартов в области преподавания экономики, полностью подтверждает данный вывод.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гребнев Л. О новых стандартах в области преподавания экономики. С. 124. [Текст] / Л. Гребнев // Вопросы экономики. 2010. № 7. С. 121 – 140. С. 134
2. Кайзер Ф.-Й. Методика преподавания экономических дисциплин. [Текст] / Ф.-Й. Кайзер // – М.: Вита-Пресс, 2007. С. 87-96.
3. Экономическая наука, образование и практика в России в 1990-е годы. Доклад ГУ-ВШЭ [Текст] // Вопросы экономики. 2010. №1. С. 84 – 95. С. 88.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327

КОНВЕРГЕНЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ И ИСПАНСКОЙ МОДЕЛЕЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Андреева А.А.

EUROPEAN AND SPANISH MODELS' CONVERGENCE IN THE FOREIGN POLICY

Andreeva A.A.

Статья посвящена процессу вхождения Испании в состав Европейского сообщества и дальнейшей гармонизации национальной политики с общеевропейской, а так же их содержательному наполнению. Автором было проанализировано взаимное влияние, которое оказали испанская и общая политика Европейского Сообщества друг на друга.

The article is dedicated to the process of Spanish integration into the European Community, its future harmonization of national policy with the common European one and their content. The author analyzed mutual influence which was caused by Spanish and common European policy towards each other.

Ключевые слова: Испания, Европейское Сообщество, Европейский Союз, демократия, права человека, гражданское государство.

Keywords: Spain, European Community, European Union, democracy, human rights, civil state.

1 января 2011 г. исполнилось 25 лет со дня вступления Испании в Европейское Сообщество. Вхождение в состав организации стало возможным лишь после смерти диктатора Франко в 1975 г. и перехода на путь построения демократического общества. Двумя годами позже началось официальное ведение переговоров о вступлении в Сообщество, которое принесло свои плоды лишь девять лет спустя. Имея своей целью международное признание и восстано-

ление дипломатических отношений, в первую очередь, с демократическими странами, с 1977 г. Испания начала проведение внешней политики, основой которой являлись общеевропейские ценности и соблюдение прав человека. Таким образом, между 1977 и 1980 гг. Испания ратифицировала Международные Пакты по Гражданским Правам, а также Пакты ООН по Экономическим и Культурным Правам, стала членом Совета Европы, подписав Европейский Договор по защите Прав Человека и его Основных Свобод. Позднее страна ратифицировала Социальную Европейскую Хартию и признала компетенцию Европейской Комиссии по Правам Человека в разбирательстве частных ходатайств [1, с. 99].

Для успешного интегрирования стран Иберийского полуострова Европейскому Сообществу нужно было провести институциональную и экономическую реформы: адаптировать испанские экономические и аграрные структуры к соответствующим общим европейским системам, а также уменьшить рыболовную квоту. В конечном счете, 12 июня 1985 г. был подписан Акт о Вступлении Испании в Европейское Сообщество.

После вступления Иберийских стран (Испании и Португалии) последовали соответствующие изменения в институциональной структуре: в Совете – Испания как страна, чье население занимало пятое место по численности в Сообществе, получила восемь голосов (по десять голосов имела «большая четверка»). Квалифицированное большинство было установлено в 54 голоса; в Комиссии – она уже насчитывала 17 комиссаров, двое из которых являлись испанцами: Мануэль Мартин и Абель Матутес. Таким образом, была признана важность Испании в решении задач Комиссии; в Парламенте – Испания имела 60 представителей из общего числа евродепутатов, равного 518. Акт Присоединения предусматривал подготовительный период в два года для того, чтобы Испания и Португалия провели соответствующие национальные выборы в Европейский Парламент. 10 июня 1987 г. в Испании были проведены первые выборы в Парламент, а в 1989 г. Энрике Барон стал первым испанским президентом в Европейском Парламенте (1989 – 1992 гг.); в Суде Европейского Сообщества – количество судей увеличилось с 11 до 13, а количество Генеральных Адвокатов – с 5 до 6; в Экономическом и Социальном Комитете – Испания имела 21 представителя; в Счетной Палате – представительство государств-членов осталось прежним: по одному представителю от каждой страны; в Европейском Банке Инвестиций – количество вице-президентов увеличилось с пяти до шести за счет одного общего вице-президентства Испании и Португалии; в Совете Администрации – Испании были предоставлены два административных места, в то время как Португалии – одно [2, с. 40].

Успешность испанской интеграции в Европейский Союз позволила в 1995 г., во время президентства страны в ЕС, завести речь о принятии соот-

ветствующего календаря подготовки для введения евро в рамках программы по принятию единой монеты, которая официально вступила в силу на европейском пространстве с 1 января 2002 г., вновь совпав с президентством Испании. Сама же Испания приняла ее тремя годами ранее. Таким образом, 1999 г. явился значимым для страны – Испания окончательно интегрировалась в Европу и положила конец своему особому положению в европейском контексте, став одной из главных держав Союза.

В начале 80х гг. многие европейцы видели в Испании и Португалии, а также Греции только обузу, которая, наряду с экономическими и политическими проблемами, могла затруднить процесс выработки Сообществом внешнеполитических решений. В частности, на тот момент Испания представляла собой страну с уровнем дохода ниже 75% от среднего по Евросоюзу и с уровнем безработицы, вдвое превосходящим средний показатель в Европе, характерными чертами были политическая нестабильность после неудавшегося переворота 1981г., терроризм, изоляционная традиция во внешней политике, к которым присоединялась нестабильность отношений с марокканским соседом и массовой иммиграцией в Европу [3, с. 78]. Однако Испания смогла полностью европеизировать свою политическую, экономическую и социальную сферы, а также принять соответствующие концепции внутренней и внешней безопасности в рамках общих ценностей поддержания мира, стабильности, демократии и процветания, отраженных в Конституции 1978 г.

В свою очередь, Испания не только вобрала в себя идеи европейской политики, но и обогатила ее. Так, Испания углубила Средиземноморский внешнеполитический вектор европейской политики, укрепив сотрудничество со Средиземноморскими странами (в частности, с Северной Африкой), вела активную посредническую деятельность в процессе построения мира на Ближнем Востоке и инициировала созыв конференции по Безопасности и Сотрудничеству в Средиземноморье. Кроме того, Европейскому Союзу была предоставлена новая область для развития отношений – Латинская Америка, чей пик активности пришелся на евро-ибороамериканскую конференцию в Рио-де-Жанейро в 1999 г. Наиболее значимыми испанскими инициативами в Европейском Союзе явились следующие: поддержание создания Пространства Свободы, Безопасности и Справедливости, в котором бы велась совместная борьба против международной организованной преступности, наркотрафика и терроризма, проведение Лиссабонского процесса с целью экономического реформирования и укрепления единства Европы. Помимо этого, Испания активно поддерживала идею «Гражданской Европы» и развивала ее конкретными методами (например, предложив введение европейских паспортов и европейского гражданства). Концепция социальной Европы развивалась одновременно с идеей единой экономической и валютной системы, т.е. защиты и расширения

социального и экономического единства ЕС, создания новых рабочих мест.

Европейская модель развития с ее принципами интеграции, соблюдения прав человека, демократии и правового государства стала национальным проектом Испании, которую она, как и Союз, активно продвигала и продвигает на международной арене [4]. В частности, эти идеи нашли свое воплощение в Директивах, принятых Советом Министров 23 января 2009 г.: «Президентство в Совете Европейского Союза является прекрасной возможностью для Испании, чтобы показать себя как справедливую страну, общество и государство на международной арене и принять активное участие в решении мировых проблем, а также сотрудничать с народами, более всех подверженными опасности. Испания верит, что решение главных проблем XXI века возможно лишь совместными действиями Союза, который, представляя собой демократическое объединение, придает наибольшее значение участию всех европейских наций в обсуждении политической повестки дня, единству европейских народов при сохранении их своеобразия. Именно по этой причине наше Президентство будет иметь европейскую направленность и характеризоваться открытой социальной восприимчивостью в год борьбы против бедности и дискриминации» [5]. Опираясь на эти принципы, Испания и ЕС преследуют, с одной стороны, улучшение социальных, экономических и политических условий в третьих странах, а с другой, – продвижение на пути регулирования международных противоречий и глобального управления.

Существование ключевых столпов и ценностей (солидарность, равенство, сплоченность, социальная справедливость и процветающее общество), на которых базируется процесс европейской интеграции, является тем, что отличает европейскую модель от других (американской и азиатской). Ее международная значимость, противостоящая новым вызовам, которые предполагает общество в эпоху глобализации, характеризуется этической международной ответственностью. Европейская модель уже преодолела функционалистскую фазу интеграции, основанную на экономических критериях, и перешла на путь наднациональной политической интеграции, которую можно охарактеризовать как межправительственный федерализм [6, с. 114-116]. Новый регионализм и глобализация как основные феномены, регулирующие современные процессы в международных отношениях, отводят Европейскому Союзу одно из ключевых мест в проектировании глобального миропорядка на политическом и экономическом уровнях. Европейская модель является более гуманной и этичной, что делает из нее наиболее привлекательный пример для следования. Географическими пространствами, где Европейский Союз продвигает эти принципы, являются Латинская Америка и Средиземноморье, на развитие отношений с которыми наибольшее влияние оказывает Испания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Veinte años de España en Europa: (actas de las jornadas de conmemoración del XX aniversario de la adhesión de España a la Unión Europea) / Coord. Cristina Gortázar Rotaeché, M José Castaño Reyero. – Madrid: – Universidad Pontificia Comillas, 2008;
2. Fernández Navarrete D. Historia de la Unión Europea: España como Estado miembro. – Madrid: – Delta, D.L., 2010
3. Navarro González A. La postura de España en la Unión Europea. – Valencia: – Tirant lo Blanch, 2007;
4. TUE Art. 11;
5. Directrices de actuación para la Presidencia Española de la Unión Europea en 2010, 23 de enero de 2009;
6. Hacia un mundo sin fronteras: la inserción de España en la Unión Europea: aspectos económicos y culturales / Coord. Adela Tarifa Fernández. – Madrid: – Instituto de Formación y Recursos en Red para el Profesorado, 2009.

ПРАВО

УДК 34.01

КЛОД ДЕ СЕЙССЕЛЬ И ФРАНСУА ОТМАН. УЧЕНИЯ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ

Гройсберг А.И.

CLAUDE DE SEYSSSEL AND FRANCOIS HOTMAN. DOCTRINE ABOUT LIMITATION OF THE KING'S POWER.

Groysberg A.I.

Статья посвящена анализу политических идей представителей французского конституционализма XVI в. Клода де Сейсселя и Франсуа Отмана. Политическую историю Франции XVI века обычно рассматривают как эпоху учений об обосновании безграничной власти монарха. Вместе с тем становление сильного централизованного государства во Франции способствовало появлению первых либеральных теорий, авторы которых выступали за конституционное ограничение власти короля.

The article is dedicated to the analyses of the political ideas of Claude de Seyssel and Francois Hotman, XVI century French constitutionalism representatives. Political history of XVI century France is usually revised as an epoch of the king's unlimited power approval. At the same time, making of strong centralized state in France promoted the creation of first liberal theories, thats authors advocated for the king's power constitutional limitation.

Ключевые слова: К. де Сейссель, Ф.Отман, Франция, XVI век, государство, монархия, конституционализм, суверенитет, верховная власть.

Keywords: C. de Seyssel, F. Hotman, France, XVI century, state, monarchy, constitutionalism, sovereignty, supreme power.

Развитие политической мысли Франции связывают с процессами, происходившими в конце XV — начале XVI века внутри государства. Дж. Франклин выделяет в этой связи два основных аспекта - это централизация администрации, которая помогла преодолеть феодальные тенденции к сепаратизму, и «институализация внутри этой администрации», поддерживающая принцип, по которому король должен управлять по общему согласию [1, с. 12]. Усиление королевской власти и борьба, которую ей приходилось вести с традиционными представительными институтами - вот главная причина появления новых политических работ в начале XVI века. Именно в эту эпоху берет свое начало французская либеральная мысль, представленная творчеством конституционалистов, выступавших как с позиций защиты монархии, так и с позиций некоторого ее правового ограничения.

Наиболее последовательно и полно доктрину французских конституционалистов начала XVI века выразил Клод де Сейссель (ок.1450-1520), савойский дворянин, член Великого Совета, учрежденного Людовиком XII, в своем трактате «Великая французская монархия», вышедшем в свет в 1515 году. К.де Сейссель описывает и анализирует *corpus mysticum*, главой которого был король. В качестве членов он рассматривает штаты и различные сообщества, которые, по его мнению, должны мирно сосуществовать, соблюдая права друг друга и поддерживая гармонию и равновесие в обществе [2, с. 54]. Автор подчеркивает важность и величие короля Франции, поскольку он назначен самим Богом и по этой причине является абсолютным в своих полномочиях [3, с. 260]. К. де Сейссель считал, что превосходство французской монархии состоит в том, что она «не полностью абсолютная, но и не слишком ограниченная; она регулируется и сдерживается хорошими законами, ордонамсами и кутюмами» [4, с. 10].

В качестве естественных ограничителей королевской власти К. де Сейссель называет три узды (*freins*): религия, правосудие и полиция. Первая узда - приверженность католической религии и ее защита - является традиционной для политической мысли данной эпохи, поскольку общество и его глава мыслились христианскими, а позднее требование католического вероисповедания стало для королей Франции вообще обязательным условием вступления на престол.

Другая узда - правосудие. С точки зрения К. де Сейсселя, правосудие осуществляют парламенты, которые ограничивают абсолютную власть короля. Именно судебный аппарат является, по мнению К. де Сейсселя, главной

сдерживающей и контролирующей силой: «Во Франции он обладает бóльшим авторитетом, чем в любой другой стране, в частности, потому, что парламенты были созданы специально для того, чтобы сдерживать королей, которые захотели бы пользоваться абсолютным могуществом»; авторитет судей тем выше, «что они несменяемы (*perpetuels*), и короли не властны их уволить, иначе как в случае должностного преступления» [4, с. 12].

Ограниченная таким образом «абсолютная власть королей не становится меньшей, но тем более достойной, чем лучше она отрегулирована. И если бы она была более всеобъемлющей и абсолютной, она была бы хуже и несовершеннее: ведь и могущество Бога не считается меньшим от того, что он не может грешить и творить зло» [4, с. 14]. Примечательно, что К. де Сейссель не придает никакого значения Генеральным Штатам и вообще не считает нужным вводить в монархию демократическое начало: функцию необходимого контроля выполняют парламенты.

Третьей уздой К. де Сейссель называет полицию. «Это подтверждают многочисленные ордонансы, которые были выпущены самим королем, и после разрешались и одобрялись время от времени, которые ведут к сохранению королевства, в общем и в частном. И это защищено тем, что долгое время государи не нарушали их... Что касается дела их домена и королевской патримонии, то они не могут отчуждать его без необходимости, и если это будет нужно, то должно быть известно и одобрено суверенными судами парламента и судами графств...» [4, с. 26].

Во второй половине XVI века в Западной Европе распространяются учения об ограничении королевской власти. Отрицая божественное происхождение королевской власти, монархомахи считали, что истинным сувереном является только народ, который заключает с короной договор и таким образом передает власть монарху. При этом за народом сохраняется право низвергнуть тирана, нарушающего права народа. Течение монархомахов не было однородным и имело свои особенности в отдельных государствах. Французские монархомахи (Ф. Отман, Ф. Дюплесси-Морне) стремились к ограничению монархии сословно-представительскими учреждениями.

В 1573 году выходит в свет работа юриста-протестанта Франсуа Отмана (1524-1590). Первоначально она была издана на латинском языке под названием «*Tractatus de regimine regum Gallicae et de jure successionis*». Но уже в 1574 году появляется ее французский перевод, озаглавленный как «Франгогаллия». Этот небольшой трактат, носящий (по сути) публицистический характер, представляет собой попытку реконструкции государственных институтов эпохи древнего франкского королевства. Во «Франгогаллии» находят отражение два положения: признание выборной монархии, которая существовала во Франции

в стародавние времена и до первых Капетингов и критика законодательной базы французской монархии. При их развитии Ф. Отман руководствовался единственной целью - доказать свою мысль о том, что во Франции существовал народный суверенитет [5, с. 73]. Следует отметить, что у Ф. Отмана мы не встречаем понятие «суверенитет». У самого автора мы встречаем, как и у его предшественников, термин «суверенная власть» (*souveraine autorite*). Сам термин «суверенитет» был введен в политический оборот Жаном Боденом и до появления в свет его сочинений мы можем встретить данное понятие всего один раз — в памфлете «Будильник французов» [5, с. 162].

Тем не менее, Ф. Отман говорит именно о народном суверенитете, поскольку «народ имел полномочие и суверенную власть в их [королей] низложении, когда они им плохо служили» [6, с. 68]. Мы не находим во «Франкогаллии» никакого определения суверенитета или описания его признаков, как в случае с «Шестью книгами о Республике» Жана Бодена. Но к самой идее народного суверенитета Ф. Отман обращается довольно часто.

У Отмана явно представлена сама мысль о существовании верховной власти, которую осуществляет народ посредством генеральной ассамблеи штатов. Народ соучаствует в политической жизни путем голосования при избрании королей, низложении дурных государей, принятии важных решений, которые обсуждаются ассамблеей штатов.

В главе XI «О священной и неприкосновенной власти генеральной ассамблеи Штатов и о том, в каких случаях в ней обращаются» Ф. Отман перечисляет полномочия Штатов, которые (в общем) совпадают с пятью основными признаками суверенитета, о которых говорит Жан Боден в «Методом легкого познания истории» и, затем, в «Шести книгах о Республике». К таким признакам относятся: право издавать законы; обладание высшей военной властью; право назначения верховных должностных лиц: магистратов; право высшего суда, и, наконец, право помилования осужденных [7, с.с. 152-153]. При этом роль самих Штатов, так как понимал ее Ф. Отман, превосходно описана в сочинении.

По словам И.Я. Эльфонд, «эта персонифицированная власть и осуществляла подлинное государственное управление — от решения вопроса о единстве страны и ее разделении до материального обеспечения членов царствующей династии» [8, с. 247]. Таким образом, работа Ф. Отмана направлена против королевского абсолютизма и в защиту политических привилегий феодальной аристократии, за которой сохраняется право низложения «тирана», нарушающего эти привилегии.

Сочинение Франсуа Отмана вышло в свет в 1573 году, а три года спустя, в 1576 году, в Париже появляется труд Жана Бодена «Шесть книг о Республи-

ке», который стал ответом и на «Франкогаллию», и на всю тираноборческую литературу не только протестантского, но и католического толка. Уже в предисловии Ж. Боден определяет в качестве своей цели опровержение их учений: «Имеются другие противоположности и враждебные права тех, кто не менее и может быть более опасен: те, кто под знаменем освобождения от обязанностей и народной свободы поднимает подданных против их природных Государей, открывая дверь беспутной анархии, которая хуже, чем самая сильная тирания в мире» [9, с. 14]. Эту мысль о полном отрицании народной власти как источнике постоянной анархии в государстве, Ж. Боден проносит через весь свой труд.

Итак, в политической мысли Франции XVI-XVII веков доминирующей была идея абсолютной, вечной и неограниченной власти (абсолютного суверенитета) монарха, впервые получившая теоретическое обоснование в творчестве Жана Бодена. Но политическая мысль Франции не оставила без внимания то усиление роли парламента, которое произошло во второй половине XVI века.

В работах Клода Сейсселя и Франсуа Отмана мы видим иное отношение к королевской власти как к власти ограниченной, опирающейся на волю представительного органа или даже подотчетную истинному носителю власти, – французскому народу.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Franklin J.H. Jean Bodin et la naissance de la theorie absolutiste. Paris: PUF, 1993.
2. Метивье Ю. Франция в XVI-XVIII вв.: От Франциска I до Людовика XV (пер. с фр.). [Текст] / Ю. Метивье // М.: АСТ, 2005.
3. Skinner Q. The Foundation of Political Thought. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
4. Seyssel Cl. De. La grande monarchie de France. Paris, 1557.
5. Эльфонд И.Я. Учение о суверенитете во французской политической мысли второй половины XVI века [Текст] / И.Я. Эльфонд // Культура Возрождения и власть. М.: Наука. 1999.
6. Hotman F. La Gaule francaise. Paris: Fayard, 1991.
7. Боден Ж. Метод легкого познания истории. [Текст] / Ж. Боден // М.: Наука, 2000.
8. Эльфонд И.Я. Раннесредневековые основы политической мифологии во французской культуре XVI века [Текст] / И.Я. Эльфонд // Миф в культуре Возрождения. М.: Наука.
9. Bodin J. De la republique. Book I. Paris: Fayard, 1986.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.3

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ ИНТЕРНЕТ. ЛИЧНОСТНЫЕ И КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПОЛОВЫМ ДИМОРФИЗМОМ

Сордия Г.М.

USER OF INTERNET. PERSONALITY AND COGNITIVE CHARACTERISTICS IN RELATION TO SEXUAL DIMORPHISM

Sordiya G.M.

Статья посвящена изучению личности пользователя Интернета. В статье отражены результаты, полученные в эмпирическом исследовании личностных и когнитивных характеристик пользователя Интернета.

This article is devoted to the actual problem in the psychology of the Internet, namely the study of the Internet user's personality. The article reflects the results obtained in the empirical study of personality and the cognitive characteristics of the Internet user.

Ключевые слова: личность пользователя, личностные особенности, когнитивные характеристики (полезависимость-полenezависимость), Интернет.

Keywords: personality, personality traits, cognitive characteristics (field dependence- field independence), the Internet.

За последнее десятилетие проводилось огромное количество исследований, объектом которых являлся Интернет. Изучением виртуальной реальности все чаще занимаются представители гуманитарных наук. Психологами за последние годы также опубликовано значительное количество работ по проблеме Интернета: изучается возможность применения Интернета в качестве инструмента для психологических исследований [3], исследуется деятельность (прежде всего коммуникативная) человека в Интернете [3; 9], анализируется проблематика Интернет-зависимости [5; 7].

Теоретический обзор литературы по психологии Интернета показывает, что с учетом актуальности данной темы, исследований, направленных на изучение личности пользователя на данный момент недостаточно. Личность пользователя Интернета, как правило, изучается в контексте исследований по проблеме Интернет - зависимости. и авторы часто упускают из виду когнитивные особенности пользователя Интернет в их взаимодействии с личностными и половыми особенностями.

Целью нашего исследования стало изучение личностных, половых и

когнитивных (полезависимости - полenezависимости) характеристик пользователя и их взаимосвязи.

Характеристика испытуемых и методов исследования.

В исследовании приняло участие 223 испытуемых в возрасте от 18 до 60 лет. Из них 91 человек - мужчины (средний возраст 31 год) и 132 человека - женщины (средний возраст 27 лет). Группа испытуемых состояла из представителей различных профессий, с различным уровнем образования (не ниже полного среднего).

Для комплексного изучения личности использовался опросник структуры характера и темперамента Р. Клонинджера (ТСИ-140), адаптированный Н.А. Алмаевым и Л.Д. Островской (2005) [1]. Когнитивные характеристики (полезависимость и полenezависимость) оценивались при помощи методики “Включенные фигуры” вариант Готшильда [8]. Критерием включения в группу являлось постоянное использование сети Интернет. Люди, использовавшие Интернет, не включались. Полученные результаты обрабатывались в соответствии с требованиями методических материалов конкретных психодиагностических методик (методика “Включенные фигуры” Готшильда, опросник структуры характера и темперамента Р.Клонинджера: сокращенная версия ТСИ-140). Для вычисления корреляций использовался ранговый коэффициент корреляции r - Спирмена. Ранговый коэффициент корреляции r - Спирмена вычислялся при помощи компьютерной программы Statistica 6.1. Полученные результаты статистически достоверны ($p \leq 0,05$).

Результаты и их обсуждение.

Полученные результаты исследования когнитивных характеристик пользователя представлены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты по методике “Включенные фигуры” Готшильда

		Количество правильных ответов	Время выполнения (мин)	Индекс полезависимости полenezависимости
Группа мужчин	Ср. знач.	24,70	18,08	2,12
	Ст. откл	5,92	15,07	1,52
Группа женщин	Ср. знач.	24,82	18,91	1,80
	Ст. откл	5,88	12,99	1,18
Вся группа	Ср. знач.	24,77	18,57	1,93
	Ст. откл	5,88	13,85	1,34

Из таблицы 1 видно, что участники исследования относятся к группе полезависимых (ср. значение в целом по группе 1,93). Однако можно заметить, что женщины давали больше правильных ответов, чем мужчины. Мужчинам требовалось меньше времени для выполнения задания, чем женщинам. Мож-

но предположить, что пользователи, у которых преобладает полезависимость, могут быть предрасположены к формированию и развитию у них Интернет зависимости.

На графике 1 представлены результаты, полученные при помощи опросника структуры характера и темперамента Р. Клонинджера (ТСІ-140).

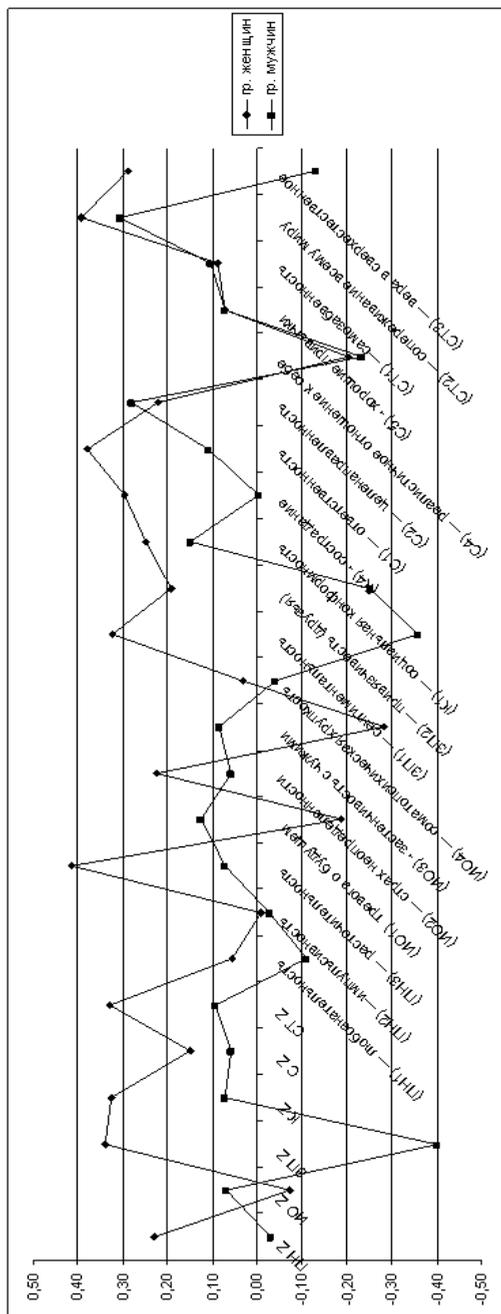

График 1. Результаты по опроснику ТСИ-140

Из графика 1 видно, что между группами имеются значительные различия. Максимальные значения в группе женщин по субшкалам: “Расточительность”, “Страх неопределенности”, “Сентиментальность”, “Привязчивость”, “Социальная конформность”, “Сострадание”, “Ответственность”, “Целенаправленность”, “Сопереживание всему миру”, “Вера в сверхестественное”. Минимальные значения в группе женщин по субшкалам: “Тревога о будущем”, “Застенчивость с чужими”, “Реалистичное отношение к себе”. По общим шкалам результаты в группе женщин следующие: максимальные значения получены по шкале “Поиск нового”, “Зависимость от поощрения”, “Кооперативность”, “Самотрансцендентность”, а минимальные значения - “Избегание опасности”, “Самостоятельность”.

В группе мужчин результаты следующие: максимальные значения по субшкалам “Социальная конформность”, “Целенаправленность”, “Сопереживание всему миру”, минимальные значения по субшкалам “Сентиментальность”, “Привязчивость”, “Реалистичное отношение к себе”. По интегральным шкалам в группе мужчин максимальные значения явно не выражены, а минимальные значения по шкале “Зависимость от поощрения”.

Конфигурационный анализ шкал Клонинджера [1] показывает тяготение группы женщин к “гистрионному” (демонстративному) типу личности: высокий Поиск нового, низкое Избегание Опасности, высокая Зависимость от поощрения. У мужчин выражено тяготение к “обсессивному” типу личности: низкий Поиск нового, высокое Избегание опасности, низкая Зависимость от поощрения. Следующим шагом анализа когнитивных и личностных характеристик Интернет пользователя является изучение их взаимосвязей. Результаты корреляционного исследования представлены в таблицах 2, 3.

Таблица 2. Корреляции показателей опросника Р. Клонинджера с методикой “включенные фигуры” Готшильда (группа мужчин)

	Количество правильных ответов	Время выполнения (мин)
(ПН2) импульсивность	0,24	
(ИО3) застенчивость с чужими	0,23	
(ЗП2) привязчивость (друзья)		0,22
(К4) сострадание	0,26	

В группе мужчин (табл. 2) обнаружены следующие корреляции. Личностные характеристики такие как “импульсивность”, “застенчивость с чужими”, “сострадание” положительно связаны с количеством правильных ответов по методике “Включенные фигуры” Готшильда. “Привязчивость (друзья)” по-

ложительно коррелирует со временем выполнения методики “Включенные фигуры” Готшильда.

На первый взгляд, высокие значения шкалы импульсивность должны отрицательно сказываться на результативности деятельности. Однако не следует забывать, что «импульсивность» (по тесту Клонинджера) – результат самооценки. Чем выше человек оценивает себя как импульсивного, тем выше результаты его работы. Поскольку импульсивность качество (в целом) социально неодобряемое, речь идет о более высоком уровне самоконтроля у лиц, оценивающих себя как более импульсивных. “Застенчивость с чужими” – это одна из субшкал Избегания опасности (Harmavoidance), т.е. тревоги. Повышенный, но не слишком большой уровень тревоги способствует более качественному выполнению задания.

В группе мужчин также можно заметить, что личностная характеристика “привязчивость (друзья)” влияет на скорость выполнения задания по методике Готшильда, а “сострадание” – на результативность. Это можно интерпретировать как настроенность испытуемых на сотрудничество с исследователем, которая выступает в качестве мотива выполнять задания более старательно.

Это феномен так же был обнаружен в исследованиях А.Н. Воронина [6], Л.В. Черемошкиной и Н.В. Чудовой [10].

Таблица 3. Корреляции показателей опросника Р. Клонинджера с методикой “включенные фигуры” Готшильда (группа женщин)

	Количество правильных ответов	Время выполнения (мин)	Индекс полезависимости полenezависимости
К Z	0,21		
(ПН1) любознательность		0,20	- 0,19
(К1) социальная конформность	0,29		
(К4) сострадание		0,18	

В таблице 3 представлены корреляции обнаруженные в группе женщин. Интегральная шкала “К” (“кооперативность”) положительно коррелирует с количеством правильных ответов по методике Готшильда. Данный результат также демонстрирует феномен “социальной желательности” описанный выше [6; 10]. Субшкала “любознательность” положительно связана со временем выполнения по методике Готшильда, и отрицательно – с индексом пз-пнз. Можно сделать вывод, что любознательность влияет на скорость выполнения задания по методике Готшильда. “Любознательность” - субшкала фактора “Поиска Новизны” наряду с “импульсивностью” и “расточительностью”. Но если в “Импульсивность” входят вопросы, имеющие окраску социальной нежела-

тельности, то в “Любознательность” - нет. Таким образом, в данном случае “любознательность” сработала вместо родственной ей шкалы «импульсивность».

Рассматривая данную личностную особенность в контексте взаимодействия с Интернет, можно предположить, что именно “любознательные” (по тесту Клонинджера) пользователи будут чаще подвержены формированию и развитию Интернет зависимости. Субшкала “социальная комфортность” положительно связана с количеством правильных ответов по методике Готшильда. Субшкала “сострадание” положительно коррелирует со временем выполнения по методике Готшильда. Полученные данные в группе женщин также свидетельствуют о наличии феномена “социальной желательности” [6; 10].

Выводы.

В результате исследования были обнаружены когнитивные (полезависимость) и личностные характеристики пользователя Интернета. Также можно заметить, что личностные особенности в группах мужчин и женщин различаются. Личностные характеристики “любознательность”, “импульсивность”, “застенчивость с чужими” имеют как положительную, так и отрицательную сторону. С одной стороны любознательность позволяет пользователю повышать свою эрудицию, а с другой, – риск стать Интернет зависимым.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алмаев Н.А. Островская Л.Д. Адаптация опросника темперамента и характера Р.Клонинджера на русскоязычной выборке [Текст] / Н.А. Алмаев, Л.Д.Островская // Психологический журнал. 2005 Т.26. №6 с.77-86.
2. Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е. Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия [Электронный ресурс] / О.Н. Арестова, Л.Н. Бабанин, А.Е. Войскунский // Режим доступа: http://ru-cyberpsy.blogspot.com/2011/01/blog-post_13.html (Дата обращения: 13.02.2011)
3. Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е., Смылова О.В. Интернет в психологическом исследовании [Электронный ресурс] / Л.Н. Бабанин, А.Е. Войскунский, О.В. Смылова // Режим доступа: <http://cyberpsy.ru/2011/02/1-n-babanina-e-vojskunsjij-o-v-smyslova-internet-v-psixologicheskom-issledovanii> (Дата обращения: 26.02.2011)
4. Борсук М.А. Влияние Интернета на психоэмоциональное состояние подростка [Текст] / М.А. Борсук // Эврика - 2010: сб. науч. Работ / ГрГУ им. Я. Купалы: редкол.: В.П. Тарантей и др. гродно: ГрГУ, 2010. - 441 с.
5. Войскунский А.Е. Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета [Электронный ресурс] / А.Е. Войскунский // Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/addict.htm> (Дата обращения: 13.02.2011)
6. Воронин А.Н. Интеллект и креативность в межличностном взаимодействии [Текст] / А.Н. Воронин // М. Институт психологии РАН 2004

7. Добровидова Н.А. Социальные факторы компьютерной зависимости: эмпирическая ретроспектива [Текст] / А.Н. Добровидова // Психологические исследования: Сборник научных трудов. Выпуск 5. / Под ред. А.Ю. Агафонова, В.В. Шпунтовой – Самара, Изд-во: «Универс-Групп», 2007. – 308 с.

8. Козловский О.В. Открой в себе гения. [Текст] / О.В. Козловский // Донецк: ООО ПКФ “БАО” 2005. – 736 с.

9. Солодовник В.А. Влияние Интернет-коммуникаций на личность пользователя [Текст] / В.А. Солодовник // Материалы. IV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Научный потенциал студенчества в XXI веке» Том второй. Общественные науки. г. Ставрополь: СевКавГТУ, 2010. 405 с.

10. Черемошкина Л.В., Чудова Н.В. Влияние информационных технологий на развитие личности: особенности картины-мира и когнитивной сферы носителей Интернет-культуры [Электронный ресурс] / Л.В. Черемошкина, Н.В. Чудова // Режим доступа: <http://psynet.ucoz.ru/publ/1-1-0-5> (Дата обращения: 02.12.2010)

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК СПОСОБ ГАРМОНИЗАЦИИ ИНТЕРЕСОВ БИЗНЕСА И ВЛАСТИ

Зверева Т.В.

SOCIAL RESPONSIBILITY AS A WAY OF HARMONIZATION OF INTERESTS OF BUSINESS AND THE POWER

Zvereva T.V.

В последние годы наблюдается рост интереса к проблематике социальной ответственности бизнеса. По мнению автора, социальная ответственность бизнеса определяется неразрывностью общих принципов существования организации, фирмы, корпорации с ее социальной ответственностью перед обществом, то есть предполагает инициативу руководства компании, направленную на принятие социально ответственных решений.

Last years, both in foreign and in a domestic political science growth of research and practical interest to a problematic of social responsibility of business that is caused by growth of influence business – structures on process of decrease social and a political tension in the country owing to carrying out by large corporations of a more socially responsible policy is observed. This policy serves as interests of the society, and, finally, business corporations.

Ключевые слова: социальная ответственность; налоговая ответственность; общественное мнение; бизнес; социальные программы; налоговая сфера; корпоративное взаимодействие; законопослушное налоговое поведение.

Keywords: social responsibility; tax responsibility; public opinion; business; social programs; tax sphere; corporate interaction; legislative tax behavior.

В течение последних лет проблема социальной ответственности находит свое отражение на страницах ведущих изданий, в различных дискуссиях и форумах, является тематикой проводимых исследований. Среди зарубежных исследователей в данной области следует особо отметить вклад в разработку проблемы Г. Боуэна, который дал первое определение понятия социальной ответственности бизнеса через обязательства бизнесменов вести политику, принимать решения и следовать линиям поведения, которые являются желательными с точки зрения целей и ценностей общества. В рамках традиционного подхода для анализа социальной ответственности представляют интерес работы М. Фридмана. Тем не менее, многие аспекты этой темы по-прежнему остаются неизученными, в частности, вопрос, связанный с ролью социальной ответственности в урегулировании взаимодействия граждан и государства в налоговой сфере. Данный феномен позволяет оптимизировать конкретные мероприятия, проводимые в рамках концепции социальной ответственности, и (как следствие этого) увеличить ее эффективность.

Из всего разнообразия существующих теоретико-методологических оснований к определению социальной ответственности компании можно выделить три наиболее распространенных.

1. Теория корпоративного эгоизма (М. Фридман, Д. Хендерсон) основывается на утверждении о том, что единственная ответственность бизнеса – это увеличение прибыли всех своих акционеров. М. Фридман, утверждал, что существует лишь одна социальная ответственность делового мира – использовать свои ресурсы и заниматься деятельностью, направленной на увеличение прибыли (при условии соблюдения правил игры), то есть заниматься открытой свободной конкуренцией без обмана и мошенничества, «единственным бизнесом бизнеса является максимизация прибыли в рамках соблюдения существующих правил игры» [1, с.122]. Иными словами, если компания устанавливает приемлемый уровень заработной платы, своевременно и в полной мере платит налоги, выполняет социальные обязательства, закрепленные законодательством, то такая компания ведет добросовестную деловую практику, значит, ее можно считать социально ответственной.

2. Теория корпоративного альтруизма представляет собой прямо противоположную точку зрения и принадлежит Комитету по экономическому развитию (The Committee for Economic Development). В рекомендациях комитета подчеркивалось, что «корпорации обязаны вносить значительный вклад в улучшение качества американской жизни».

3. Теория «разумного эгоизма» (enlightened self-interest) настаивает на том, что социально ответственный бизнес – это просто «хороший бизнес»,

поскольку сокращает долгосрочные потери в прибыли. Тратя деньги на социальные и филантропические программы, корпорация сокращает свои текущие прибыли, но в долгосрочной перспективе создает благоприятное социальное окружение и -устойчивые прибыли в будущем. Проявление социальной ответственности позволяет улучшить имидж корпорации, отношения в коллективе, привлечь новых клиентов, увеличить объемы продаж, в результате чего растет стоимость акций корпорации на рынке. Следовательно, социально ответственное поведение – это возможность для корпорации реализовать свои основные потребности в выживании, безопасности и устойчивости [2, с.246]. Данная теория заслуживает особого внимания, поскольку содержит в себе наиболее приемлемую мотивацию: получение прибыли иным, нетрадиционным способом, но ключевым моментом для бизнеса здесь все же является получение прибыли.

В сложившихся условиях одним из основных критериев по оптимизации политики в отношении социальной ответственности является учет интересов общества. Причем, для достижения максимального эффекта необходимо активное участие и делового сообщества, и государства. Учет общественных интересов и ожиданий в отношении поведения бизнеса в сфере социальной ответственности со стороны государственного регулирования необходим для того, чтобы его действия были наиболее эффективными и не встречали сопротивления со стороны населения. Бизнесу необходимо учитывать общественное мнение с целью принятия наиболее рациональных решений. Знание мнения населения позволит компаниям эффективнее расходовать материальные средства на различные социальные программы, а также избегать ситуаций, при которых социальная активность бизнеса будет неверно истолкована и как следствие этого не иметь ожидаемого эффекта [3, с.224].

Корпоративная социальная ответственность – это отвечающая специфике и уровню развития корпорации совокупность обязательств, добровольно и согласованно вырабатываемых с участием ключевых заинтересованных сторон, принимаемых руководством компании с учетом мнений персонала и акционеров, выполняемых за счет средств корпорации и нацеленных на реализацию значимых внутренних и внешних социальных программ, результаты которых содействуют развитию компании, улучшению ее репутации и имиджа, становлению корпоративной идентичности, развитию корпоративных брендов, а также расширению конструктивных партнерских связей с государством, местными сообществами и гражданскими организациями.

Социальная ответственность предполагает некий добровольный отклик на то, что лежит вне требований, определяемых законом или налоговыми органами. Добровольная обязанность предпринимателей - проводить такую политику, принимать такие решения и следовать таким направлениям деятельности, которые желательны с точки зрения целей и ценностей общества.

В научной литературе понятие социальной ответственности бизнеса трактуется как добровольный вклад бизнеса, связанный напрямую с основной деятельностью компании и выходящий за рамки определенного законом минимума, в развитие общества в социальной, экономической и экологической сферах [4, с.81]. Другие авторы воспринимают ее как обязанность деловых кругов действовать в соответствии с решениями, которые (в той или иной степени) выходят за рамки непосредственных экономических интересов корпораций. Существует группа теоретиков и практиков, которыми социальная и политическая ответственность бизнеса трактуется как настоятельная необходимость для корпораций и других частномонополистических ассоциаций осуществлять в рамках существующей экономической системы такие операции, которые отвечали бы интересам и потребностям различных социальных кругов и организаций.

Сопоставляя эти различные концептуальные позиции, можно, сделать вывод о том, что все они правомерны и отражают разные аспекты сложного процесса взаимосвязи общества, налоговой сферы, государства, политики и бизнеса. По мнению автора, социальная ответственность бизнеса определяется неразрывностью общих принципов существования организации, фирмы, корпорации с ее социальной ответственностью перед обществом, то есть предполагает инициативу руководства компании, направленную на принятие социально ответственных решений. Социальную ответственность можно рассматривать как систему отношений между субъектами (государством, бизнесом, обществом) по поводу осуществления взаимных требований. Содержанием ответственности является учет интересов взаимодействующих сторон, и взаимные требования воспринимаются ими в качестве определенного основания для принятия взаимовыгодных решений и осуществления действий.

Среди наиболее распространенных направлений социальных программ компаний можно выделить такие, как развитие персонала, охрана здоровья и безопасные условия труда, природоохранная деятельность и ресурсосбережение, развитие местного сообщества и добросовестная деловая практика. Компании оказываются вовлеченными в жизнь местного сообщества путем осуществления различных социальных программ и акций поддержки социально незащищенных слоев населения, оказания поддержки детству и юношеству, поддержки сохранения и развития жилищно-коммунального хозяйства и объектов культурно-исторического значения, спонсирования местных культурных, образовательных и спортивных организаций и мероприятий, поддержки социально значимых исследований и кампаний, участия в благотворительных акциях и т. п. Данные программы организованы в интересах компании с целью привлечения и удержания талантливых сотрудников, но также отвечают интересам государства по обеспечению рабочих мест, решению социальных проблем, охране окружающей среды и т. п.

Эффективная социальная политика позволяет компании реализовать свои основные потребности в выживании, безопасности и устойчивости. В свою очередь, это увеличивает доверие общества, инвесторов и акционеров к компании, и тем самым повышается конкурентоспособность бизнеса. Социально ответственный бизнес способствует созданию для компании в долгосрочной перспективе благоприятного социального окружения и более стабильного развития. Бизнес и его представители не могут существовать в отрыве от общества, частью которого они являются. Они могут и должны прилагать усилия для его гармонизации и развития.

Таким образом, соблюдая интересы корпорации, предприятия частного бизнеса работают на интересы государства, что создает основу для корпоративного взаимодействия, которое следует понимать как универсальное явление общественной деятельности. Его инновационной особенностью является ориентация участников делового общения на согласительные и партнерские отношения в целях достижения взаимовыгодных решений и контроля за их исполнением. Корпоративизм включает устойчивые модели коллективного поведения людей, имеющих противоречивые (и даже конкурирующие) группы интересов, и обуславливает потребность их объединения как инструмента системной интеграции и снижения социального противоборства, сглаживания социальной напряженности и достижения согласия (партнерства) между исследуемыми социальными силами: налоговые служащие и представители организаций-налогоплательщиков [5, с.70].

Современная ситуация в России характеризуется необходимостью разработки и распространения практических систем и методик развития корпоративной этики и социальной ответственности как на уровне компании, так и на уровне делового сообщества (в целом). Основными приоритетами при этом являются обеспечение взаимовыгодных интересов для бизнеса и общества, использование ведущих международных стандартов. Соответственно, главными целями бизнеса в социальном контексте является обеспечение устойчивого развития как для предприятий, так и для всего общества, а также увеличение своей привлекательности для общества. Социальная ответственность в широком понимании выступает как определенные ожидания общества по отношению к собственникам и менеджменту, производственным структурам, осознание последними своего долга перед обществом, коллективом, индивидом за свои действия и их социальные последствия [6, с.76]. Социальную ответственность можно рассматривать как систему отношений между субъектами (государством, бизнесом, обществом) по поводу осуществления взаимных требований. Содержанием ответственности является учет интересов взаимодействующих сторон, и взаимные требования воспринимаются ими в качестве определенного основания для принятия взаимовыгодных решений и осуществления действий.

Таким образом, социальная ответственность - это, с одной стороны, осознание налогоплательщиками необходимости уплаты налогов как обязательное условие процветания страны и личного благополучия, а с другой стороны, - определенные ожидания государства в лице налоговых органов законопослушного поведения по отношению к бизнесу, предпринимателям, гражданам, т.е. налогоплательщикам.

Стратегия развития социально ответственного бизнеса предполагает законопослушное поведение в вопросах налогообложения. Если бизнесу небезразличны проблемы государства в социальной сфере, то социально ответственные компании берут на себя часть вопросов проблемного поля государства, т.е. происходит процесс сращивания государственных интересов и интересов корпорации. Данная форма корпоративного взаимодействия основана на социальной ответственности, равенстве перед законом участников взаимодействия, и поэтому здесь нет места коррупции и злоупотреблениям. И дальнейшее развитие отношений может пойти по следующему сценарию: от социальной ответственности - к социальному партнерству - и корпоративному взаимодействию.

Истинность данного высказывания подтверждается результатами авторского эмпирического социологического исследования на тему: «Проблемы корпоративного взаимодействия государственных служащих и граждан», которое было проведено с апреля по сентябрь 2010 года. В ходе исследования опрошено 3100 респондентов, репрезентативно представляющих генеральную совокупность налогоплательщиков и налоговых служащих Межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы России № 25 по Ростовской области. Отвечая на вопрос: «Какова основная цель вашей профессиональной деятельности?», все категории респондентов отдали предпочтение ответу: «Желание самореализоваться, сделать карьеру» (от 36 до 43% опрошенных по различным категориям респондентов). Но при этом налоговые инспектора отметили, что «...даже любимая работа должна быть достойно оплачена». А один из предпринимателей заметил: «Желание самореализоваться, зарабатывая как можно больше денег». Налогоплательщик – физическое лицо так же заметил: «...желание самореализоваться, сделать карьеру и при этом получать хорошие деньги за свой труд».

Вторым по популярности был ответ: «стремление к получению честных доходов, внесению соответствующего вклада в благосостояние общества». Желание завоевать авторитет и признание общества как профессионала и гражданина является приоритетным (в большей степени) для налоговых инспекторов (21%), а в меньшей степени - для предпринимателей (10%). А «желание зарабатывать как можно больше денег» из всей совокупности респондентов чаще всего упоминалось предпринимателями (25%), а в меньшей степени интересует налоговых инспекторов (14%).

Исследование показало, что основной целью профессиональной деятельности респондентов является «желание самореализоваться, сделать карьеру». Желание заработать, как можно больше не является определяющим даже для предпринимателей, в то время как основная цель предпринимательской деятельности – это получение прибыли, но именно предприниматели в большинстве случаев склонны считать, что основной целью их профессиональной деятельности является стремление к получению честных доходов, внесение соответствующего вклада в благосостояние общества, что свидетельствует о достаточно высоком уровне социальной ответственности. С удовлетворением следует отметить, что и другие группы опрашиваемых (физические лица, руководители организаций), отдавая предпочтение желанию самореализоваться, все же более, чем в 25% случаев согласны с мнением предпринимателей. Это позволяет заключить, что мотивационные установки и осознание цели профессиональной деятельности респондентов более, чем в 25% случаев содержат признаки социально ответственного бизнеса.

Проблема социальной ответственности становится одной из самых серьезных среди бизнесменов Запада, да и в России к ней в последние годы проявляется значительный интерес. Отметим и еще одну специфическую для российского бизнеса особенность: исследования показывают, что в массовом сознании, крупный бизнес – объект концентрации отрицательных значений и оценок. Исходя из вышеизложенного, следует рассмотреть новую концепцию социальной налоговой ответственности. Ее основные элементы:

1. корпоративное взаимодействие налоговых служащих и налогоплательщиков предполагает взаимопонимание и взаимную ответственность участников процесса, создание взаимовыгодных механизмов социальных инвестиций бизнеса в общество становится важным элементом переговорной стратегии бизнеса и власти;

2. социальные инвестиции расширяют понятие социальной ответственности бизнеса, вследствие чего происходит переход от благотворительности к фокусированным социальным инвестициям компаний на национальном и региональном уровнях, направленным на решение самых актуальных для страны проблем в сфере занятости, борьбы с бедностью, образования, жилья, безопасности, охраны здоровья и среды обитания, т.е. в тех сферах жизни деятельности общества, инвестирование которых происходит из налоговых платежей;

3. социальная ответственность – новая форма ответственности бизнеса, власти и общества в решении общественно-значимых вопросов.

Искоренение социального иждивенчества, создание механизмов общественного контроля над распределением бюджетных средств, выполнением государством своих социальных обязательств. Если общественность пассивна, то коррупция будет процветать, а если расходование бюджетных средств происходит по прозрачным схемам, и каждый гражданин видит, на что расходуют-

ся, уплаченные им в виде налогов деньги, то в обществе повышается уровень гражданской ответственности, и уклоняться от уплаты налогов будет гораздо меньшее число граждан.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Friedman M. The social responsibility of business is to increase its profit // *New York Times*. 1970. 13 Sept., 33. P.122—126.

2. Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы. [Текст] / В.Н. Якимец // М., 2004.

3. Сидоров С.Н. Социальная ответственность и партнерство как основа взаимодействия бизнеса и власти. [Текст] / С.Н. Сидоров // *Социум и власть*. 2010. № 3.

4. Социальная ответственность бизнеса в условиях современной России: теория и практика: Материалы заседания круглого стола [Текст] / Под общ. ред. В.С. Комаровского, Н.А. Волгина // М.: Изд-во РАГС, 2005.

5. Капитонов Э.А., Зинченко Г.П., Капитонов А.Э. Введение в управление общественными отношениями: Учебное пособие [Текст] / Э.А. Капитонов, Г.П. Зинченко // – Ростов-н/Д: Издательство СКАГС, 2006.

6. Социальная стратегия российского бизнеса: условия успеха [Текст] // Материалы конференции раздел 2 (Аналитические и методические материалы). М., 2003. 28 марта.

УДК 31

ПИТАНИЕ КАК ЗАЛОГ УСПЕШНОЙ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Огородников Н.В.

NUTRITION AS KEY TO SUCCESSFUL ADAPTATION OF THE POPULATION OF THE YAMALO-NENETZ AUTONOMOUS REGION

Ogorodnikov N.V.

Автором рассматриваются условия успешной адаптации населения Ямало-Ненецкого автономного округа. В статье используются материалы авторского социологического исследования рациона питания населения Ямало-Ненецкого автономного.

The author examines the conditions for successful adaptation of the population of the Yamalo-Nenetz Autonomous Region. In article it is used materials of the authors sociological of diet of the population of the Yamalo-Nenetz Autonomous Region.

Ключевые слова: питание, активный образ жизни, население Ямало-Ненецкого автономного округа, адаптация, функционирование организма, норма.

Keywords: nutrition, the population of the Yamalo-Nenets Autonomous region, adaptation, organism functioning, norm.

Функционирование организма здорового человека всегда находится в соответствии с внешними условиями. Природные условия на Крайнем Севере для здоровья человека более тяжелые, чем в средней полосе. Успешная адаптация населения Крайнего Севера (в том числе населения Ямало-Ненецкого автономного округа) является неременным условием его хорошего здоровья. Процесс адаптации к экстремальным условиям Крайнего Севера протекает неравномерно. Неременно важным условием адаптации является правильный образ жизни, режим питания, отдыха, работы и качественное медицинское обслуживание. При соблюдении этих условий организм жителей Ямало-Ненецкого автономного округа может справиться с экстремальными нагрузками, обусловленными природными факторами [1].

В период с июня по октябрь 2010 года было проведено социологическое исследование рациона питания населения Ямало-Ненецкого автономного округа. Исследование проводилось в трех городах: Салехард, Надым, Ноябрьск. Было опрошено 1175 респондентов. В блоке изучения рациона питания установлено, что 48% опрошенных жителей Ямало-Ненецкого автономного округа оценивают свое состояние здоровья как удовлетворительное, 28% - как хорошее, 7% респондентов оценивают свое здоровье как очень хорошее (рис 1).

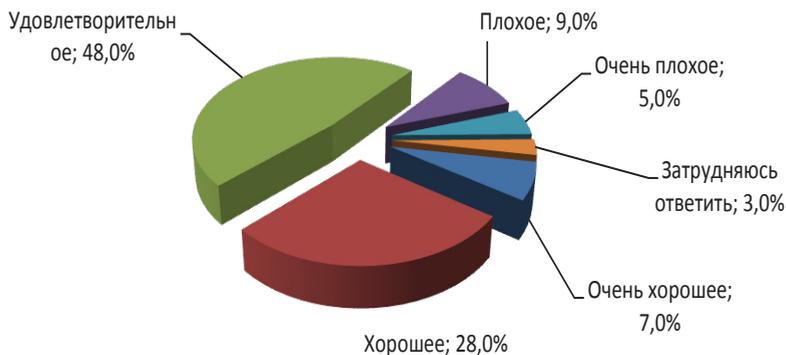

Рисунок 1. Как в целом Вы оцениваете состояние своего здоровья?

На вопрос о том, «Какие обстоятельства мешают Вам лично поддерживать здоровье в хорошем состоянии», более 40% респондентов выбрали сле-

дующие: малоподвижный образ жизни - 42%, неправильное питание - 40%, отсутствие полноценного отдыха - 39% (рис. 2).

Рисунок 2. Какие обстоятельства мешают Вам лично поддерживать здоровье в хорошем состоянии? (Сумма ответов не равна 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов)

На вопрос «Питаетесь ли Вы традиционной для северян пищей (строганиной, мясом оленя, ягодами, грибами)?» 40% респондентов ответили, что питаются, но крайне редко; 26% ответили, что практически никогда не питаются и 24% респондентов ответили, что питаются, но не часто. Лишь 10% опрошенных ответили, что питаются постоянно (рис. 3).

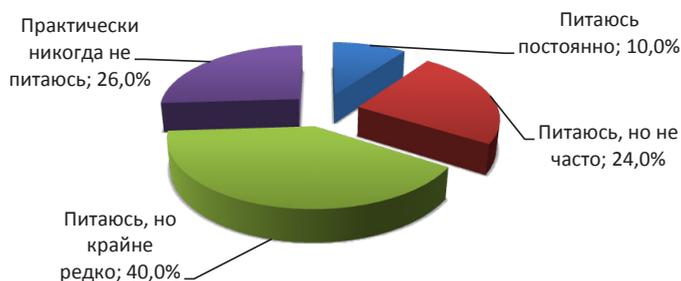

Рисунок 3. Питаетесь ли Вы традиционной для северян пищей (строганиной, мясом оленя, ягодами, грибами)?

Дополнительный анализ данного вопроса показал, что наиболее часто питается традиционной для северян пищей население, занятое в звероводстве, охотничьем промысле, рыболовстве, а также в сфере образования и здравоохранения. Более подробно были рассмотрены респонденты, ответившие на вопрос о том, что практически никогда не питаются традиционной для северян пищей: 73% опрошенных оценивают состояние своего здоровья как удовлетворительное, 15% респондентов оценивают состояние своего здоровья как плохое и 7% респондентов оценивают как очень плохое. Всего лишь 3% опрошенных жителей оценивают состояние своего здоровья как хорошее, никто из

числа опрошенных не оценивает свое здоровье как очень хорошее (рис. 4).

Рисунок 4. Как (в целом) Вы оцениваете состояние своего здоровья?

В рамках проводимого исследования также было установлено, что 45% респондентов не соблюдает режим питания, лишь 25% опрошенных следят за режимом питания, а 30% респондентов затруднялись ответить. Среди основных причин несоблюдения режима питания (рис.5), респонденты выделили нехватку времени (48%) и отсутствие привычки следить за режимом питания (34%).

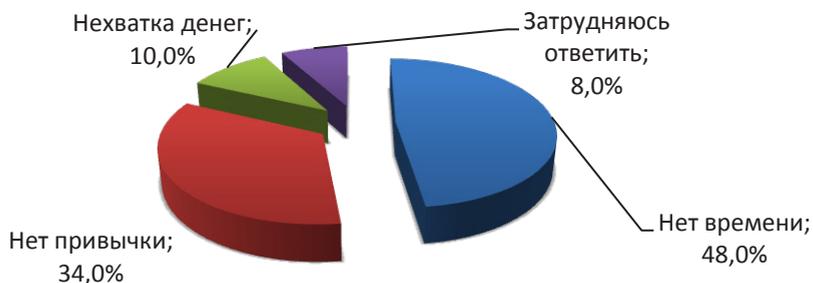

Рисунок 5. Если Вы не соблюдаете режим питания, то почему?

В первую очередь, при выборе продуктов питания опрошенные руководствуются вкусовыми качествами - (44%), легкостью в приготовлении - (43%) и качеством товара - (41%). Всего 23% респондентов при выборе продуктов питания обращают внимание на пользу для здоровья выбираемого продукта.

Основными причинами смертности в Ямало-Ненецком автономном округе являются сердечно – сосудистые заболевания. Для коренного населения Крайнего Севера характерно усиление липидного обмена, т.к. аборигены используют в пищу большое количество мяса и рыбы. Европейский тип сбалансированного питания характеризуется использованием в пищу большого количества углеводов, что позволяет уменьшить риск заболевания ишемической болезнью сердца и гипертонической болезнью. На Крайнем Севере коренное население этими болезнями не страдало вообще [1].

Сама природа, условия жизни диктуют необходимость сбалансированного питания для населения Крайнего Севера, разработку меню на основе белково-липидных рационов. Исключительно важно, чтобы при этом применялись продукты местного производства. Все необходимые аминокислоты (в том числе и незаменимые) содержатся в мясе северного оленя, в оленьем жире - большое количество непредельных жирных кислот, жирорастворимых витаминов, антиоксидантов, по биологическим качествам оно превосходит говядину, баранину, свинину.

Кроме того необходимо, чтобы на столе северян круглый год не переводились брусника, морошка, клюква, черника, голубика, а также грибы. Человек должен питаться теми продуктами, которые природа дает ему там, где он живет. Независимо от расовой принадлежности и климатических условий человек может быть здоровым лишь в том случае, если основу его рациона составляют не новомодные продукты питания, привезенные из других стран или дальних регионов, а выращенные и произведенные на данной территории. Основной идеей этого подхода является обеспечение как минимум на 40% продуктами питания местного производства населения, проживающего на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, за счет стимулирования развития полярного земледелия на уровне индивидуального предпринимательства и развития личного подсобного хозяйства. Также необходимо проводить пропаганду использования в рационе продуктов питания, произведенных на территории округа.

Небольшая справка из истории развития полярного земледелия. В конце 30-х годов и послевоенные годы, когда началась организация на Крайнем Севере промышленного производства, увеличился и приток населения. Встала задача обеспечения его свежими продуктами – овощами, картофелем, а также молоком- появилась необходимость создания на местах соответствующих кормовых баз для местного молочного животноводства. В середине 70-х годов население Ямало-Ненецкого автономного округа обеспечивалось на 50% продуктами собственного производства [4].

Итак, качественные продукты питания местного производства необходимы населению Ямало-Ненецкого автономного округа для обеспечения высокого качества жизни населению.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мезун Ю. Адаптация и здоровье на Крайнем Севера [Электронный ресурс] / Ю. Мезун // – Режим доступа <http://www.fakttv.ru/health/na/52/>.
2. Сурина Л.Н. Советы травницы [Электронный ресурс] / Л.Н. Сурина

на // – Режим доступа <http://www.radosvet.net/file/video/4399-lidiya-nestorovna-surina-sovety-travnicy.html>.

3. Холмогорова Г. Здоровье по-фински [Электронный ресурс] / Г. Холмогорова // – Режим доступа http://gazeta.aif.ru/online/health/342/05_01.

4. Патрикеев Б.В. Растениеводство на Ямале / Б.В. Патрикеев // Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2001. – 148 с.: ил.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 8

ТЕМА СМЕРТИ В СТИХОТВОРЕНИЯХ ЭМИЛИ ДИКИНСОН

Боровкова Т.Ю.

THE THEME OF DEATH IN THE POETRY OF EMILY DICKINSON

Borovkova T.Yu.

В статье рассматривается толкование темы смерти известной американской поэтессой XIX столетия Эмили Дикинсон и анализируются причины ее интереса. Кроме того, автором анализируются стихотворения, в которых поэтесса не высказывает страха перед окончанием срока человеческого бытия, а говорит о его неизбежности (по аналогии с неподвластным человеческой воле ходом природы) и необходимости смиренного его ожидания.

The present article looks at the interpretation of the theme of death in the poetry of a famous American poet of the 19th century – Emily Dickinson. It emphasizes the great interest of Emily Dickinson in the theme of death, making an attempt to analyze the reasons for this interest. Moreover, the article focuses on the poems, in which Emily Dickinson does not display fear of the end of life, but rather stresses its inevitability (similar to the nature's ways which cannot be changed by man) and the need to meekly await it.

Ключевые слова: Эмили Дикинсон, тема смерти, всеобщий мировой закон, лирические произведения, человеческое бытие.

Keywords: Emily Dickinson, the theme of death, Absolute Decree, lyrics, human life.

Эмили Дикинсон (1830-1886), которую исследователи – как зарубежные, так и отечественные – сегодня по праву считают второй (после Уолта Уитмена) «душой» американской поэзии, за свою сравнительно недолгую жизнь написала свыше 1700 стихотворений, и значительная их часть так или иначе затрагивает тему смерти. Интересно, что слова «dead» и «death» встречаются в ее лирических произведениях в совокупности более 200 раз; кроме того, многочисленны стихи, в которых смерть не называется прямо.

Такой интерес (во многом) стал следствием весомого воздействия на философию поэтессы мировоззренческих принципов пуританизма, являвшегося неотъемлемым элементом культуры Новой Англии, где жила Э. Дикинсон. В книге «The Puritan Way of Death» исследователь Дэвид Стэннارد отмечает, что пуританам был свойственен, с одной стороны, как индивидуальный, так и всеобщий страх перед смертью, хотя, с другой стороны, они придерживались и традиционно-христианского видения смерти как избавления и освобождения души от оков земного существования [1, с. 79]. Кэтлин Гарсес-Фoley пишет: «В 19 веке отношение к смерти не сводилось к страху расставания с близкими; теперь идея смерти ассоциировалась с мирным избавлением от прижизненных страданий. Смерть рассматривалась как самый поучительный опыт» [2, с. 211].

Кроме влияния философско-религиозных концепций эпохи, поглощенность темой смерти и вопросом о существовании бессмертия была вызвана и рядом более частных событий и факторов. Когда Э. Дикинсон была еще подростком, умерла ее пятнадцатилетняя подруга, София Холланд. «Я не проронила слез, потому что мое сердце было слишком полно, чтобы плакать, но [потом] мною овладела непреходящая меланхолия. Я никому не сказала о причинах моей тоски, хотя она терзала самую глубину моего сердца», - писала она подруге [Цит. по: 3, с.5]. Поэтесса тяжело переживала смерть своих родителей, особенно отца (она даже не смогла пойти на похороны и мемориальную службу, и даже спустя два года писала кузинам Норкросс: «Отец снится мне каждую ночь, и сны всегда разные; днем я забываю о делах, думая о том, где он») [Цит. по: 4, 69].

Некоторые исследователи (например, Джон Коди) говорят о возможном влиянии на Эмили постоянно пессимистичного настроения матери, которая пережила много смертей родных и близких, хотя сколько-нибудь надежных свидетельств, говорящих о силе этого влияния, обнаружено не было. В жизни Э. Дикинсон было много смертей – друзей, родственников, даже маленького племянника. В 1853 г. возрасте 32 лет умер ее друг Бенджамин Ньютон, о котором она позже напишет: «Когда я была девочкой, у меня был друг, который учил меня Бессмертию, но отважившись подойти слишком близко, он больше никогда не вернулся оттуда» [5, с. 208]. Потому стихи, посвященные смерти близких поэтессы, многочисленны и наполнены чувством горечи и сожаления:

My life closed twice before its close –
It yet remains to see
If Immortality unveil
A third event to me

So huge, so hopeless to conceive
As these that twice befell.
Parting is all we know of heaven,
And all we need of hell. (1732)

(Своим произведениям поэтесса не предпосылала заглавий, поэтому сегодня принято руководствоваться нумерацией согласно классическому изданию под редакцией Thomas H. Johnson «The Complete Poems of Emily Dickinson») Окончание жизни не всегда ужасает Э. Дикинсон. Зачастую она спокойно повествует о преходящем характере человеческого бытия. Даже на раннем этапе творчества поэтесса говорила о необходимости смиренного ожидания конца бытия:

A throe upon the features
A hurry in the breath,
An ecstasy of parting
Denominated 'Death,' –
An anguish at the mention,
Which, when to patience grown,
I've known permission given
To rejoin its own. (71)

Неизбежный конец жизни является для поэтессы свидетельством необратимого и непостижимого хода природы (вследствие этого в ряде ее произведений можно проследить связь образов смерти и увядания в природе):

The morns are meeker than they were –
The nuts are getting brown –
The berry's cheek is plumper –
The Rose is out of town.
The Maple wears a gayer scarf –
The field a scarlet gown –
Lest I should be old fashioned
I'll put a trinket on. (12)

В этом стихотворении налицо параллели между миром Природы и миром людей. Поэтесса приписывает природным явлениям поведение и черты, свойственные людям: роза «в отъезде», клен надел яркий шарф, а поле – алый наряд. Но и сама лирическая героиня словно пытается «соответствовать», чтобы «не отстать от моды» – моды, будто бы приписываемой самой Природой. По-

лучается, что поведение людей – лишь отражение законов природы, которым следует каждая ее частица. Все изменения, происходящие в природе осенью, – свидетельства наступающей зимы, а желание лирической героини следовать этим тенденциям говорит о ее мыслях о смерти. Немаловажно и то, что в оригинале, отправленном Сьюзан (жене брата Эмили), последние строки этого стихотворения заканчиваются восклицательным знаком. В этой же строке мы наблюдаем нарушение рифмы (обычное для Дикинсон, но в этом стихотворении до последней строки не встречающееся): повторяющийся во всех предыдущих рифмах дифтонг [au] заменяется кратким гласным [o] (brown – town – gown – on). Это нарушение становится тем более явным, что очевидно даже на письме – дифтонг во всех трех случаях передает одно и то же буквосочетание, тогда как в последней строке их заменяет короткое, даже «резкое» on. Вероятно, поэтесса хотела обратить внимание читателя именно на эти строки: в контексте неизбежности увядания природы, которому предшествует ее нарядность, желание лирической героини также «украсить себя какой-нибудь безделушкой» (дословный перевод) говорит и о неминуемом окончании ее жизни.

Похожее стихотворение написала Э. Дикинсон годом позже:

New feet within my garden go –
New fingers stir the sod –
A Troubadour upon the Elm
Betrays the solitude.

New children play upon the green –
New Weary sleep below –
And still the pensive Spring returns –
And still the punctual snow! (99)

В этих строках поэтесса рисует контраст между временностью жизни человека и бесконечностью цикла смены времен года. Интересна композиция стихотворения: в каждой строфе первые две строки говорят о преходящем «людском», а последние две – о вечном, природном. Люди рождаются и умирают, а весна наступает все равно, и снег все также «пунктуален». Природа, по мнению Э. Дикинсон, организована по законам абсолютной гармонии; «всеобщий мировой закон» поддерживается всеми элементами природы. Хотя у человека обычный для нее процесс обновления вызывает изумление и испуг, поэтесса считает его естественным и ожидаемым.

Таким образом, следует отметить, что отношение Э. Дикинсон к смерти (во многом) неоднозначно: окончание жизни и пугает, и интересует поэтессу. Проводимые ею параллели между ходом природы и жизнью людей отчасти говорят об осознаваемой неизбежности конца, который, возможно, является

лишь переходом в мир иной, где можно воссоединиться с ушедшими близкими. Тем не менее, смерть не перестает вызывать у лирической героини чувство печали, а порой, и неподдельной скорби и страха.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Stannard David E. *The Puritan Way of Death: A Study in Religion, Culture, and Social Change*. Oxford University Press, USA, 1979.
2. Garces-Foley Kathleen. *Contemporary American Funerals: Personalizing Tradition*. // *Death and religion in a changing world* / ed. by Kathleen Garces-Foley. M.E. Sharpe, 2005.
3. Farr Judith. *The Passion of Emily Dickinson*. Harvard University Press, 1998.
4. Sewall Richard B. *The Life of Emily Dickinson*. Harvard University Press, 1998.
5. Гаврилов А. Эмили Дикинсон. «Что за риск – письмо!» (Письма к Т.У. Хиггинсону) [Текст] / вступит. статья, сост. и пер. А. Гаврилова // *Вопр. литературы*. 1990, июль. С. 202-233.

УДК 81

ДЕНОТАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКИ ИДИОМ

Гогичев Ч.Г.

DENOTATUM IN IDIOM SEMANTICS

Gogichev Ch.

В работе рассматривается природа денотативного сегмента значения идиом. Формирование денотата идиом обусловлено необходимостью видовой спецификации категории базового уровня, а для их создания привлекаются образы, имеющие устойчивые признаки и оцениваемые с точки зрения культуры народа. Денотативные признаки выделяются во внутренней форме посредством включения образа в некоторую когнитивную модель-гештальт, проецирующую на образ отношения, которыми связаны остальные категории, входящие в эту модель.

The work examines the class of objects that the idioms label. Denotatum, which is referred to by idioms, is subordinated to a basic level concept. The relevant properties are specified in the inner form by inclusion of the image in a gestalt, that adjusts it to relations that connect other categories of the cognitive model. Idiom semantics is based on conventional images that reveal an evaluation scale of a given culture.

Ключевые слова: значение идиом, денотативные признаки, категория базового уровня, аспект, гештальт.

Keywords: class of objects of the idioms, subordinated basic level concept, relevant properties, conventional image evaluation scale, aspect, gestalt.

Семантика идиом представляет собой многоплановое явление. В ней представлен богатый спектр признаков, раскрывающих разные виды когнитивной деятельности. Этот спектр делится исследователями на сегменты, представляющие семантику идиом, согласно той или иной концепции. Мы рассматриваем значение идиом как состоящее из области, в которой отражен некий фрагмент действительности и блока, представляющего оценку этого фрагмента, как рациональную, так и эмоциональную. Компонент значения, соотносящийся с отражением в сознании внеязыковых объектов, в современной семантической теории принято обозначать как денотат. В денотативном компоненте семантики идиом отражаются признаки, имеющие аксиологическую релевантность в данном языковом сообществе. Они выделяются во внутренней форме посредством включения образа в некоторую когнитивную модель-гештальт (в смысле К. фон Эренфельса), проецирующую на образ отношения, которыми связаны остальные категории, входящие в эту модель.

В настоящей работе рассматривается природа денотативного сегмента значения идиом. Семантика идиом формируется на основании связи образа, выраженного буквальным прочтением идиомы с ее актуальным значением. Этот образ может быть прозрачным, когда связь между ним и ассоциированными признаками можно легко проследить, и затемнённым, когда связь между образом и связанными с ним представлениями неясна. Непрозрачность образа связана с тем, что ситуация, послужившая основанием для его формирования, перестала встречаться в повседневной жизни народа, остались только ассоциации, связанные с этим образом в сознании носителей языка.

Образ, положенный в основу наименования или внутренняя форма идиомы, является наиболее функциональным элементом в структуре идиом. На его основе формируется и денотативный, и оценочный сегменты значения идиомы, а также ее стилистическая отнесенность. Формирование денотата идиом обусловлено необходимостью видовой спецификации некоторой категории. Обозначаемое идиомы представляет собой аспектуализацию одной из категорий базового уровня, для которой трудно подобрать однословное наименование. Для формирования подобных обозначений привлекаются образы, имеющие устойчивые признаки и оцениваемые с точки зрения культуры народа.

Категории в человеческом сознании расположены в иерархическом порядке. Каждая категория может, в свою очередь, делиться на другие, представляющие собой виды объекта, обозначенного в исходной категории.

Ср.:
Дурак – он разный. Он лиричен,
Он бьет себя публично в грудь.
Почти всегда патриотичен,
Но перехлестывает чуть.
Дурак отечественный, прочный
Не поддается на испуг
А есть ещё дурак побочный,
Прямолинейный, как бамбук [1, 278]

На фоне исходного понятия производится детализация, т.е. дополнение значения одним или более признаками, что приводит к возникновению нового класса, который находится на более низком уровне категоризации.

В значении идиом, как правило, представлен один из таких подклассов, релевантных с точки зрения оценки, например, категория «Человек», может подразделяться на подуровни по признакам «поведение», «внешний вид» и т.д. – стреляный воробей – ‘человек опытный’. Таким образом, идиомы представляют собой снижение уровня категоризации на более специальный уровень категоризации, для формирования наименований, представляющихся важными для функционирования данного лингвокультурного сообщества. Идиомы обладают признаками категорий базового уровня: вызывают чувствотношение, вызывают четкое представление, ассоциированы с некоторыми моторными функциями. Такие категории часто не допускают градации членов, но (в некоторых случаях) они могут обладать центральными и периферийными членами. Это подтверждается тем, что к ним могут относиться определения (hedges), ср. настоящий осёл в значений ‘он, действительно, глупец и упрямец’. В предикатных значениях производится спецификация действия, ср. известную классификацию видов смерти у И. Ильфа и Е. Петрова – «дать дуба, сыграть в ящик» и т.д.

Связь внутренней формы и денотата идиом выражается в переносе некоторых признаков, ассоциируемых с образом, заложенным во внутренней форме в актуальное значение идиомы. В перенос могут включаться не только черты образа или ассоциации, связанные со всем образом, но и отношения с другими категориями, которыми характеризуется данное представление в рамках когнитивной модели, в которую он включен. На основании одной предметной области формируются несколько образов, представленных в значительном количестве метафорических фразеологических единиц.

Например: Студенту нельзя жениться. Будет заниматься с женой – у него появятся хвосты. Будет увлекаться учебой – вырастут рога. А попробует со-

вместить и то, и другое – отбросит копыта! [6, №15, 2008]

Выражение «имеются/появились хвосты», где вариант «появились хвосты» представляет собой модификацию образа, не имеющую соответствий в реальности, относится к распространённому представлению о некотором животном, обладающем хвостом и связано со значением «иметь академическую задолженность в вузе». Это значение обусловлено включением образа в идеальную когнитивную модель, представляющую взаимоотношения студента и вуза. Выражение «выросли рога», «наставить рога» апеллирует к искусственному образу, использованному в значении «обмануть супруга/быть обманутым супругой, посредством вступления в любовные отношения на стороне». Выражение «отбросить копыта» представляет прозрачный образ, отсылающий к «картинке» мёртвого животного в значении «умереть внезапно» и сопровождающим его пренебрежительным отношением. Во многих случаях носителями языка не осознаётся связь между ассоциативным комплексом и образом, заложенным во внутренней форме идиомы. Кроме того, в некоторых случаях могут актуализироваться признаки, находящиеся на периферии ассоциативного спектра:

- Я дома как тигр!

- Это как?

- Хожу на четвереньках и бесшумно... [5, №5, 2009]

Для «разгадывания» образа важнейшее значение имеет обращение к когнитивной структуре, в составе которой находится денотат идиомы. Хотя ассоциативные признаки внутренней формы мотивируются самим образом, характер таких ассоциаций имеет субъективную природу и конвенциональные коннотации зависят от того, в какую когнитивную модель включается образ: ...ваши антикризисные пожелания нашим читателям. Лев Лещенко: желаю быть добрее друг к другу и милосерднее! Только вместе мы сможем взять быка за рога, а заодно и кризис. [6, №1-2, 2009]

Идиома «брать быка за рога» имеет значение «немедленно приступить к делу», но на данном примере мы видим, что образ переосмыслен – из него «извлечены» признаки «справиться с быком» в контексте наступившего года Быка по восточному календарю.

Одно и то же представление может включаться в разные идеальные когнитивные модели, что обуславливает разные значения. Сравним схожие образы в осетинском, русском и немецком языках:

Bauchkitzeln (Bauchpinseln) – «льстить, подхалимничать» [4]

er fühlt sich gebauchkitzelt – «он чувствует себя польщённым» [4]

Гуыбын аныхын – «успокоить, менять чье-либо отношение к себе в луч-

шую сторону». [2, 90]

чесать пузо – «предаваться блаженному безделью» [3, 254]

Рассматриваемые образы в немецком и осетинском языках свидетельствуют о включенности образованных на их основе идиом в когнитивную модель, характеризующую поведение человека, имеющего желание понравиться партнеру. А в русском языке, рассматриваемая идиома входит в область, относящуюся к человеку с характеристикой по признаку «деятельность/безделье».

Образы из одной предметной области демонстрируют как расхождения в коннотациях схожих образов, так и уникальные ассоциации, связанные с пространственным образом:

дæндаг æфтауын «вырвать зуб» – иу бынаты, иу ран бирæ баззайын, фæкусын, уым базæронд уæвын (долго находиться в одном месте, там жить и состариться). [2, 98]

дæндагты къæс-къæс цауын – «очень сердиться» [2, 99]

скрежет зубовой – с крайней неохотой, испытывая огорчение, страдание (при выполнении чего-либо, при решении и т. п.) [3, 136]

дæндагтæ зыхъхыраей дарын – «всем улыбаться» [2, 99]

Сывæллонмæ дæ дæндагтæ зыхъхыраей куы дарай, уæд сæ цыхт æнхæалы. (æмб.) Если ребенку все время показывать зубы, он подумает, что это сыр. (посл.)

показывать зубы – «1.огрызаться; 2.перен. проявлять свою злобную или хищническую натуру, обнаружить готовность отпора» [3, 136]

дæндагтæ цыргъ кæнын – «готовиться к пиру» [2, 99]

Точить (или вострить) зуб (зубы) – «1. озлобиться на кого-либо, стремиться причинить вред, неприятность кому-либо; 2. стремиться завладеть кем-либо, чем-либо» [3, 138]

nur etwas für den hohlen Zahn sein zu wenig sein (Essen) – этого недостаточно и для дупла в зубе.

«Ich habe immer noch Hunger! Das kleine Brot war gerade mal was für meinen hohlen Zahn!» umgangssprachlich, salopp [4]

дæндагты «хсæн дæр нæ ныффидар уын (даже между зубами не застрянет) – «очень мало (о еде)» [2, 100]

Если в инвентаре конвенциональных образов содержится необходимый набор признаков, то идиома формируется на его основании. Часто такой образ создается искусственно, получая причудливые формы:

Полмиллиона человек проголосовали за Сталина, потому что их не удалось зашекотать «смехопанорамами», купить бонусами, убедить, что счастье – это гладкие ноги при отсутствии перхоти. Выбирают не кровь, паранойю и жестокость, не вызванную из темных глубин дьявольщину. Выбирают По-

беду, силу, бессребренничество, государственное мышление, имперские амбиции. Выбор Сталина – открытый выбор. Его можно употреблять во зло, а можно – во благо. Страна хочет побеждать. Страна хочет вернуть себе масштаб. Она измучилась, **как человек, пытающийся плавать в луже** (выд. Ч.Г.) [5, №244, 2008].

Или появляется комбинация уже существующих образов:

Ю. Тимошенко: «Я сожму клюв, как на карте Пикассо, и буду нести в нём оливковую ветвь мира». Не надо быть Пикассо, чтобы понять: этому голубю мира пальца в рот не клади! [6, №25, 2008].

О. Морозов, 1-й вице-спикер Госдумы: «К сожалению, находились балбесы, которые пытались загонять палкой людей в партию («Единую Россию» - ред.), оказывая тем самым ей медвежью услугу». «Медведи», конечно, сами себе подложили свинью. Но не беда: пока их возглавляет такой орел, как нынешний премьер-министр, от их оппонентов на выборах будут оставаться только рожки да ножки [6, №22, 2008].

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что сущность дескриптивного компонента значения идиом состоит в видовой детализации базовой категории. Для этого из некоторой когнитивной области извлекается конвенциональное представление или создаётся искусственный образ, способные, с точки зрения данного линвокультурного сообщества, обозначить необходимые признаки. Полученное таким образом значение становится объектом оценки, при этом обозначенные им свойства становятся «эталоном» как хороших, так и плохих признаков. Таким образом, в идиомах демонстрируется как норма «хорошего» в приложении к разным областям действительности, так и релевантные проявления «плохого», т.е. явление оцениваются с точки зрения пользы/вреда для нормального функционирования общества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ф.А. Искандер. Собрание. [Текст] / Ф.А. Искандер // Москва, 2008
2. Дзабиты З.Т. Ирон аьваджы фразеологион дзырдуат. [Текст] / З.Т. Дзабиты // Цхинвал, 2003.
3. Телия В.Н. Словарь образных выражений русского языка. [Текст] / В.Н. Телия // М., 1995.
4. Wörterbuch für Redensarten, Redewendungen, idiomatische Ausdrücke, feste Wortverbindungen [Электронный ресурс] – Электрон. данные. – 2010. – Режим доступа: <http://www.redensarten-index.de>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. нем., 20.11.10
5. Известия
6. Аргументы и факты

УДК 81.373

**ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ И ПРОБЛЕМЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ**

Маликов И.Г.

**LANGUAGE CATEGORIES AND PROBLEMS
OF LINGUISTIC CATEGORIZATION**

Malikov I.G.

В статье анализируются работы ведущих когнитологов, включая теорию прототипов Э. Рош и теорию идеализированных когнитивных моделей Дж. Лакоффа. Проведенное исследование позволило выявить и охарактеризовать сущность языковой категории в свете принципиальных расхождений в данном вопросе различных лингвистических школ, а также описать современное понимание процесса категоризации в рамках когнитивно-коммуникативной лингвистической парадигмы.

The article is dedicated to the notion of language category and the problems of linguistic categorization. The paper considers the analysis of leading cognitologists' works, including the theory of prototypes of E. Rosch and the theory of idealized cognitive models of G. Lakoff. The conducted research reveals and characterizes the essence of language category in the light of principled discrepancies on the matter among different linguistic schools and also describes the modern understanding of categorization process within the framework of cognitive-communicative linguistic paradigm.

Ключевые слова: категория, категоризация, языковая категория, лингвистическая категоризация, теория прототипов, идеализированные когнитивные модели, ИКМ.

Keywords: category, categorization, language category, linguistic categorization, theory of prototypes, idealized cognitive models, ICMs

Структура объективной реальности окружающего нас мира отражается в языковом сознании человека в виде категорий – неких универсальных концептов, присущих человеческому мышлению. Вопрос о категориях традиционно считается одним из самых значимых как в философии, так и в языкознании. История данной проблемы восходит своими корнями к трудам античных философов, прежде всего к классическому учению Аристотеля. Древнегреческий ученый выделял 10 бытийных (онтологических) категорий, каждая из которых имела необходимые и достаточные идентификационные признаки, что вело к равноправию всех её членов [1].

В современном понимании «категория» - весьма многозначное слово. Так, согласно «Толковому словарю иноязычных слов», категория – это «общее понятие, отражающее наиболее существенные свойства и отношения пред-

метов, явлений объективного мира (материя, время, пространство, движение, причинность, качество, количество и пр.)», а также «разряд, группа предметов, явлений, лиц, объединённых общностью каких-либо признаков», и, кроме того, «родовое понятие, отражающее разряд терминов, отношений или наиболее общий их признак» [2, с. 312]. С.И. Ожегов делает акцент на научности категории, определяя ее как «научное понятие, выражающее наиболее общие свойства и связи явлений действительности» [3, с. 232 - 233].

Автор склонен считать достоверными все вышеуказанные дефиниции, с поправкой на то, что категория представляет собой, прежде всего, когнитивное понятие, отражающее свойства, связи и отношения явлений окружающего мира. Категории, являясь продуктом человеческого сознания, обобщают его ментальный опыт, накопленный в процессе познания действительности. Любая научная дисциплина оперирует собственным набором категорий, основанным, в свою очередь, на абстрактной системе бытийных категорий. Последние изучаются в онтологии - «учении о бытии как таковом, объектом исследования которого являются общие сущности и категории сущего» [4, с. 443]. В рамках данного раздела философии традиционно выделяют такие бытийные (онтологические) категории как пространство, время, движение и системность [5, с. 332]. Опционально к данному перечню могут быть отнесены также «субстанция» (нечто относительно устойчивое, застывшее, самостоятельно существующее) и «свойство» (выражает отношение данной вещи к другим вещам, с которыми она вступает во взаимодействие [4, с. 632].

С.В. Гринёв рассматривает онтологические категории как «наиболее широкие понятия, стоящие на верхних ступенях иерархической лестницы познания» и сводимые к трем максимально общим классам: объекты, процессы, и состояния/свойства. Данные классы подлежат детализации в различных областях человеческого знания [6, с. 15]. Проблема языковой категоризации, отражения человеческого бытия в языке исследовалась различными лингвистическими школами в течение нескольких веков. Языковые знаки в своем физическом воплощении очерчивают границы между категориями нашего сознания, в то время как рождение новой лексической единицы, в силу необходимости включения ее в ту или иную категорию, «запускает» процесс категоризации. В данном процессе язык играет роль вторичной семиотической системы, в которую «человек заключает мир своего воображения» [7, с. 349].

Определение понятия «категория» дает большинство лингвистических словарей. Так, «Лингвистический энциклопедический словарь» предлагает максимально общую формулировку: «Категория языковая - в широком смысле - любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле - некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых харак-

теризуются одним и тем же значением данного признака (напр., «категория падежа», «категория одушевлённости / неодушевлённости», «категория вида», «категория глухости / звонкости») [8, с. 215]. «Словарь лингвистических терминов» [9] посвящает термину «категория» три словарных статьи: «Лингвистические категории (англ. linguistic categories) - общие свойства различных классов и разрядов языковых единиц, конституирующие эти классы и получающие разнообразное языковое выражение: морфологическое, синтагматическое, просодическое и т. п. - при различном содержании (грамматическом, лексическом, стилистическом)». «Таксономические категории (англ. taxonomic categories) - категории, создающиеся (конституируемые) возможностью целесообразного сопоставления подобных явлений в одном и том же или в разных языках и являющиеся теоретической основой всех видов языкового сравнения, таких как сравнительно-историческое их изучение, типологическое их исследование, аналитическое их сравнение (сопоставление) и т.п.; совокупность подобных лингвистических явлений как основа грамматических, лексических, типологических, сравнительно- исторических и т. п. категоризаций и описаний». «Понятийная категория (англ. Conceptual category, extralingual, notional category - внеязыковая категория) - отвлечённое обобщённое значение, находящее в данном языке то или иное выражение, напр.: категория абстрактности, категория вещественности, категория конкретности, категория личности, категория множественности, категория модальности, категория одушевлённости, категория предметности, категория притяжательности, категория собирательности, категория совокупности, категория считаемости, категория увеличительности, категория уменьшительности».

«Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике» [10] определяет «катеґорию» по-своему: «Category (категория) - класс сущностей, постулируемый для данной теории или данной модели (grammatical category, morphological category). В этом же издании приводятся словарные статьи для двух видовых по отношению к «категории» понятий: «Categories of thought» - мыслительные категории: термин И. Канта (заимствован им у Аристотеля), который понимает категории как формы активной деятельности рассудка, необходимые для синтеза чувственного опыта. «Notional category» - понятийная категория: «Наиболее общие компоненты смысла, имеющие разнообразное выражение в естественном языке, напр., категория времени, вида, модальности и т.д.».

Вышеперечисленные определения понятия «категория» акцентируют внимание на психолингвистической сущности данного термина, что, в свою очередь, создает потребность его исследования в рамках когнитивно-коммуникативной лингвистической парадигмы.

По мнению А.И. Шарандина классическая и когнитивная категории «не находятся во взаимоисключающих друг друга отношениях. Та и другая связаны с процессами отражательной и познавательной деятельности человека,

только классическая категория в большей степени сориентирована на выражение и абстрагирование отношений действительности, а когнитивная категория - на процесс познания» [11, с. 118]. «Краткий словарь когнитивных терминов» определяет «категирию» как «одну из познавательных форм мышления человека, позволяющую обобщать его опыт и осуществлять его классификацию» [12, с. 45- 47]. Категоризация, т.е. деление мира на категории и отнесение конкретных предметов и событий к этим категориям, понимается лингвистами-когнитологами как «интерпретация конкретного события или объекта в качестве отдельного проявления какой-либо категории, что позволяет назвать этот объект или событие определённым словом» [13, с. 50]. Исходя из указанного определения, можно говорить о том, что категоризация соотносит определенное событие с определенным словом, т.е. выполняет в языке еще и референциальную функцию.

Исследование процессов категоризации естественных объектов и явлений, а также способов их отражения в языке - одна из главных задач когнитивной лингвистики. В результате процесса категоризации формируются ментальные структуры представления (репрезентации) знаний о явлениях и объектах окружающей нас действительности, что позволяет судить о строгой организации нашей внутренней картины мира. «Категоризация - это главный способ придать восприятию мира упорядоченный характер, систематизировать как-то наблюдаемое и увидеть в нём сходство одних явлений в противовес различию других» [14, с. 85]. В свете когнитивно-коммуникативной парадигмы категоризация представляет собой отражение динамического речемыслительного процесса, в ходе которого предмет мысли соотносится с конкретным языковым знаком и конкретной концептуальной категорией языка, причем последний рассматривается когнитивной лингвистикой язык как сложная система, обеспечивающая получение, хранение, переработку и передачу информации. Подобный научный подход предполагает строгую организацию и упорядоченность языковых единиц в человеческой памяти, поскольку это необходимо для обеспечения максимальной информационной емкости памяти, а также максимального быстрого действия сознания во время речетворческого процесса. Достижения современной когнитивной лингвистики дают основания предполагать, что основой организации знаний в сознании человека служит система языковых категорий.

Проблема категоризации настолько критична для когнитивной науки еще и потому, что в рамках структурной лингвистики в области категоризации осталось большое количество «белых пятен». Так, в частности, были малоизучены принципы выделения категорий, их таксономия и формирование их иерархии; остались «за кадром» причины несовпадения языковых и «естественных» категорий, а также процесс создания категорий в языковой системе; не было достигнуто среди структуралистов и консенсуса относительно онтологической

или эпистемологической сущности языковых категорий.

Ответы на большинство из этих вопросов прямо зависят от того, что представляют собой основания языковых категорий. Ряд исследований в области языковой категоризации указывают, к примеру, на неспособность семантического признака служить основанием категории [13, с. 36]. Хотя языковые категории и являются, по сути, размытыми множествами Лотфи Заде [15], человек обычно без труда принимает решение об отнесении нового, ранее неизвестного объекта к той или иной категории. Более того, процесс категоризации в целом сходно протекает у людей различного склада ума.

Все это значит, что в процессе отнесения нового элемента к той или иной категории человек в качестве критерия оценки использует какую-то общую для всех людей и весьма сложную ментальную структуру, а не отдельный признак, который был бы очевиден для всех носителей языка. Более того, в силу новизны элемента, предшествующий опыт не может выступать в качестве такого объективного критерия, выявление которого и является одной из центральных проблем в когнитивной лингвистике.

Наиболее известными современными когнитивными исследованиями в области оснований языковой категоризации являются «теория прототипов и категорий базового уровня» (или просто «теория прототипов») Э. Рош и развивающая ее «теория идеализированных когнитивных моделей» Дж. Лакоффа. Согласно концепции Э. Рош, основанной на ряде экспериментов, существуют асимметричные структуры внутри категории и асимметрия между членами категории. Экспериментально развивая гипотезу Л. Витгенштейна о чувственно воспринимаемых «фамильных сходствах» между репрезентативными и нерепрезентативными членами категории, Рош установила, что некоторые субкатегории или члены категории (прототипы) имеют особый когнитивный статус «лучших примеров». В своих ранних работах автор описывала языковые категории как спиралевидные структуры или структуры, состоящие из концентрических кругов, в центре которых располагаются члены категории, обладающие наибольшим числом типичных для неё черт, а на периферии - «менее типичные представители класса» [16, с. 203]. Позднее Э. Рош показала, что явления асимметрии, названные «прототипическими эффектами», накладывают ограничения лишь на то, чем могут быть ментальные репрезентации, однако однозначного соответствия между прототипическими эффектами и ментальными репрезентациями нет [17, с. 40]. Несмотря на сугубо эмпирический характер работ Э. Рош, описываемые прототипические эффекты стали объектом дальнейшей теоретизации [18, с. 224], чрезмерно упрощенной интерпретации и даже критики [19, с. 11] в трудах довольно большого числа отечественных и зарубежных исследователей [см.], которые восприняли теорию прототипов в качестве теории репрезентации знаний, непосредственно описывающей структуру категорий.

Опровергая столь далеко идущие ложные выводы, Э. Рош неоднократно указывала на тот факт, что «прототипы сами по себе не образуют какую-либо особую модель обработки, представления и изучения данных» [17, с. 41], поскольку теория прототипов оказалась не в состоянии установить источники, обуславливающие прототипические эффекты, и оставила понятие ментальных репрезентаций недоопределенным. «Прототип вообще представляет собой удобную грамматическую фикцию; то, что на самом деле обозначается в этом случае, это суждения о степени прототипичности... Прототипы могут быть представлены как пропозициональные или образные системы... и должны изучаться..., но они не образуют какой-либо отдельной теории изучения категорий» [17, с. 41]. Несмотря на обозначенные выше недостатки, теория прототипов Э. Рош легла в основу фундаментальной концепции Дж. Лакоффа, положившей начало когнитивному направлению в лингвистике и представившей процесс формирования языковых категорий в терминах особых когнитивных структур, названных автором идеализированными когнитивными моделями - ИКМ (idealized cognitive models - ICMs).

Согласно Дж. Лакоффу в концептуальной системе человека существует 4 типа ИКМ: пропозициональные, образно-схематические, метафорические и метонимические модели [20, с. 99]. Пропозициональные и образно-схематические модели характеризуют структуру, метафорические и метонимические модели характеризуют отображения, использующие структурные модели [20, с. 209]. В основе различных языковых категорий лежат различные типы ИКМ, каждая из которых в процессе использования структурирует ментальное пространство таким образом, как это описано в работах Ж. Фоконье [21].

Таким образом, подобное переосмысление категоризации в терминах прототипов и ИКМ предоставляет нам возможность гораздо более гибкой интерпретации представления знаний о мире, в то время как активная роль человека в познании окружающей действительности определяет существование в сознании и языке помимо объективной картины мира его идеализированной модели, представляющей собой статичную систему концептуальных категорий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аристотель. Категории. Изд.2. [Текст] / Аристотель // – М.: URSS, 2011. 80 с.
2. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. 2-е изд., доп. [Текст] / Л.П. Крысин // - М.: Рус. яз., 2000. - 856 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, дополн. [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова // - М.: «Азбуковник», 1999 – 944 с.

4. Философский энциклопедический словарь. [Текст] / Под ред. Прохорова А.М. и др. // - М., Советская энциклопедия, 1989.-815 с.
5. Алексеев П.В.. Панин А.В. Философия. [Текст] / П.В. Алексеев, А.В. Панин // - М., 1996. – 504 с.
6. Гринёв С.В. Введение в терминоведение. [Текст] / С.В, Гринёв // - М.: МГУ, 1993. - 309 с.
7. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. [Текст] / В. Гумбольдт // М.; Прогресс, 1985. – 407 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. [Текст] / Гл. ред. В.Н.Ярцева // - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 446
9. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 3-е, стереотипное. [Текст] / О.С. Ахманова // - М.: КомКнига, 2005.- 576 с.
10. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Т.1 [Текст] / под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского // - М., 1996. - 641с.
11. Шарандин А.Л. К вопросу о соотношении понятий классической и когнитивной категорий. [Текст] / А.Л. Шарандин // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания. М.: 2000 - с. 118-119
12. Краткий словарь когнитивных терминов. [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Лузина Л.Г. // М., 1996. - 245 с.
13. Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта. [Текст] / У.Л. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. М., Радуга, 1983. – с. 35-73.
14. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. [Текст] / Е.С. Кубрякова // - М.; Институт языкознания РАН, 1997.
15. Zadeh L.A. Fuzzy sets [Текст] / L.A. Zadeh // Information and Control 8 (3) 1965. p.338-353.
16. Rosch E. Cognitive Representations of Semantic Categories. [Текст] / E. Rosch // Journal of Experimental Psychology. 1975. General 104. p. 192-233.
17. Rosch E., Lloyd B. Cognition and Categorization, Hillsdale, New Jersey, 1978: Lawrence Erlbaum, 328 p.
18. Уткина Л.Н. Функциональные аспекты лингвистической терминологии в разных подходах к изучению языка (на материале англоязычной лингвистической литературы). Дисс. ... канд. филолог, наук. [Текст] / Л.Н. Уткина // - ТГПИ, Тула, 2001 – 426 с.
19. Беляевская Е.Г. О характере когнитивных оснований языковых категорий. [Текст] / Е.Г. Беляевская // Когнитивные аспекты языковой категоризации. Рязань, 2000. - с. 9-14
20. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. [Текст] / Дж. Лакофф // М.: Языки славянской культуры. 2004. 792 с.
21. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks [Текст] / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive linguistics. Walter de Gruyter, 2006. P. 303-371.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1

СТАНОВЛЕНИЕ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА: ПЕРЕХОД ОТ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО К СЕТЕВОМУ

Грицких О.Ю., Алиева Н.З.

FORMATION OF THE NETWORK SOCIETY: MOVING FROM POSTINDUSTRIAL TO NETWORK

Gritskich O.Y., Alieva N.Z.

В статье рассматривается становление сетевого общества, которое порождает новую реальность с новым образованием. Авторами проведен исторический анализ становление сетевого общества, установлено, что феномен сетевого общества позволяет сформировать сетевую модель образования.

This article discusses the establishment of a network society, which creates a new reality with a new formation. Thanks to a network connection with a gigantic cultural information base samples is not only training but also education. It was established that the phenomenon of the networked society allows to generate a network model of education in a networked society.

Ключевые слова: образование, сетевое общество, сеть, философия образования, информационное общество.

Keywords: education, network society, network, philosophy of education, information society.

В настоящее время происходит становление сетевого общества, которое порождает новую реальность, новую экономику, новое управление, новую власть, новое образование. Необходимость нового образования связана с тем, что информация и знания становятся важнейшим фактором современной индустрии. Те отрасли, которые производят знания и информационные продукты, становятся сами секторами индустрии. Традиционное образование уходит, ему на смену приходит новое образование, в котором кардинально меняется представление об обучении в условиях сетевого общества. При этом обучение становится переплетенным с остальными сферами жизни человека. Благодаря сетевым технологиям оно может быть удаленным от места учебы, т.е. становится дистанционным.

Благодаря сетевой связи с гигантской информационной базой культурных образцов происходит не только обучение, но и воспитание. В связи с этим возникает необходимость философского рассмотрения сетевого общества как коллективного интеллекта, совокупного разума в исторической ретроспективе.

Рассмотрим более подробно этапы становления сетевого общества, начиная с 50-х годов прошлого столетия. Для этого проследим эволюцию общества, останавливаясь на философском подходе к осмыслению феномена сетевого общества. В современной философской и научной литературе истоками сетевого общества считаются концептуальные положения постиндустриальной доктрины, где и произошел решающий сдвиг от производства материальных благ к производству услуг и информации [1]. В 1958 году Д. Рисмен [2] вводит в научный обиход термин «постиндустриальное общество», который получает широкое распространение и становится основой концепции постиндустриального общества, ставшей к 2000 - году базовой для изучения перспектив развития общества. Вице-президент американской академии искусств и наук, профессор социологии Колумбийского и Гарвардского университетов Д. Белл представляет превращение экономической системы в «постиндустриальное общество, где центр тяжести перемещается в сферу услуг, а источники новаторства сосредоточены в интеллектуальных институтах, (в основном) в университетах и научно-исследовательских учреждениях, а не в прежних индустриальных корпорациях» [3].

Американский политолог Збигнев Бжезинский утверждает: «Постиндустриальное общество становится технотронным обществом - обществом, которое в культурном, психологическом, социальном и экономическом отношениях формируется под воздействием техники и электроники, особенно развитой в области компьютеров и коммуникаций» [4]. Дальнейшее развитие концепции постиндустриализма, связанное с выходом в 1973 году книги Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество», привело, по мнению Иноземцева В.Л., к выделению двух основных течений [5]. Первое течение подчеркивает различия между сложившимся к концу 60-х годов западным обществом и новой технологической цивилизацией.

Второй подход определяет новое состояние цивилизации через анализ информационных процессов. В научный оборот одновременно в Японии и США в начале 1960-х годов входит термин «информационное общество» [6]. Начинает разрабатываться теория информационного общества. Постиндустриальное общество переходит в новое качественное состояние - стадию информационного общества за счет убаыстриющихся темпов развития информационных технологий. Дальнейшее развитие теории информационного общества происходит в концепциях М. Маклюэна (1960/70-е гг.) и Э. Тоффлера (1980/90-е гг.). Главной и отличительной особенностью взглядов М. Маклюэна является возведение технологий коммуникации в решающий фактор формирования социально-экономической системы. В соответствии с этим критерием он выделяет три основных этапа в истории цивилизации: первобытная дописьменная культура с устными формами связи и передачи информации; письменно-печатная куль-

тура («галактика Гутенберга»); современный этап («глобальная деревня») возрождающий естественное слуховизуальное многомерное восприятие мира и коллективность, но на новой электронной основе через замещение письменнопечатных языков общения радиотелевизионными и сетевыми средствами массовых коммуникаций.

Кардинальное изменение коммуникативных стратегий приводило к изменению экономической и социально-политической инфраструктуры индустриального общества. М. Маклюэн определяет в 1962 г. современную культуру с электронными средствами общения или коммуникации как «электронное» общество. Его основной тезис: «сообщением, передаваемым средством коммуникации, является само это средство (the medium is the message)». Принцип жизнедеятельности современного общества - принцип мозаичного резонанса: электричество посредством телекоммуникаций, масс-медиа и компьютеров продолжает центральную нервную систему до «глобального объятия», которое взаимосвязывает весь мир до «глобальной деревни»: «Земной шар, связанный электричеством, не больше деревни» [7].

Значительный вклад внес и Элвин Тоффлер в развитие идей постиндустриализма. Его концепция цивилизационных волн, изложенная в книге «Третья волна» [8] сокрушила традиционные историографические концепции. Э.Тоффлер представляет полусистематическую модель цивилизации и наших взаимоотношений с ней в виде трех волн цивилизации. Первая волна - аграрная (до XVIII века), вторая - индустриальная (до 1950-х гг. XX века) и третья - пост- или супериндустриальная (начиная с 1950-х годов).

Третья волна, начинающаяся с 1955 г., противоречит старой традиционной индустриальной цивилизации, она основана на «электронном коттедже», позволяющем перенести работу из офиса в жилище работника, на радикально измененных школах и объединениях будущего. При этом возникает тенденция создания новой интеллектуальной среды, основанной на компьютерных сетях. И хотя в книге Э. Тоффлера ни разу не упоминается термин «Интернет», уже возникший как название совокупности компьютерных сетей, реализованных на основе протоколов TCP/IP, и применяющийся с 1982 г., в книге речь идет о технологии, в настоящее время реализуемой в рамках инфраструктуры и сервисов Интернета. Современное развитие общества показывает, что именно эти технологии ведут к реальным программам построения информационного общества как общества основанного на знаниях. Речь, в сущности, идет о сетевой среде, о сетевом обществе. Возникает тенденция самоорганизации глобальных компьютерных сетей как независимой от человека системы. Э. Тоффлер предвидел информационное общество, сетевое общество, интернет-цивилизацию, наряду с Джоном К. Гэлбрейтом и Питером Дракером.

Российский ученый А.И. Ракилов в своих работах [9] рассматривает

развитие информационных и технологических революций, которые несут радикальные изменения и фундаментальные инновации в типах культур, цивилизаций, а также транскультурных и трансквилизационных изменений. Он предлагает выделить в процессе становления информационного общества пять стадий, которые называет информационными революциями. Первая информационная революция обусловлена появлением и распространением языка, вторая - письменности, третья - книгопечатания. Четвертая информационная революция состоит в применении электрической аппаратуры связи (телефон, телеграф, радио и телевидение). Она перерастает в пятую, которая отличается применением компьютеров, баз данных, локальных и глобальных компьютерных сетей. «Параллельно с информационными, в обществе происходят и технологические революции, которые на пятой стадии интегрируются. В недалеком будущем это окажет гигантское влияние на все цивилизационные и культурные процессы в глобальном масштабе» [10].

У В.Л. Иноземцева теория постиндустриального общества выступает социальной метатеорией: «Это фактически единственная из западных теорий, приверженцы которой не только не отрицали научного значения марксизма, но и стремились вести с ним глубокий конструктивный диалог (не поддержанный, к сожалению, советскими обществоведами)» [11]. Р.Ф. Абдеев обосновал новую философскую концепцию «информационной цивилизации» [12], синтезируя теорию развития с теориями информатики, кибернетики, генетики, синергетики, микроэлектроники и экологии. Он считает, что информационная революция открыла новую эпоху в прогрессе человечества.

Признаками новой цивилизации стали новые ресурсы – информация и современные средства коммуникации. Понятие «сеть» уже в конце прошлого века стало всеобъемлющей метафорой, применимой ко всем сферам современной жизни: сетевая экономика, сетевая логика, сетевой интеллект. Создание в 1988 - 91-х гг. технологии World Wide Web (WWW) – «всемирной паутины» – определило тенденции развития информационного общества на ближайшие десятилетия [13]. А.В. Чугунов отмечает, что эта «технология WWW была создана в Европейской лаборатории физики элементарных частиц коллективом разработчиков под руководством Робера Гальо, который в 1989 г. создал язык гипертекстовой разметки документов HTML (Hyper Text Markup Language). Вскоре был принят соответствующий стандарт и в Интернете начали появляться первые Web-сервера. В 1993 г. появился графический интерфейс для просмотра HTML-документов - браузер Mosaic. С этого времени начался экспоненциальный рост информационных ресурсов Интернета, который постепенно стал ассоциироваться со Всемирной паутиной как совокупности Web-серверов» [14].

Новейшие концепции в русле постиндустриализма связаны, прежде всего,

с исследованиями Питера Дракера и Мануэля Кастельса. П. Дракер, известный американский экономист, свой вклад в формирование нового облика концепции постиндустриализма внес в 1995 г. опубликовав книгу «Посткапиталистическое общество» [15], в которой изложил свои воззрения на современное состояние и перспективы развития западной цивилизации. По мнению П. Дракера, современная эпоха - это эпоха радикальных изменений основ общественного устройства - трансформации капиталистического общества в общество, основанное на знаниях (knowledge society) [16]. Такое общество, в основе которого лежат знания, станет передним планом эпохи.

Мануэль Кастельс в фундаментальном исследовании «Информационная эра: экономика, общество и культура», состоящем из трех томов: «Становление общества сетевых структур», «Могущество самобытности» и «Конец тысячелетия» [17] (1996 - 1998 гг.), выдвигает концепцию « сетевого общества». «Именно сети, пишет Кастельс, составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение «сетевой» логики в значительной мере сказывается на ходе и результате процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью» [18]. «Именно этот децентрализованный, неуловимый характер сетевых структур социальных изменений, заключает Кастельс, столь затрудняет восприятие и идентификацию новой самобытности, устремленной в будущее, которая складывается сегодня» [19]. Две причины он закладывает в основание сетевого общества: сети как новая социальная морфология наших обществ; распространение «сетевой» логики в процессах, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью.

Начинается процесс осмысления и научной проработки социальных процессов, сопровождающих развитие глобальных компьютерных сетей и интернет-технологий. Можно утверждать, что происходит зарождение концепции « сетевого общества» внутри концепции «информационного общества». Основой общества, власти становятся не деньги, а знания. Э. Тоффлер называет новую экономику взрывной волной, обеспечивающей новый этап борьбы развитых стран за власть. Этому посвящена его книга «Метаморфозы власти». Современная структура власти основывается на интеллекте, а не на богатстве или насилии. Возникает понятие нового типа мышления - « сетевого интеллекта». Эпоху новой экономики, основанной на знании, называют эпохой « сетевого интеллекта». По выражению П. Гуревича, возникает феномен интра-разумности (от лат. *intra* - внутри), который означает феномен разумности, заложенной внутри человека, - разумности, заложенной в человеческой нервной системе. Понятие «эпоха сетевого интеллекта» возникает в названии книги канадского публициста Дона Тапскотта «Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта» (*Digital Economy*), изданной в нашей стране в 1999 г. [20].

Таким образом, данное исследование показало, что весь процесс эволюции общества от постиндустриального до сетевого дает возможность говорить о формировании сетевой модели общества и его институтов (в том числе образования) в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Чугунов А.В. Теоретические основания концепции «Информационного общества» [Текст] / А.В. Чугунов // Каф. политологии философского ф-та СПбГУ. СПб, 2000. - 52 с.
2. Riesman D. Leisure and Work in Post-Industrial Society [Текст] / Eds. E. Larrabee, R. Meyersohn. Glencoe (Ill.) // Mass Leisure 1958. P. 363-385.
3. Bell D. The Year 2000 - The Trajectory of an Idea // Toward the Year 2000. Work in Progress / Ed. by D. Bell. Boston, 1968. P. 5-6.
4. Brzezinski Zb. Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era. N.Y., 1970. P.9.
5. Иноземцев В.Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире [Текст] / В.Л. Иноземцев // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М.: Academia, 1990. С. 18-22.
6. Dordick H.S., Wang G. The Information Society: A Retrospective View. Newbury Park-L., 1993.
7. McLuhan M. Understanding media: The Extensions of Man. N.Y., 1967. P.20.
8. Toffler A. The Third Wave. N.Y., 1980 (Перевод на русский язык: Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 784 с.).
9. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. [Текст] / А.И. Ракитов // М.: Политиздат, 1991. 287 с.; Ракитов А.И. Будущее России - общество высоких технологий [Текст] / А.И. Ракитов // Проблемы информатизации. 1995. #2/3. С.3-7; Ракитов А.И. Информация, наука, технология в глобальных исторических изменениях. [Текст] / А.И. Ракитов // М., 1998. 104 с.
10. Ракитов А.И. Информация, наука, технология в глобальных исторических изменениях. [Текст] / А.И. Ракитов // М., 1998. С. С.32-34.
11. Иноземцев В.Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире [Текст] / В.Л. Иноземцев // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М.: Academia, 1990. С.4.
12. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации: Учебн. пособие. [Текст] / Р.Ф. Абдеев // М: ВЛАДОС, 1994. 336 с
13. Zakon R.H. Hobbes' Internet Timeline v5.0. 2000; <http://www.isoc.org/guest/zakon/Internet/History/HIT.html>
14. Чугунов А.В. Теоретические основания концепции «Информационного общества» [Текст] / А.В. Чугунов // Каф. политологии философского ф-та СПбГУ. СПб, 2000. - 52 с.
15. Drucker P.F. Post-Capitalist Society. N.Y.: Harper-Collins Publ., 1995.
16. Дракер П. Посткапиталистическое общество [Текст] / П. Дракер //

Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М.: Academia, 1990. С.70-71.

17. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture: The Rise of the Network Society. Malden (Ma.) - Oxford: Blackwell Publ., 1996; Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture: The Power of Identity. Malden (Ma.) - Oxford: Blackwell Publ., 1997; Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture: End of Milenium. Malden (Ma.) - Oxford: Blackwell Publ., 1998.

18. Кастельс М. Становление общества сетевых структур [Текст] / Под ред. В.Л.Иноземцева. // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология М.: Academia, 1990. С.494.

19. Кастельс М. Могущество самобытности. [Текст] / Под ред. В.Л.Иноземцева. //Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология М.: Academia, 1990. - С.308.

20. Тапскотт Дон. Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта [Текст] / Пер.с англ. Игоря Дубинского. Под ред. Сергея Писарева. // Киев. – INT Пресс; Москва. - Релф бук.-1999.- 432 с.

УДК 1

**ФЕНОМЕН КОНВЕРГЕНЦИИ НАУКИ, ТЕХНОЛОГИЙ,
ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНО-
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Шевченко Ю.С., Алиева Н.З.

**THE PHENOMENON OF CONVERGENCE OF SCIENCE,
TECHNOLOGY EDUCATION IN THE CONTEXT OF SCIENTIFIC
AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF MANKIND**

Shevchenko J.S., Alieva N.Z.

В статье представлен феномен конвергенции науки, технологий, образования в контексте научно-технологического развития человечества в философском ракурсе. Авторами выявлено, что феномен конвергенции позволяет получить новые эвристические и синергетические эффекты, приводящие к возникновению росту научно-технического потенциала человечества.

The paper presents the phenomenon of convergence of science, technology, education in the context of scientific and technological development of humanity in a philosophical perspective. The article reveals that the phenomenon of convergence leads to new heuristics and synergistic effects, giving rise to the growth of scientific and technical potential of humanity.

Ключевые слова: феномен конвергенции науки, технологий, образования; научно-технологическое развитие человечества; технонаук; когнитивный вызов.

Keywords: phenomenon of convergence of science, technology, education, research and technological development of mankind, technoscience.

В эпоху глобальных кризисов и перемен изменяется спецификация научно-технологического развития человечества, требующая переосмысления и переоценки. Возникают проблемы, которые должна решать философия, ибо ее предназначение охватить взглядом «сверху» существующую реальность, увидеть ее глубину и построить картину новой реальности, которая позволит преодолеть повседневное, сломать стереотипы и предвосхитить грядущие перемены. Именно философия позволяет конструировать будущее, поскольку оно имманентно присутствует в настоящем. Великие слова М. Ганди гласят: «Если ты хочешь перемену в будущем – стань этой переменной в настоящем».

России не выжить в современном глобализирующемся мире без научно-технологического развития, которое требует учета основных глобальных тенденций и вызовов мирового развития. Одним из таких вызовов является когнитивный, с которым столкнулись мир и Россия. Кризис мировой социально-экономической системы, переход к новому технологическому укладу, требует новых алгоритмов и технологий развития, в первую очередь, в когнитивной сфере. Необходим быстрый прогресс когнитивных технологий, в первую очередь, конвергентных технологий, которые объединят науку и современную индустрию человечества в единый комплекс [1]. В современном обществе наблюдается, с одной стороны, тенденция возрастания роли науки, использование знаний во всех технологических сферах, а с другой стороны, сама наука меняется в том отношении, что во всё большей степени срастается со своими технологическими и техническими приложениями. Такой симбиоз науки и технологий возникает благодаря конвергенции и конвергентным технологиям, в результате чего возник новый феномен технонауки. Этот феномен отражает переход к постиндустриальному обществу, в котором происходят глубокие культурные и социальные трансформации. Роль науки возрастает в связи со значительным ростом наукоёмкости современных технологий. Но одновременно идет процесс трансформации самой науки, формируя новый феномен «технонаука» [2].

Цель нашего исследования изучить механизмы, технологии, методы, причины возникновения объединительных синтетических тенденций в научно-технологическом развитии человечества. Одним из таких феноменов слияния и конвергенции и является технонаука. Понятие «технонаука» - одно из ключевых в концепции научно-технологического развития человечества и пока недостаточно определено. Различные аспекты феномена технонауки исследовали

многие авторы. В частности, происходящим в мире процессам технологизации научной деятельности и индустриализации науки были посвящены труды Дж.Д. Бернала, Ю. Хабермаса и др. О возрастающей роли научного знания в развитии технологий и общества пишут Д. Белл, Э. Тоффлер, В.С.Степин и др. Изменение тенденций развития технического и технологического знания в системе научного знания изучали Г. Саймон, Н. Стефанов, В.Г. Горохов, Б.М.Кедров, В.М. Розин и др. Было установлено, что происходят коренные изменения не только самих науки и технологии, но и взаимоотношений науки, технологической сферы и общества.

Существует мнение, что технонаука – это только онаученная технология или технологизированная наука. Наше исследование представит более глубокий взгляд на данную проблему. По классической схеме индустриального общества научно-техническое развитие происходило от фундаментальных научных исследований через прикладные научные исследования к техническим и технологическим разработкам и продуктам. Такая модель взаимодействия науки и технологии приводила к отсутствию обратной связи с производством и потребностями общества.

В настоящее время возникла обратная тенденция. Спрос на продукцию, получаемую с помощью новейших технологий, приводит к реверсии, обращению к классической схеме взаимодействия науки и технологии. В начале происходит разработка новых технологий, которая приводит к спросу науки иного типа – прагматического, чье предназначение состоит только в ограниченном, конкретизированном знании, приводящем к созданию конечного продукта, спрос на который уже сформирован обществом потребления. Нынешний этап глобализации общественного и экономического развития вносит целый ряд проблем взаимодействия науки и технологии, с которыми действующие международные институты справляются пока неудовлетворительно. Это проблемы двигателей нового технологического рывка, основ формирования ядра нового технологического уклада. Решением этих проблем может стать развитие междисциплинарных и конвергентных технологий, которые перекрестно используют достижения высоких технологий и новейшие достижения науки. В этом авторы статьи видят феномен конвергенции науки и технологии, который позволит осуществить развитие нового технологического уклада, необходимого для прорыва России в передовой отряд развитых стран.

Данное развитие нового технологического уклада происходит по трем основным направлениям: развитие отдельных отраслей – локомотивов нового технологического уклада. Они образуют ядро нового уклада. К ним относятся нанотехнологии, биотехнологии, информационно-коммуникативные техноло-

гии; развитие принципиально новых конвергентных технологий, которые обеспечивают схождение и взаимопроникновение технологий, отраслей, науки и техники, технологий и экономики, бизнеса и т.п.; внедрение этих новых технологий практически во всех отрасли деятельности человека.

В настоящее время одним из основных инструментов инновационной экономики и разработки приоритетов научно-технологического и инновационного развития стал метод Форсайт (Foresight). В переводе с английского foresight - «взгляд в будущее». Используя большое количество экспертов, Форсайт-проекты формируют приоритеты и тенденции развития будущего в сфере технологий, в бизнесе. Форсайтные исследования, проводимые в разных странах мира, представили следующие основные тенденции научно-технологического развития – усиление конвергенции технологий; углубление диффузии современных высоких технологий в среднетехнологические сектора производственной сферы; возрастание мультидисциплинарности научных исследований; рост воздействия новых технологий на управление и организационные формы бизнеса; стимулирующее развитие гибких сетевых структур.

Таким образом, феномен конвергенции науки и технологи, форсайтные исследования позволят сформировать ответы на глобальные вызовы мирового развития, конструировать новый технологический образ мира, создать ядро нового технологического уклада.

Методологический анализ западной научной литературы показал, что, во-первых, понятия «конвергенция технологий» и «конвергентные технологии» не различаются многими авторами, а, во-вторых, под этими понятиями понимается любая конвергенция любых областей наук, технологий и др. Конвергенция своим названием обязана латинскому термину *convergo* - «сближаю» и означает процесс сближения, схождения (в разном смысле), компромисса, стабилизации. Название пришло из математики, в которой она трактуется как слияние, совмещение, путь. Другие науки иначе трактуют это понятие. Например, в социологии, конвергенция означает слияние экономических систем, в экономике - это явление, описывающее уподобление национальных экономик. Представление о конвергенции как о процессе присутствует у всех исследователей, но разные авторы по-разному представляют сущность этого процесса. Самое распространенное представление процесса конвергенции – это простое горизонтальное влияние одной области на другую однородную область, например, влияние высокой технологии на другие традиционные технологии. При таком понимании процесса конвергенции исчезает взаимовлияние и взаимопроникновение разнородных областей, как технологий и науки. А также исчезает синергизм взаимовлияния областей, приводящий к качественно новым

эвристическим и синергетическим эффектам. В качестве иллюстрации к вышесказанному приведем появление принципиально новых направлений науки и технологии, которые в будущем будут развиваться по своим собственным траекториям.

В частности, развитие нанотехнологий и их конвергенция с другими технологическими сферами позволило образовать новые виды кластеров: нанотехнология и информационно-коммуникативные технологии; нанобиотехнология и информационно-коммуникативные технологии; когнитивные науки и информационно-коммуникативные технологии; нанотехнология и материаловедение, и информационно-коммуникативные технологии, что позволяет создать новые инновационные производства. Наиболее известна и перспективна NBIC-конвергенция, которая сформировала комплекс конвергентных технологий (нано-био-инфо-когно) следующие особенности использования. Конвергентные технологии имеют огромный футуристический потенциал: всепроницаемость, неограниченную информационную доступность, конструирование человеческого сознания и тела. В формировании конвергентных технологий в современном обществе трудно переоценить роль сетей. Их предназначение состоит в преодолении географической и дисциплинарной фрагментарности ресурсов, подготовке специалистов и экспертов, формировании благоприятной среды, использовании нанобиотехнологии. Конвергенция в области научных исследований предстает в виде мультидисциплинарности, которая переживают подъем с середины 1980-х гг. в развитых странах. Это проявляется в виде возникновения новых дисциплин и отраслей знания, создания принципиально новых мультидисциплинарных институтов и исследовательских центров, (например, Институт сложности в Санта-Фе (США)). В результате стало возможным осуществление глобальных мультидисциплинарных научных проектов, таких как программа «Геном человека».

Трудно переоценить роль феномена конвергенции во всех сферах жизнедеятельности человека, ибо они создают новую жизненную среду человека, изменяют его природу и ставят под вопрос многие привычные способы ориентации в мире и традиционные человеческие ценности [2]. Конвергентные технологии предъявляют новые требования к природе человека и качеству человеческого потенциала, подготовке и образованию новых специалистов в области науки и технологий. Это вызвало необходимость появления высоких социогуманитарных технологий, конвергирующих с высокими производящими технологиями. Смысл такой конвергенции оказывать воздействие на сознание человека (индивидуальное или массовое), которое имеет целью достижение определенных управляющих и манипулирующих воздействий для повышения

искусственного спроса на новые непонятные потребителю продукты высоких производящих технологий. По сути, высокие гуманитарные технологии представляет собой процесс конвергенции социальных и информационных технологий.

Если высокие производящие технологии изменяют существующую реальность, то высокие гуманитарные технологии изменяют представление об этой реальности, в частности, создают искаженное представление и мифы о новых высоких производящих технологиях. Социокультурный эффект высоких гуманитарных технологий является очень значимым. Необходимо отметить тесную взаимосвязь и конвергенцию науки и технологий с образованием и всей образовательной системой. Образование, вступившее в новую эпоху своего развития, являет собой сложную взаимосвязанную рефлексирующую систему процессов. Современное образование отражает на себе все изменения и достижения человечества. Сегодня можно наблюдать ситуацию, когда современные высокие технологии, являющиеся неизменным атрибутом нашего общества, постепенно внедряются в образовательные процессы. Достаточно мощным аргументом необходимости внедрения и использования современных технологий в образовании является тот факт, что образование само «подстраивается» под нынешний мир, преподнося обществу новые необходимые ему знания. Таким образом, происходит конвергенция науки, технологий и образования. Она проявляется в том, что высокие технологии, с одной стороны, являются объектом исследования в образовании, с другой, – призваны внести нечто новое в любую другую сферу жизни и деятельности общества.

Высокие технологии своим сближением и конвергенцией с образовательной системой могут коренным образом изменять ее основания, методики, которые позволят провести модернизацию Российского образования, повысить научный потенциал страны в целом, вывести ее на новый более высокий уровень, повысить престиж нашего государства. Конвергенция высоких технологий и образования смысляет пространственные границы, повышает уровень свободы человека, о чем свидетельствует феномен дистанционного образования, которое позволяет повышать свой интеллектуальный уровень и человеку с ограниченными возможностями. Телекоммуникационные технологии, внедренные в образовательный процесс, позволяют проводить лекции, семинары и т.п. на достаточно большом географическом расстоянии. Более того, технологии виртуальной реальности и мультимедиа ориентируют обучающихся на расширение уровня когнитивной деятельности. Не только «технологизация» общества, но и конвергенция в образовательную систему средств современных высоких технологий и науки открывает новые перспективы для повышения эффектив-

ности учебно-воспитательного процесса, самообразования, дистанционного обучения, повышения качества и доступности образования. Безусловно, конвергенция с высокими технологиями призвана сыграть главенствующую роль в процессе повышения качества и доступности образования и определить основной путь развития образовательной системы в современном обществе. Невероятно быстрое сближение и конвергенция образовательной системы и современных технологий, определенно, повышает качество и эффективность массового образования в стране, выводя нашу систему образования на более высокий уровень.

Таким образом, современным ответом на когнитивный вызов научно-технологического развития человечества может явиться феномен возникновения и развития принципиально новых конвергенции и конвергентных технологий, которые обеспечат взаимопроникновение технологий, науки и образования, что позволит преодолеть глобальные проблемы человечества

ЛИТЕРАТУРА:

1. Малинецкий Г.Г., Маненков С.К., Митин Н.А., Шишов В.В. Когнитивный вызов и информационные технологии. / Подготовка кадров, методическое, алгоритмическое и программно-технологическое обеспечение. – М.: ИПМ им. М. В. Келдыша. 2009. - Препринт №11.
2. Лекторский В.А. Философия, общество знания и перспективы человека. Вопросы философии. 2010. № 8. - С. 30-34.

УДК 21

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ПРОНИКНОВЕНИЯ СУФИЗМА В ДАГЕСТАН

Эскарханов Г.Л.

THE HISTORICAL AND POLITICAL PRECONDITIONS OF PENETRATION OF SUFISM IN DAGESTAN

Eskarkhanov G.L.

Статья посвящена вопросам исторических и политических предпосылок проникновения суфизма в Дагестан. Автором рассматривается путь возникновения суфийской культуры и философии Дагестана, которые представляют собой симбиоз местных этнокультурных ценностей и ценностей арабо-мусульманской культуры. В работе показана роль города Дербент, превратившегося в X-XI веках в центр духовно-культурной жизни кавказских мусульман, а также в город многочисленных суфиев.

Article is devoted questions of historical and political preconditions of penetration of Sufism to Dagestan. Author considers the occurrence of sufi culture and philosophy of Dagestan which represents itself symbiosis of local ethnocultural values and values of arab-muslim culture. This article shows a role of Derbent that was a center of religious and cultural life of Caucasian muslims and sufi peoples in X-XI century, in rise and spreading of Sufism at Caucasus.

Ключевые слова: суфизм, суфий, тарикат, переселение мусульман, арабо-мусульманская культура, халифат, исламизация, симбиоз культур, мазхаб.

Keywords: sufism, sufi, tarika, historical and political preconditions, migration of muslims, arab-muslim culture, caliphate, islamization, symbiosis of culture, mazhab.

С началом распространения и утверждения ислама на Кавказе, а также основанной на нём мусульманской культуры связано появление такого сложного и многогранного явления как суфизм. До проникновения ислама и арабов на Кавказ существовало несколько государств (Кавказская Албания, Грузия и Армения). В каждом из них было своё государственное, экономическое, общественно-политическое и духовное устройство. Кавказ представлял тогда собой довольно пёструю этноконфессиональную картину. В Грузии и Армении уже тогда были распространены две монотеистические религии: христианство и иудаизм, и в то же время имело распространение множество древних языческих культов, а также зороастризм. Несмотря на то, что христианство представляло собой сильный фактор влияния на все местные народы, местные языческие культы продолжали играть важную роль в социокультурной жизни кавказских этносов.

Так В.Х. Акаев пишет, что «к моменту нашествия арабов в Кавказской Албании сложилась мозаичная конфессиональная картина. Здесь сосуществуют местные языческие верования, секты христианства и зороастризма, секты манихеев и маздакитов. Эта пестрота религиозной ситуации отражалась на духовном мире народов Северного Кавказа, находившихся в тесных контактах с близкими в этнокультурном отношении народами Закавказья» [1, с.56]. Серьезное изменение конфессиональной обстановки на Кавказе происходит в связи с завоевательными походами арабов в первой половине VII века. Здесь происходит столкновение торговых и геополитических интересов нескольких государств того времени: Византии, Ирана, зарождавшегося Арабского халифата и Хазарии. Позже именно с Хазарией и её союзниками пришлось сражаться арабам-мусульманам. Как отметил И.М.Сигаури, «арабо-хазарское противостояние приобрело столь бескомпромиссный характер во многом ещё благодаря и постоянному вмешательству Византии – главного противника рас-

пространения ислама на страны Восточной Европы. Византийские императоры систематически оказывали помощь хазарам, стремясь максимально ослабить Халифат и вернуть былую гегемонию на Ближнем Востоке» [10, с.179].

В 642 году арабские завоеватели (после покорения Грузии и Армении) впервые появляются на территории Северного Кавказа. Они подошли к стенам древнего южнодагестанского города Дербент, входившего в состав Персидской империи. Ещё персидский шах Ануширван построил этот город в IV веке, с целью оградить проникновение воинственных кочевников с Севера в Закавказье. После покорения арабами Ирана и обращения персов в ислам персидский гарнизон крепости не оказал сопротивления и сдал город арабам, приняв ислам. Так один из средневековых авторов Махмуд из Хиналуга пишет: «В век халифатства Хишама ибн Абдалмалика Омейяда в 115 г. хиджры, в 698 году христианском, Абумуслим ибн Абдалмалик по повелению халифа времени Хишама ибн Абдалмалика после того, как он двинулся с 20-тью тысячами войска в сторону Баб ал-абваба (Дербент) и Дагестана, освободил население Дагестана от ига хазар и привёл их в религию ислама» [8, с.61].

После покорения Дербента арабы стали воевать с Хазарским каганатом, который являлся преградой для их северных походов. Двухвековые арабо-хазарские войны протекали с переменным успехом, который сопутствовал то арабам, то хазарам. Для организации сопротивления арабским завоевателям Хазария собирала в свои войска объединённые ополчения кавказских горцев: аварцев, лезгин, лакцев, табасаран и др. В основной своей массе кавказские горцы на тот момент были «консервативными» язычниками, поэтому арабы представлялись им завоевателями, которые посягали на их жизнь и духовные ценности. Довольно часто хазарам и горцам удавалось не только противостоять арабам, но и разбивать их войска. Так как Северный Кавказ имел для арабов огромное стратегическое значение в геополитическом плане, они проявляли упорство в овладении им, стремясь включить этот регион в территорию своего государства. Сбыться этим планам мешали внутренние междоусобицы в арабском Халифате, а также частые восстания народов на завоёванных территориях. Арабские правители переселяли на территорию Дагестана десятки тысяч арабов из некоторых провинций халифата и другие народы, принявшие ислам. Колонисты занимались распространением ислама среди местного населения, внося в культурную жизнь кавказских этносов новые духовные ценности.

Начало исламизации Северного Кавказа положил правитель Армении Маслама ибн-Абдулмалик. Захватив в 115 г. хиджры (733-734) Дербент, он обратил в ислам большую часть жителей. Согласно исторической хронике «Дербент наме», написанной в XVI в. известным ученым арабистом

Мухаммадом-Абави Акташи – уроженцем селения Акташ-аух, по происхождению чеченцем-аккинцем, - вновь обращённые мусульмане Дербента были расселены в семи кварталах, в каждом из которых была построена мечеть. Интересно, что мечети и кварталы носили названия, указывавшие на национальную, территориальную или племенную принадлежность их обитателей: Хазарская, Палестинская, Дамасская, Хамасская, Кейсарская, Джазирская и Мосульская. Кроме того, Маслама ибн-Абдулмалик построил соборную мечеть (Джума мечеть), сохранившуюся до наших дней [12, с.87-88]. Таким образом, можно сказать, что именно Дербент стал центром, из которого ислам стал дальше распространяться на север и в глубь горных районов. Об этом свидетельствует наличие первого на Кавказе кладбища шахидов-мучеников за веру. Кроме того, тюркское население Дербента издавна исповедовало ислам, о чём говорят нам различные названия типа хазарская мечеть и т.п. Колонизация земель вокруг Дербента продолжалась и при последующих арабских правителях Армении. Политика колонизации, а также миссионерская деятельность проповедников ислама принесли немало успехов. Арабский географ аль-Истахри отмечал, что «В Семендере множество мусульман и у них в этом городе мечети...» [3, с.47].

В IX-XI веках арабы продолжают свои попытки завоевать непокорённые им горские кавказские народы, дагестанские и (отчасти) нахские (чеченцы и ингуши). После того как были покорены лезгины, лакцы, табасаранцы, аварцы, процесс исламизации пошел быстрее. Теперь уже арабы вместе с горцами-мусульманами насаждали ислам другим народам Дагестана. Принявшие ислам кавказские народы стали опорой для арабов в покорении и распространении ислама среди народов, придерживавшихся традиционных религиозных верований. Процесс исламизации дагестанского общества прошел два основных этапа (VII в. – первая половина X в. и вторая половина X-XVI вв.). Территориально процесс исламизации охватывал Дагестан с юга-востока на северо-запад, причём, ислам утверждается, как правило, сначала в феодальных владениях и лишь затем проникает в широко представленные здесь союзы сельских общин [5, с.93–94]. Надо отметить, что отдельные народы, подвергшись исламизации, впоследствии проявили себя как достойные ученики своих учителей. Начинает возникать своеобразное сплетение арабо-мусульманской духовной культуры и кавказских традиционных обычаев. Выходцы с Кавказа становятся признанными авторитетами в области шариата в мусульманском мире. Они посещают Арабский халифат, проживают и обучаются в научных центрах того времени в Багдаде, Каире, Дамаске. Об этом упоминает дореволюционный исследователь ислама Мирза Казем-Бек: «В номенклатуре ученых Востока более пятидесяти

громких имён принадлежат Дагестану; там были, как есть и ныне, отличные (по мусульманской оценке) филологи, философы и законоведы» [6, с.19].

Дагестанские народы, принявшие ислам впоследствии, сами становятся духовными наставниками для остальных горцев Кавказа, всё ещё прибывавших в язычестве. Именно дагестанские миссионеры стали распространять ислам в Восточной Чечне среди чеченцев, исповедовавших язычество. Живя среди чеченцев, пришлые миссионеры постепенно ассимилировались с ними. Первые следы ислама в Чечне обнаруживаются в VII в. с началом арабских завоеваний, а с конца XIV в., когда в Золотой Орде и соседнем Дагестане мусульманство получило распространение и утверждение, оно начинает своё реальное распространение в Чечне.

Дальнейшее распространение ислама в Чечне происходило в несколько этапов, связанных с историческими, культурными и географическими особенностями того или иного района. Так, в XVI в. можно говорить о полной исламизации плоскостных селений восточной части края. С конца XVI в. вплоть до середины, а отчасти и со второй половины XVII в., наблюдается проникновение ислама и в горные районы страны. Впрочем, аулы и общества, прилегающие к горному Дагестану, усваивали ислам в том же XVI - начале XVII вв., например, Чеберлой, Шарой, Кенхи и др. Однако в XVIII в. отдельные высокогорные чеченские общества, прилегающие к Грузии, продолжали следовать языческим обрядам. Ислам в Чечне распространялся главным образом путём миссионерской, проповеднической деятельности соседних мусульманских центров, а также благодаря усилиям феодальной верхушки [5, с.150–151]. Факт мирного распространения в XVI-XVII вв. ислама всё больше подтверждают данные ономастики чеченцев.

Суфизм начинает проникать на Кавказ в связи с деятельностью исламизированных неарабских этносов, в основном персов и тюрков, придавших исламу свои особенности, исходившие из их богатого духовно-культурного наследия. Персы с древнейших времён отличались среди других народов, своей глубокой религиозностью и склонностью к философскому восприятию мира. Восприняв ислам с большим трудом, они тем не менее, впоследствии стали важной частью его. Из их среды вышло немало всемирнопризнанных учёных, филологов, историков и, конечно же, суфиев. Так как богатое философское зороастрийское наследие просто так никуда не исчезло, не оставив следов. Это отражалось часто в тех вольностях, которые позволяли себе персидские мистики, особенно в иносказательном толковании некоторых догматических положений ислама.

Попав на Кавказ, суфизм немного изменяется, в результате чего он

приобретает особые, присущие кавказскому суфизму черты. Последовательность этих трансформаций говорит об эволюции в данном регионе суфийского учения. Появление ислама на Северном Кавказе связано с арабскими завоевательными походами, в ходе которых складывалась новая социокультурная реальность, представляющая симбиоз местных этнокультурных ценностей и ценностей арабо-мусульманской культуры [7, с.46]. Таким образом, можно сказать, что некоторые исследователи суфизма на Кавказе говорят о его появлении значительно раньше, чем считалось раньше. Арабский географ аль-Макдиси в 975 году писал, что в «Ширазе (город в Иране) было много суфиев, выполнявших зикр в мечетях после пятничной молитвы и читающих благословение пророку с кафедры». Затем он говорил о том, что имеется «ханака (суфийская обитель) в Дабиле (столице средневековой Армении), обитатели которой – гностики системы тасаввуфа живут в добровольной бедности». Как утверждает Е.Вейденбаум: «Арабские завоеватели занесли в кавказские горы, вместе с исламом, также тарикатские учения разного рода» [2, с.158–159].

Как уже не раз говорилось, важную роль в зарождении и распространении суфизма на Кавказе, сыграл город Дербент, превратившийся в X-XI веках в центр духовно-культурной жизни кавказских мусульман, а также в город многочисленных суфиев. Огромную научную ценность в изучении появления суфизма на Кавказе представляет собой трактат ученого и богослова Абу аль-Фараджа ад-Дарбанди, жителя Дербента, озаглавленный «Райхан аль-хакаик ва бустан ад-дакаик» («Базилик истин и сад тонкостей»). Многочисленные эпиграфические сведения на арабском языке, собранные и переведённые на русский язык А.Р. Шихсаидовым [13, с.8 – 230], подтверждают факт широкого распространения суфизма в указанный период среди дагестанцев и чеченцев.

Дореволюционный исследователь П. Позднев считал, что утверждению ислама в Дагестане способствовал суфизм. Он пишет, что «уже в X-XI веках дервишество возбуждало кавказских мусульман против некоторых светских князей Дагестана». Затем отмечается, что суфийское братство в конце XIV века вновь возбуждало горцев против «злоупотреблений некоторых князей и духовных властолюбцев» [9, с.71–72]. Весной 1666 года Северный Кавказ посетил турецкий путешественник и суфий Эвлия Челеби, например, он сообщает, что «все местные жители, проживающие в крепости – единобожцы, исповедующие учение своих духовных наставников» [11, с.117].

Как свидетельствует Эвлия Челеби, селение Эндери было густо заселённым, отличалось этническим многообразием и многоязычием, имело представителей разных профессий, и доминировала в нём арабо-мусульманская культура. Оказавшись в дагестанской крепости Койсу, расположенной восточнее

Эндери, Эвлия Челеби замечает, что в ней имеются «три бани, одна харчевня, семь начальных школ, три медресе, две текке (обители) дервишей ордена накшбандийа» [11, с.117]. Данное высказывание позволяет нам признать, что впервые указан тип суфизма – накшбандийский тарикат, бытовавшего в северной части средневекового Дагестана. Предположительно, этот тарикат был занесен на Северный Кавказ в конце XIV века во время нашествия среднеазиатского полководца Тамерлана. Следы распространения суфизма обнаруживаются в начале XVII века и в Карачае. Связано это с деятельностью дагестанских, возможно, и турецких миссионеров, проникавших в этот регион Северного Кавказа [4, с.43].

Известный дагестанский исследователь ислама А.Р. Шихсаидов отмечает огромный интерес к творчеству имама аль-Газали в Дагестане в XV-XVII веках. По его мнению, тяга к его идеям «связана не только господством в Дагестане мазхаба, не только в возможностях суфизма безболезненно адаптироваться к местным доисламским культам, но и в интенсивной практике прохождения многими дагестанцами учебы в городах Халифата, особенно в Багдаде, в медресе ан-Низамийа, у аль-Газали» [14, с.11–12].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акаев В.Х. Суфийская культура на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты. [Текст] / В.Х. Акаев // – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009.
2. Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. [Текст] / Е. Вейденбаум // – Тифлис, 1888.
3. Истахри. Книга путей царств [Текст] / Истахри // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. – Тифлис, 1901. Вып. 29.
4. Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. [Текст] // – М., 1998. Вып.1.
5. История Чечни с древнейших времён до наших дней. [Текст] // - Грозный, ГУП «Книжное издательство». – Грозный, 2006. Том 1.
6. Казем-Бек М. Мюридизм и Шамиль. [Текст] / М. Казем-Бек // – Махачкала: Даг.книгоиздат, 1990.
7. Керимов М.М. Традиционная мусульманская культура России в условиях современной модернизации. Монография [Текст] / М.М. Керимов // ЧГУ. – Грозный, 2009.
8. Махмуд из Хиналуга. События в Дагестане и Ширване XIV-XV веках. [Текст] // - Махачкала: Даг.книж.изд-во, 1997.
9. Позднев П. Дервиши в мусульманском мире. [Текст] / П. Позднев // – Оренбург, 1886.
10. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чечен-

цев с древнейших времён. [Текст] / И.М. Сигаури // – М.: Издательский дом «Русская жизнь», 1997.

11. Челеби Эвлия. Книга путешествий. Ч.2. [Текст] / Челеби Эвлия // – М., 1979.

12. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане.(VII-XV вв.). [Текст] / А.Р. Шихсаидов // - Махачкала, 1969.

13. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. [Текст] / А.Р. Шихсаидов // – М., 1984.

14. Шихсаидов А.Р. История суфизма в Дагестане [Текст] / А.Р. Шихсаидов // Суфизм как фактор сохранения мира и стабильности: Материалы Республиканской научно-практической конференции (24 мая 2004 г.) – Махачкала, 2005.

ЭКОНОМИКА

УДК 332

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНА)

Гусейнова Х.М.

THEORETICAL BASICS OF REGIONAL POLITICS STRATEGY DEVELOPMENT (ON THE EXAMPLE OF AZERBAIJAN REGION)

Guseinova Kh.M.

В статье рассматриваются теоретические аспекты социально-экономического развития региона. Автор считает, что методологической основой управления социально-экономическим развитием региона являются взаимодействие экономической, социальной, природно-ресурсной, экологической и др. подсистем, а объектом управления становятся сущность и формы системного влияния на развитие производительных сил в отраслевом и территориальном аспектах.

The article considers theoretical aspects of social and economical development of the region. In author's opinion, interaction of economical, social, natural resource and ecological systems is the methodological base of regional socio-economical development management. Management object is represented by entity and forms of systematic influence to productive forces development in industrial and territorial aspects.

Ключевые слова: социально-экономическом развитии, воспроизводство, региональное развитие, асимметрия, макроэкономический аспект, динамика, экономические показатели, регион.

Keywords: socio-economic development, asymmetry, the macroeconomic dimension, dynamics, economic indicators, region.

Развитие региональной экономики, обеспечение ее динамичного и сбалансированного функционирования невозможно без совершенствования территориального разделения труда, рационализации и оптимизации региональных пропорций всего процесса воспроизводства [1]. При этом особого внимания требуют проблемы управления социально-экономическим развитием отдельных регионов с целью увеличения вклада каждого региона в прирост национального богатства. Анализ экономики региона как сложной социально-экономической системы основывается на теоретических моделях системы экономических показателей, построенных в рамках экономической теории для национальной экономики. Развитие процессов экономической реформы вызвало необходимость формирования новой идейно-экономической среды, которая, в свою очередь, обусловила развитие региональной экономики на новой методологической основе. При изучении проблем развития и экономического регулирования регион рассматривается как аналог национальной экономики. Поэтому основные экономические показатели, используемые в региональном макроэкономическом аспекте, являются аналогом соответствующих показателей национальной экономики: валовой региональный продукт, региональный доход, региональные сбережения и т. д.

Азербайджан в последние годы динамично развивается во всех направлениях. В Азербайджане реализуется Государственная Программа регионального развития. Основная ее задача состоит в последовательном воплощении в жизнь мероприятий, направленных на обеспечения равновесия экономического развития регионов, повышение социального благосостояния и жизненного уровня граждан в регионах, динамичное развитие не нефтяного сектора. Это возможно на основе естественных связующих элементов, определяемых конкретными жизненными ситуациями и реализуемыми через культуру, язык, традиции, использование единых ресурсов, поддержание должного уровня коллективной безопасности жизнедеятельности.

В принятой в 2004 году Государственной Программе по социально-экономическому развитию регионов Азербайджана были определены 10 экономических зон. В программу (в связи с достаточным уровнем развития) город Баку не включен в состав Апшеронской экономической зоны. Экономические зоны Азербайджана следующие: Апшерон; Гянджа-Казак; Шеки-Закатала; Ленкорань; Куба-Хачмаз; Предгорная; Верхний Карабах; Келбаджар-Лачин; Горный Ширвань; Нахичевань [4].

Таблица 1. Основные макроэкономические показатели
(в % к предыдущему году) [2]

	001	005	007	008	009	010
ВВП	11.1	26.4	25.0	10.8	09.3	05.0
Объём Промышленного производства	06.9	33.5	24.0	06.0	08.6	02.6
Инвестиции в основной капитал	03.0	16.6	23.8	31.8	1.6	21.2
Объём продукции сел. Хозяйства	12.1	07.5	04.0	06.1	03.5	7.8
Перевозка грузов в транспортном секторе	18.4	09.4	15.1	09.3	04.0	03.1
Доходы государственного бюджета	27.7	36.2	55.3	79.2	5.9	10.4
Расходы государственного бюджета	17.3	42.5	60.6	77.0	7.5	12.0
Доходов населения	09.8	22.3	42.7	42.4	09.0	13.3

Проведенный анализ показал, что реализация Программы привела к экономическому прогрессу. Однако наряду с позитивными изменениями остаются значительные различия между регионами Азербайджана. В производстве товаров на душу населения Баку в 19 раз превосходит Ленкорань. Жизнедеятельность регионов находится в прямой зависимости от особенностей их функционирования. Нынешняя ситуация требует, поднять уровень их социально - экономического развития и свести к минимуму разницу между ними.

Одним из основных направлений регионального развития является региональная политика [3]. Управление социально-экономическим потенциалом региона обеспечит его устойчивое развитие. При моделировании развития региона важно учитывать принципы, которые ориентируют на рациональные формы социального, экологического, экономического управления: принцип экологической, экономической надежности; принцип экологического, экономического соответствия; принцип системного времени; принцип «мягкого» управления. Следует подчеркнуть, что, во-первых, система принципов отличается высокой степенью коррелированности и направлена на достижение кумулятивного эффекта от принимаемых на их основе социально-, эколого-ориентированных экономических мер. Во-вторых, каждый принцип, взятый в отдельности, при его детальном исследовании содержит в себе свойства остальных.

Для типологии регионов используются, как правило, показатели, характеризующие особенности функционирования всего производственного процесса в них, в том числе показатели специализации промышленного производства, занятости населения, развития инфраструктуры, наличия научно-технических кадров и другие. Одной из основных черт системы государственного регулирования социально-экономического развития региона может стать поддержка отраслевых ориентиров, являющихся фактором позитивной территориальной динамики.

Под регулированием социально-экономического развития в регионе следует понимать специально организуемые системные действия, направленные на социально-экономические процессы по обеспечению сбалансированного функционирования региональных систем, главной целью которых является улучшение качества и повышение уровня жизни населения. Государственное регулирование регионального развития, как известно, распространяется на сферы деятельности, связанные с общенациональными проблемами: социальную политику и решение проблем занятости; развитие производственных систем, требующих централизованного управления; определение налоговой политики и ее дифференциацию с учетом стимулирования процесса формирования рынка и регионе; режим внешнеэкономической деятельности и другие. Конкретные действия, составляющие государственное регулирование территориального развития, могут быть явными и неявными, прямыми и косвенными, всеобщими и селективными. Точные количественные соотношения указанных действий определить сложно. Государственное регулирование регионального развития осуществляется в масштабах системы политических, социальных, экономических, финансово-кредитных, бюджетных, налоговых, природно-ресурсных, национально-этнических и иных отношений внутри единой страны. Каждое действие, изменяющее структуру и пропорции этих отношений в пользу одной из региональных единиц, может автоматически модифицировать их (и часто в худшую сторону) для других.

Таким образом, методологической основой управления социально-экономическим развитием региона является комплекс процессов взаимодействия экономической, социальной, природно-ресурсной, экологической и других подсистем в объектно-предметных целостностях, принципы и методы их моделирования с позиции обоснования стабильного развития. При этом объектом управления социально-экономическим потенциалом региона становятся уже сущность и формы системного влияния на развитие производительных сил как и отраслевым, так и в территориальном аспекте.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ларина Н.И. Воспроизводственный аспект в региональной политике [Текст] / Н.И. Ларина // Регион: экономика и социология. 2003, № 3—с.39–51;
2. <http://www.azstat.org/> - Государственный статистический Комитет Республики Азербайджан. [Электронный источник]
3. Савченко А.Б. Региональное развитие и региональная политика // География и проблемы регионального развития. [Текст] / А.Б. Савченко // М., 1989. С. 35.
4. Гаврилов А.И. Региональная экономика и управление. [Текст] / А.И. Гаврилов // М. Экономика, 2003. 239 с.
5. Гранберг А. Стратегия территориального социально-экономического развития : от идеи к реализации [Текст] / А. Гранберг // Вопросы экономики, 2001, № 9, с. 15-27
6. Сигов И. И. Региональная собственность. [Текст] / И.И. Сигов // — СПб., 2001.
7. Алексеев Ю.П. Регион. Управление. Качество. [Текст] / Ю.П. Алексеев // М.: “Луч”, 2000 - 160 с.

УДК 33

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ

Муратова Г.В., Шапков С.С.

MODELING THE PROBLEM FIELD OF E-GOVERNMENT IN RUSSIA

Muratova G.V., Shashkov S.S.

В статье рассмотрены результаты исследований и систематизации факторов или барьеров, тормозящих формирование эффективного электронного правительства. Представлена разработанная дескриптивная модель проблемного поля создания электронного правительства России, основанная на типологии, проведенной по принципу нестрогого отнесения к различным блокам вышеназванных барьеров.

The results of systematic studies of the factors or barriers that inhibit the formation of an effective e-government are considered in the paper. Developed descriptive model of the e-government problem field in Russia is presented. It is based on a typology, held on the basis of none-strict classification of the various barrier blocks.

Ключевые слова: электронное правительство; барьеры развития электронного правительства; модель проблемного поля; информационно-коммуникационные технологии; информационное общество.

Keywords: electronic government; barriers to e-government; model of the problem field; information and communication technologies; information society.

Последние несколько лет стали периодом макроэкономической нестабильности для народного хозяйства Российской Федерации. Рост инфляции, глобальный финансовый кризис, колебание цен на продукцию естественных монополий – все это значительно увеличивало турбулентность в экономике нашей страны. Тем не менее, наблюдаемая в настоящее время новая технологическая революция, выражающаяся, в частности, в бурном развитии и внедрении информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) во все сферы жизнедеятельности, свидетельствует о том, что в России существуют благоприятные предпосылки появления эффективного электронного правительства (ЭП), которое должно уменьшить нестабильность, присутствующую в экономических процессах, нивелировать разрушительные последствия кризиса, а также способствовать переходу к новой ступени в развитии современной цивилизации - полноценному информационному обществу. В этой связи вполне обоснованным является заявленный федеральным центром курс на построение ЭП, стимулирующий появление идущих сверху импульсов изменений в рассматриваемой сфере.

В послании Президента Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ развитие стратегических и информационных технологий, в частности, внедрение «электронного правительства» отмечено в числе пяти основных приоритетов модернизации экономики и технологического развития государства [1].

Однако продвижению электронных услуг, особенно на мезо- и микроуровне, до сих пор не уделяется должного внимания: в половине случаев запуск электронных услуг сопровождается пассивной рекламой на сайтах или совсем не подкрепляется программами продвижения и стимулирования спроса. Этот факт подтверждают некоторые опросы представителей органов государственного управления в регионах РФ. Следует также заметить, что в наших условиях важно выдерживать грань и не переходить от популяризации к технопопулизму, непродуманные методики которого, по мнению отдельных исследователей, могут способствовать дискредитации в глазах общественности самой идеи информационной открытости госструктур в киберпространстве, что может произвести не меньший отрицательный эффект, чем низкая осведомленность о выгодах электронных форм взаимодействия в рамках ЭП. Кроме того, очень важно, что ряд опубликованных в свободном доступе исследований показывают общую тенденцию в обществе относительно осознания достоинств от появления, внедрения и диффузии современных ИКТ заметной его частью, что

не может не внушать здоровый оптимизм относительно реализации на российской почве инициатив в области электронного правительства.

Опрос наших соотечественников, проводимый ВЦИОМ по целому комплексу вопросов, лежащих в разрезе рассматриваемой тематики, показал следующее:

1) большинство (54%) считает, что готовящиеся нововведения пойдут во благо в плане доступности государственных услуг;

2) 45% рассчитывают на повышение эффективности работы чиновников;

3) 43% опрошенных утверждают, что электронный документооборот между населением и органами госвласти отразится на повышении открытости и прозрачности работы последних;

4) 41% верит, что такой ценой будет обеспечен общественный контроль за работой государственных органов и чиновников.

Интересно, что 42% респондентов ВЦИОМ, сомневаются в том, что перевод госуслуг в электронный вид благотворно подействует на сокращении уровня коррупции во власти [2]. Вместе с тем по представлениям специалистов ФОМ, всего 4-6% россиян, в качестве преимущества госуслуг, оказываемых через Интернет, называют уменьшение коррупционной составляющей взаимоотношения общества с властью [3]. Специфика российских экономических и политических условий, обусловленных наметившейся среди высшего руководства страны положительной тенденцией в отношении построения в России электронного правительства, появление которой определяют, с одной стороны, дань моде на ИКТ в целом и технологиям ЭП в частности, с другой, – объективно складывающаяся необходимость внедрения подобных технологий особую роль отводит процессу уменьшения коррупции, который способен инициироваться при появлении полноценного виртуального правительства.

Несмотря на перечисленные позитивные аспекты 1)-4), выявленные в ходе проведенного ВЦИОМ опроса, только 8% наших сограждан имеют опыт обращения в органы власти через Интернет. При этом четверть россиян при наличии выбора проголосовала за электронное обращение в органы власти (25%). Причём, в группах россиян в возрасте 18-24 и 25-34 их насчитывается 42% и 37%, соответственно [2]. Близкие данные фигурируют и в опросе ФОМ. Согласно исследованию, реально пользовавшихся услугами госслужб через Интернет в нашей стране не так много: всего около 11%. Еще 26% сограждан хотели бы пользоваться госуслугами в сети. Среди пользователей Интернета получить услуги электронного правительства смог почти каждый четвертый, а 37% жителей страны, наиболее активно использующих российский сегмент

сети, хотели бы начать ими пользоваться в ближайшее время. Среди 18–30-летних госуслугами через Интернет пользовался каждый пятый, из числа сограждан 31–45 лет таковых насчитывается уже 15%, 46–60-летних – 5%. И только 1% пенсионеров в нашей стране воспользовались услугами госслужб через Интернет. Впрочем, среди старших респондентов насчитывается более всего противников ЭП: 57% против 35% в среднем по стране или 21–26% среди молодых и активных [3].

Представленные результаты исследований позволяют сделать вывод о том, что сегодня уже значительная доля экономически активного населения в возрасте от 18 до 34 лет готова выступать в роли электронных субъектов формирующегося виртуального правительства. Однако необходимо отметить, что наибольшее их часть проживает в Москве, Санкт-Петербурге и больших городах (44%) [2].

Реализация основных элементов ЭП на основе широкомасштабного внедрения инфокоммуникационных технологий как на федеральном, так и на региональном уровне обуславливает применение системного подхода. Помимо стратегических и тактических приоритетов, требуют срочного рассмотрения многие проблемы оперативного плана, особенно вопросы управления и лидерства в области ИКТ и проблемы законодательства. Имеющийся уровень политической поддержки и существующая институциональная структура являются недостаточными для успешного внедрения электронного правительства. Отсутствуют ключевые элементы нормативно-правовой базы, что серьезно затрудняет дальнейший прогресс. Необходима стратегическая программа коммуникации и информационной поддержки, которая позволила бы облегчить процесс изменения существующего менталитета и обеспечить общественную поддержку и спрос на услуги ЭП.

Обзор литературы по вопросам развития информационного общества и электронного правительства, указывает на то, что многие исследователи еще в середине прошлого века рассматривали технологический прогресс в качестве основы роста экономики [см., напр.: 4]. Современная постиндустриальная информационно-экономическая формация свидетельствует о непреложности подобных представлений. В соответствии с данным подходом становится очевидным, что прежние методы работы, широко распространенные в государственном секторе в «бумажную эпоху», сегодня перестают быть эффективными и требуют, с одной стороны, кардинального переустройства, а с другой – повсеместной и рациональной автоматизации.

Качественный анализ процесса формирования электронного правительства в Российской Федерации показал, что, несмотря на повсеместное осозна-

ние возможностей новых технологий и необходимости проведения административного реформирования, реализация инициатив в области ЭП в нашей стране достаточно часто затруднена и носит сложный, многоаспектный, а зачастую и комплексный характер. Систематизируя результаты исследований по данной проблематике [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11], с известной долей условности удалось выделить следующие основные группы барьеров или факторов, создающих различного рода препятствия для реализации концепции электронного правительства в российских условиях: социально-экономические; технико-технологические; политико-правовые; организационные; препятствия неправового характера; информационные; морально-психологические и культурные.

Данная типология, включающая в себя основные из выявленных барьеров, препятствующих развитию электронного правительства в Российской Федерации, проведена по принципу нестрогого отнесения к тому или иному блоку, так как взаимосвязанность и сопредельность данных барьеров не позволяет сделать строгооднозначной группировки (рис. 1).

Указанные препятствия на пути перехода к электронному правительству вызревали асинхронно, в связи с чем, эксперты в этой области не всегда уделяли должного внимания тем или иным аспектам анализируемой проблематики. Хотя полноценный обзор стратегий преодоления сложностей создания ЭП выходит за пределы данной статьи, приведенная на рисунке 1 модель позволяет сформировать фундамент для проведения дальнейших исследований в данном направлении. Кроме того, ее достоинством является именно то, что она охватывает наиболее актуальные, на наш взгляд, аспекты проблемного поля создания электронного правительства России.

Как уже было отмечено выше, сегодня многие эксперты связывают использование ИКТ с огромным положительным эффектом для экономики, проявляющимся в стимулировании предпринимательской деятельности, повышении мобильности капиталов, товаров и услуг, развитии торговли, занятости, расширении возможностей для более эффективных и творческих решений различных экономических и социальных проблем [12, с. 8].

Таким образом, успешная реализация инициатив электронного правительства на российской почве позволит обеспечить широкомасштабное внедрение информационных и коммуникационных технологий на уровне государства в целом, следовательно, преодоление обозначенных выше барьеров должно обеспечить тем самым наиболее благоприятные условия для бескризисного роста и преуспевания всей национальной экономики в условия формирующегося информационного общества.

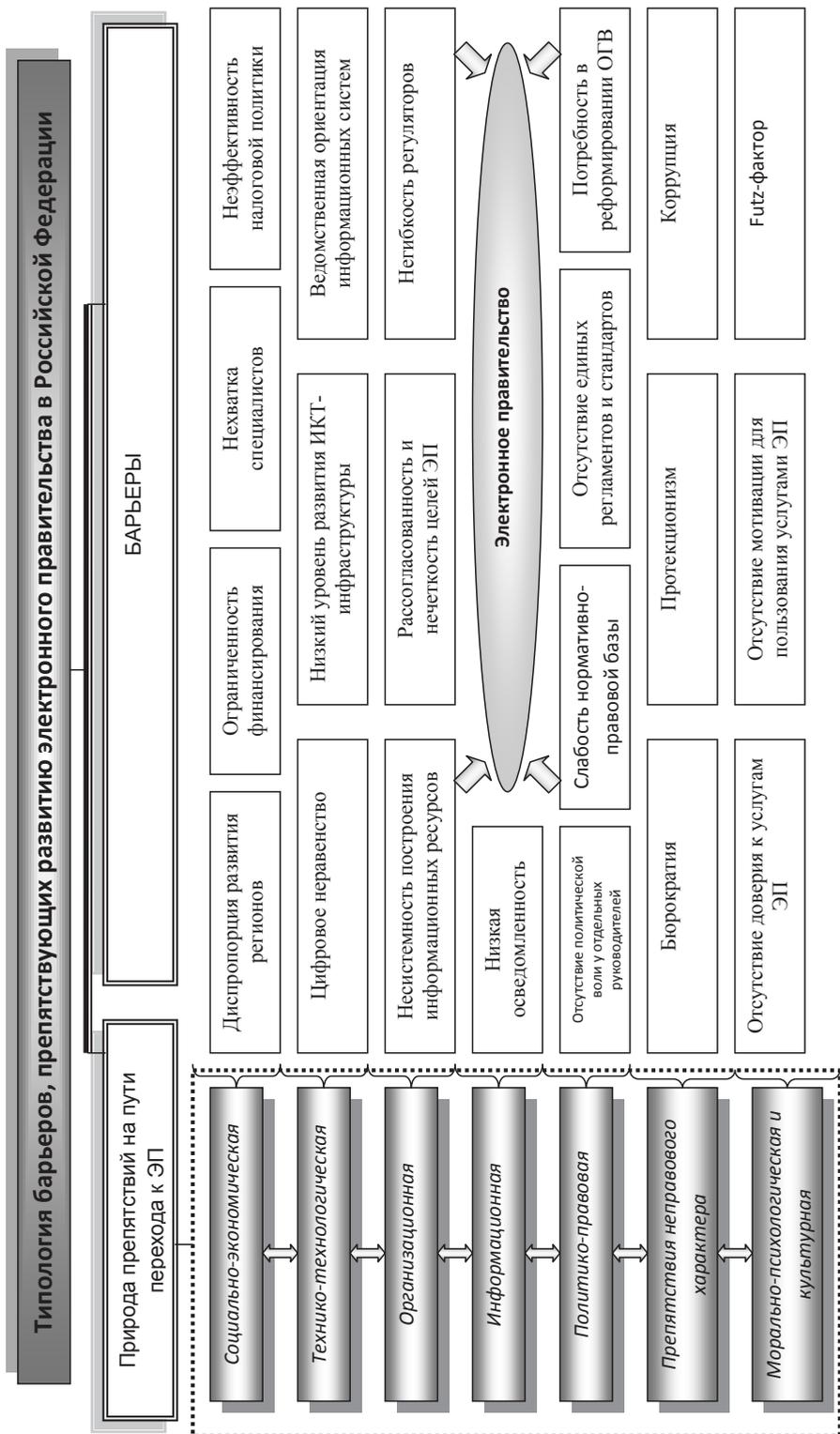

Рисунок 1. Дескриптивная модель проблемного поля создания электронного правительства России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Послание президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/11/13/poslanie-tekst.html>.
2. Россияне еще не привыкли к электронным чиновникам, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rumetrika.rambler.ru/review/2/4226>.
3. Интернет-правительство РФ выходит в народ, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rumetrika.rambler.ru/review/2/4397>.
4. Abramovitz M. Resource and Output Trends in the United States Since 1870 // American Economic Review. 1956. Vol. 46, pp. 5-23.
5. United Nations, DPEPA, ASPA, Benchmarking E-government: A Global Perspective-Assessing the UN Member States.
6. Gil-Garcia J.R., & Pardo, T. A. (2005). E-Government success factors: mapping practical tools to theoretical foundations. Government Information Quarterly, 22 (2), 187-216.
7. Аналитическое исследование «Необходимость внедрения электронного правительства: основные выводы» (подготовлено Организацией по экономическому сотрудничеству и развитию), [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.admhmao.ru/adm_reform/publikac/publik40.htm
8. Головин Ю.А. Григорьев П.В., Щенников М.А. Новые политические технологии в современной России: монография. – М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2009. – 205 с.
9. Беспалов П.В. «Электронное правительство» и компетентность госслужащих // Государственная служба. – 2002. - № 5. – С. 139-146.
10. Дрожжинов В.И., Штрик А.А. Концептуальные основы строительства электронного правительства, [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.pcweek.ru/themes/detail.php?ID=61779>.
11. Хохлов Ю.Е. Стимулы и барьеры на пути реализации. Стратегии развития информационного общества в России // Информационное общество, 2008, № 1-2.
12. Авдеева Т.Г. Проблема «цифрового разрыва» в международных экономических дискуссиях // Проблемы преодоления «цифрового неравенства» в России и странах СНГ: Материалы международного семинара / Межд. сем., Москва, Дом Правительства РФ, 2000.

УДК 332

**ИНВЕСТИЦИИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ
МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОПОРЦИЙ
В ЭКОНОМИКЕ АЗЕРБАЙДЖАНА**

Шахбазов У.Г.

**INVESTMENT AS FACTOR OF REGULATION OF
MACROECONOMIC PROPORTIONS
IN AZERBAIJAN ECONOMY**

Shahbazov U.H.

Статья посвящена роли инвестиций в экономическом развитии и обеспечении макроэкономических пропорций. Автором исследуется влияние инвестиций на экономику на микро- и макроуровне с учетом теоретических и практических аспектов. Инвестиции как финансовый источник экономического развития рассматриваются в работе как фактор регулирования равновесия и макроэкономических пропорций.

The article is devoted to the role of the investments provide of the economical development and macroeconomic proportions. Investment is observed from theoretical and practical sides, the influences in micro and macro level in the country economy are considered. Investment as a financial source of the economical development is considered as a factor of macroeconomic proportions and balance regulation.

Ключевые слова: инвестиции, макроэкономические пропорции, экономика, экономический рост, диспропорция, макроуровень, микроуровень.

Keywords: investment, macroeconomic proportions, economy, economic growth, a disproportion, macrolevel, microlevel.

В условиях существования проблемы устойчивого экономического роста обеспечение макроэкономических пропорций и равновесия требуют повышения эффективности инвестиций, т.е. всесторонний анализ роли инвестиций в развитии национальной экономики имеет теоретическую и практическую значимость.

В современной экономической литературе термин «инвестиция» имеет различное толкование. Рассмотрим некоторые из них. «Инвестиции» – долгосрочное вложение капитала в какие-либо предприятия, социально-экономические программы, проекты в собственной стране или за рубежом с целью получения дохода и социального эффекта [1]. Инвестиция – долгосрочное вложение частного или государственного капитала, имущественных или интеллектуальных ценностей в различные отрасли национальной (внутренние инвестиции) либо зарубежной экономики (внешние инвестиции) с целью полу-

чения прибыли [2]. У. Шарп определяет инвестиции следующим образом: «Реальные инвестиции обычно включают инвестиции в какой-либо тип материально осязаемых активов, таких как земля, оборудование, заводы. Финансовые инвестиции представляют собой контракты, записанные на бумаге, такие как обыкновенные акции и облигации [3]. В законе Азербайджанской республики «Об инвестициях» инвестиции определяются нижеследующим образом: «Инвестиция – представляет совокупность финансовых средств, вложенных в объекты предпринимательства и др. видов деятельности, а также материальных и интеллектуальных богатств». В различных определениях инвестиций важным моментом является то, что они, в первую очередь, связаны с получением прибыли. Другим важным аспектом является возможность их долгосрочного вложения. В экономике наряду с понятием инвестиций используется и понятие капиталовложений, что характеризуется вложениями в основной капитал.

Частая ошибка, встречающаяся в литературе, - идентификация понятия “инвестиции” с понятием “капитальные вложение”. Инвестиции в этом случае рассматриваются как вложение капитала в воспроизводство основных средств как производственного, так и непроизводственного характера. Вместе с тем, инвестиции могут осуществляться и в прирост оборотных активов. Следовательно, капитальные вложения являются более узким понятием и могут рассматриваться лишь как одна из форм инвестиций, но не как их аналог [4].

Инвестиции группируются по нескольким видам. По объекту капитального вложения инвестиции делятся на реальные, финансовые и интеллектуальные. На объем инвестиций в экономике влияют нижеследующие факторы: уровень накопления; уровень национального дохода; реальная ставка процента; норма прибыли; уровень налогообложения и т.д.

Согласно закону Азербайджанской Республики, любое имущество отраслей экономики, в том числе фонды и оборотные средства, ценные бумаги, целевые денежные сбережения, научно-технические продукты, интеллектуальное богатство, а также др. объекты имущества, включая имущественное право, могут быть объектом инвестиционной деятельности.

Инвестиции на микро и макроуровне направляются на расширение производства; получении прибыли для предприятия; повышение качества продукции предприятия; осуществление политики расширенного воспроизводства и ускорение научно-технического прогресса; решение социальных и экологических проблем; повышение производительности труда; регулирование макроэкономических пропорций и др.

Роль инвестиций в экономике очень велика. Они, в первую очередь, выступают в роли финансового источника экономического развития. Влияние

инвестиций как на макро-, так и на микро уровне зависит от общего объема инвестиций и проводимой инвестиционной политики. Целевые инвестиции означают не любое капиталовложение, а вложения в отрасли, нуждающиеся в данных инвестициях. Это является важным для совершенствования территориально-отраслевой структуры экономики.

Территориальная и отраслевая структура инвестиций является важным фактором обеспечения макроэкономических пропорций. За счет инвестиций растет объем производства, национальный доход, развиваются отрасли и предприятия, удовлетворяющие потребности в тех или иных продуктах и услугах. С ростом накопительного фонда национального дохода происходит будущий рост производства. Таким образом, инвестиции, образованные за счет национального дохода, сами обуславливают его рост и воспроизводство. Чем больше эффективность инвестиций, тем больше рост национального дохода. В условиях высокой эффективности инвестиций абсолютный рост национального дохода может обеспечить рост доли потребления и накопления.

Инвестиции (в основном) оказывают влияние на решение нижеследующих социальных проблем: повышение уровня заработной платы; рост денежных доходов населения; обеспечение занятости населения; снижение бедности; улучшение жилищно-коммунальных условий и т.д.

Роль инвестиций в экономическом развитии нашла свое отражение в теории мультипликатора Кейнса. Отправным ее пунктом является определение роли инвестиций в росте объема национального дохода и занятости. Кейнсианская теория определения оптимальных размеров ВВП, при котором экономика достигает состояния равновесия, показывает, что при росте инвестиций рост ВВП будет происходить в гораздо большем размере, чем первоначально дополнительные инвестиции [5].

Объем инвестиций, осуществляемых в стране в большей степени зависит от соотношения потребления и накопления в структуре национального дохода. В силу того, что накопление является основной частью инвестиций, они будут тем выше, чем будет больше часть национального дохода, направленная на накопление. Пропорции между фондами накопления и потребления не могут быть постоянными. Они изменяются под воздействием развития производства и определяются многими факторами. Однако это не говорит о том, что параметры фондов накопления и потребления могут изменяться значительными скачками. На уровень формирования пропорций накопления и потребления значительное влияние оказывают в части накопления – степень эффективности использования капитальных вложений и ввода основных фондов, а в части потребления – использование общественных фондов потребления и уровень

доходов населения [6].

Таблица 1. Удельный вес потребления и накопления в структуре ВВП Азербайджана (в %)

Показатели	2000	2005	2006	2007	2008	2009
Конечное потребление	79,5	52,5	45,6	43,0	41,9	56,0
Валовое накопление	20,6	41,5	29,8	21,5	18,6	18,2

Как видно из таблицы (таблица составлена на основе данных Госкомстата Азербайджанской Республики за соответствующие годы), в последние годы удельный вес как накопления, так и потребления в структуре ВВП существенно сократился. Так, если в 2000-м году удельный вес потребления в ВВП составлял 79,5%, в 2008-м году этот показатель сократился до 41,9%, а в 2009-м году он составил 56%. Удельный вес совокупного потребления в анализируемый период сначала увеличился в 2004-м году составив 57,9%, а в последствии сократился до в 2009-м году до 18,2%. Чистый экспорт в ВВП в 2008-м году повысился до 39,5%.

Пропорция между накоплением и потреблением, являясь основной макроэкономической пропорцией, влияет и на формирование других пропорций. Важнейшей характеристикой национальной экономики являются сложившиеся макроэкономические пропорции – количественные соотношения между различными подразделениями и сферами общественного производства, отраслями, территориально – производственными частями национальной экономики [7]. Макроэкономические пропорции предполагают такое распределение общественного труда между отраслями и сферами экономики, которое обеспечивает их сбалансированное развитие и удовлетворение общественных потребностей. Макроэкономические пропорции выделить общеэкономические, межотраслевые, внутриотраслевые, территориальные, межгосударственные виды пропорций. Пропорции не постоянны, они могут нарушаться. Диспропорциональность может возникнуть в результате экономических кризисов, стихийных бедствий, резкого изменения международной обстановки и других факторов. Преобразование пропорций воспроизводства и структуры народного хозяйства особо сложный процесс. Он не может быть осуществлен в короткие сроки, так как для этого требуются крупные капиталовложения и достаточно длительный инвестиционный период.

Рассмотрим макроэкономическое воздействие инвестиций на примере

экономики Азербайджана. Следует отметить, что устранение издержек периода трансформации в экономике страны и достижение высокого экономического роста возможно именно за счет высокого роста инвестиционных вложений.

Таблица 2. Инвестиции, вложенные в экономику Азербайджана (в млн. долларах США)

Показатели	2000	2005	2006	2007	2008	2009
Всего инвестиций в экономику, в т.ч.	1441,4	7118,5	8300,4	12066,1	16222,0	13033,5
Внутренние инвестиции	514,4	2225,3	3247,6	5391,8	9374,6	7564,9
Иностранные инвестиции, из них	927,0	4893,2	5052,8	6674,3	6847,4	5468,6
В нефтяной сектор	546,1	3799,9	3422,3	4003,3	3350,7	2412,7

Таблица составлена на основе данных Госкомстата Аз.Респ. за соответствующие годы.

Как видно из таблицы, инвестиции, направленные в экономику Азербайджана, динамично росли в течение нескольких лет, при этом уменьшение наблюдалось только в 2009-м году по сравнению с 2008-м годом. Другим важным моментом является увеличение скорости роста внутренних инвестиций по сравнению с зарубежными, которые в 2008-м году в структуре общих инвестиций составили 57,7%. Такой рост инвестиционных вложений в экономику обусловил рост ВВП в течение ряда лет. Однако на рост ВВП наряду с инвестициями, также существенное влияние оказала добыча нефти.

Таблица 3. Динамика роста инвестиций в основной капитал, нефтедобычи и ВВП Азербайджана (в %)

Показатели	2005	2006	2007	2008	2009
Рост инвестиции в основной капитал	116,6	115,2	123,8	131,8	81,6
Рост нефтяной добычи	143,2	145,0	132,7	104,7	113,2
Рост ВВП	126,4	134,5	125,0	110,8	109,3

Таблица составлена на основе данных Госкомстата Аз.Респ. за соответствующие годы.

Как видно из таблицы, в результате роста инвестиций в основной капитал и нефтедобычу рост ВВП в 2005-м году составил 26,4%, в 2006-м году 34,5%, в 2007-м 25,0%. Изменения возникшие в последующие годы в инвестициях и нефтедобыче повлекли за собой и дальнейший рост ВВП.

Вместе с тем, одной из главных причин наличия диспропорций в эконо-

мике Азербайджана является неоптимальное состояние отраслевой и территориальной структур инвестиций. Отраслевая структура инвестиций республики характеризуется все еще большим наличием удельного веса инвестиций направляемых в нефтяную промышленность. Значительный рост капитальных вложений в производственную сферу в определенной мере объясняется низким ростом капитальных вложений в непроизводственную сферу. Однако, за последние годы в соотношении капитальных вложений по производственным и непроизводственным отраслям, по нефтяному и ненефтяному сектору наблюдались серьезные изменения.

Таблица 4. Структура инвестиций, направленных в основной капитал (в %)

Показатели	2000	2005	2006	2007	2008	2009
В производственных отраслях	70,2	73,9	70,1	64,8	46,8	45,7
В непроизводственных отраслях	29,8	26,1	29,9	35,2	53,2	54,3
Итого	100	100	100	100	100	100
Нефтяной сектор	51,9	65,2	54,7	47,2	29,4	26,6
Ненефтяной сектор	48,1	34,8	45,3	52,8	70,6	73,4
Итого	100	100	100	100	100	100

Таблица составлена на основе данных Госкомстата Азербайджана за соответствующие годы.

Если в 2000-м году 29,8% инвестиций, вложенных в основной капитал приходилось на непроизводственные отрасли, то в последующие годы этот показатель возрос и в 2009-м году составил 54,3%. В указанном периоде доля инвестиций, направленных в производственные отрасли сократилась с 70,2% до 45%. Изменения, произошедшие в использовании инвестиций, направленных в основной капитал по производственным и непроизводственным отраслям, повлияли и на их соотношение между нефтяной и ненефтяной отраслями. Если в 2000-м году доля ненефтяного сектора в структуре инвестиционных вложений составляла 48,1%, то в 2009-м году этот показатель возрос до 73,4%.

Рост инвестиций в основной капитал наблюдался и в 2010-м году, но серьезных изменений в их отраслевой структуре за этот год не произошло. Так, в 2010-м году в основной капитал из всех финансовых источников было направлено 9,7 млрд. манат (12,2 млрд. долларов) из которых 42,5% (4,1 млрд. манат) приходилось на долю промышленности. По промышленности удельный вес инвестиций, направленных в нефтяной сектор составил 70,7% (2,9 млрд.

манат). В структуре основного капитала 4,6% приходилось на долю сельского хозяйства, 2,4% на торговлю, 24,6% на транспорт и складское хозяйство, 1,5% на строительство, 1,8% на связь и информационные технологии, 1,2% на сферу образования, 1,7% на сферу здравоохранения [8]. Отраслевая структура инвестиций будучи в неоптимальном состоянии повлияла на формирование фактической структуры ВВП.

С точки зрения обеспечения занятости, существует большая потребность в увеличении инвестиций, направляемых в трудоемкие отрасли экономики. В 2010-м году доля отраслей экономики в ВВП распределилась соответственно – 52,6% на промышленность, 5,4% на сельское хозяйство, 7,5% на строительство, 27,4 на сферу услуг. Большая часть ВВП промышленности была связана с нефтяным сектором. Наряду с отраслевой структурой, территориальная структура ВВП также является неудовлетворительной. В 2009-м году в стране 78% выпуска совокупной продукции, а также 58,5% инвестиций в основной капитал приходилось на город Баку.

Таблица 5. Удельный вес экономических районов по выпуску совокупного продукта и инвестициям в основной капитал в 2009-м году (в %)

	Производство продукции	Инвестиционные вложения
1. Город Баку	78,0	58,5
2. Апшеронский экономический район	1,5	2,4
3. Гянджа-Газахский экономический район	3,8	4,6
4. Шеки-Загатальский экономический район	1,6	1,3
5. Ленкоранский экономический район	1,7	0,8
6. Губа-Хачмазский экономический район	2,1	3,9
7. Аранский экономический район	6,5	5,6
8. Верхне-Карабахский экономический район	0,5	0,2
9. Кельбаджар-Лачинский экономический район	0,05	0,01
10. Горно-Ширванский экономический район	0,9	1,9
11. Нахичеванский экономический район	2,9	5,3

Таблица составлена на основе данных Госкомстата Азербайджана за соответствующие годы.

Как видно из таблицы 5, наряду с низкой долей выпуска продукции по экономическим районам инвестиции в основной капитал составили всего 22%. Такое положение в регионах, ограничивая эффективное использование трудовых ресурсов, делает актуальной проблему занятости. Низкий уровень производства в регионах, в первую очередь, связан с низким удовлетворением потребности регионов в инвестициях. Только незначительная часть вложенных инвестиций в экономику страны приходится на долю регионов. В 2009-м году на долю экономических районов по инвестициям в основной капитал приходилось менее 40%.

Как показывает анализ, регулирование в стране макроэкономических пропорций и обеспечение макроэкономической стабильности зависит как от объема инвестиционных вложений, так и от их территориальной и отраслевой структуры. Поэтому в инвестиционной политике страны должны учитываться следующие факторы: точное определение отраслевых и региональных потребностей в инвестициях; оптимизация отраслевой и территориальной структуры инвестиций; совершенствование инвестиционной среды и страховой системы; расширение возможностей предприятия по реинвестированию; обеспечение соответствия инвестиций программам регионального развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Нешиной А.С. Инвестиции (учебник). [Текст] / А.С. Нешиной // Москва-2005
2. Черняк Р.А. Управление инвестиционными проектами: Учеб. пособие для вузов [Текст] / Р.А. Черняк // -М.: ЮНИТИ – ДАНА, - 2005
3. Кулиев Р.А. Инвестиционная политика в Азербайджане: реалии, проблемы и перспективы. [Текст] / Р.А. Кулиев // Баку, «ЕЛМ» - 2005
4. Бланк И.А. Инвестиционный менеджмент [Текст] / И.А. Бланк // -Эльга-Н, Ника-ЦЕНТР, 2002
5. Экономическая теория. [Текст] / Под ред. Добрынина А. И., Тарасевича Л. С. // Изд. Питер ком. 1999
6. Исмаилов Г. Темпы, пропорции и качество экономического роста [Текст] / Г. Исмаилов // 1985
7. Макроэкономика [Текст] / под ред. М. И. Плотницкого // Москва «Новое знание» 2004
8. «Социально-экономическое развитие страны 2010 г.» [Текст] // газета «Республика», 4 февраля 2011-й год

УДК 336

СТАНОВЛЕНИЕ БЮДЖЕТНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Школик О.А.

FORMATION OF BUDGETARY FEDERALISM IN THE CONDITIONS OF THE MULTINATIONAL STATE

Shkolik O.A.

В статье рассматривается процесс становления бюджетной системы Российской Федерации, проблемы внедрения принципа бюджетного федерализма. Автором (в комплексе) анализируются экономические, правовые и политические факторы, сопровождавшие процесс становления системы государственных финансов суверенной России.

The retrospective of formation of budgetary system of the Russian Federation and problems of introduction of a principle of budgetary federalism is considered in the article. Economic, legal and political factors accompanying process of formation branch of public finances of sovereign Russia are considered here in a complex.

Ключевые слова: бюджетная система, бюджетный федерализм, межбюджетные отношения, государственные финансы, реформирование, субъекты Федерации.

Keywords: budgetary system, budgetary federalism, interbudgetary relations, public finances, reforming, subjects of Federation.

Большинство точек зрения, затрагивающих вопрос об истоках формирования отрасли государственных финансов современной России, увязывают начало становления системы федеративных бюджетных отношений с моментом распада СССР и теми политическими и юридическими процессами, которые сопровождали данное событие [16, 17, 21, 24]. По мнению авторов [16, 17, 18, 21, 23, 24], определяющее значение в разрешении данного вопроса отводится Закону РСФСР от 10 октября 1991 года N 1734-1 «Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в РСФСР». С нашей точки зрения, принятая 12 июня 1990 года Декларация Съезда народных депутатов РСФСР N 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» не внесла существенных новаций в правовой статус российской республики. Провозглашаемый в преамбуле данного документа суверенный государственный статус республики был ранее закреплён и в Конституции СССР, и в Конституции РСФСР [1; 2; 3]. Однако данный документ нес в себе политическую составляющую, значение которой было велико не только для России и СССР, но и для всего мира. В рамках, указанных Конституций, союзные республики определялись как субфедеративные обра-

зования в составе СССР. По мнению экс-премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер, республиканский суверенитет членов этого союзного государства был мнимым, поскольку советская Конституция только формально допускала немедленный выход из СССР любой пожелавшей этого советской республики, в то время как реализация этого суверенного права была практически невозможной из-за цементирующей роли партии и силовых структур. Принятая Декларация выступила необходимым политическим катализатором процесса дезорганизации Советского Союза [4]. Помимо этого, она обращала внимание на возникновение правовой коллизии, при которой де-факто произошел распад Советского Союза, однако, де-юре Советский Союз продолжал свое существование.

На этой политической основе стал формироваться юридический базис кардинальных преобразований всей российской и советской государственности. Принятый Закон РСФСР от 31.10.1990 N 295-1 «О формировании бюджетов в РСФСР в 1991 году» запустил процесс обособления российской бюджетной системы внутри бюджетной системы СССР.[5] Следующим важным шагом к реорганизации бюджетной системы выступил Закон РСФСР от 10 октября 1991 года N 1734-1 «Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в РСФСР». Согласно этому нормативному акту, бюджетная система РСФСР определялась как основанная на экономических отношениях и юридических нормах совокупность республиканского бюджета РСФСР, республиканских бюджетов республик в составе РСФСР, бюджетов национально - государственных и административно - территориальных образований РСФСР [6]. Иными словами, Закон определял принципы построения бюджетной системы, основы формирования доходов, осуществления расходов. Особое внимание уделялось регламентированию бюджетного процесса на уровне союзной республики, что изменило бюджетное устройство.

С подписанием 8 декабря 1991 года Соглашения о создании Содружества Независимых Государств Советский Союз полностью прекратил свое существование. В правовом плане указанное соглашение фиксировало факт юридической ликвидации СССР: «Мы, Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР), Украина как государства - учредители Союза ССР, подписавшие Союзный Договор 1922 года, далее именуемые Высокими Договаривающимися Сторонами, констатируем, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность, прекращает свое существование» [7].

С этого момента Россия как подлинно суверенное государство вступила в длительную фазу реформ. Набирал обороты процесс становления отраслей государственности, формирования самостоятельной бюджетной системы, разрабатывалась собственная правовая система, менялась структура политических институтов и государственного аппарата, осуществлялись социальные преоб-

разования, т.е. в жизни российского общества происходили кардинальные изменения. Реформирование бюджетной отрасли, большей частью оставленной в наследство от СССР, и построение на её основах самостоятельной системы началось в условиях падения промышленного производства, сокращения бюджетных доходов, роста на этом фоне бюджетного дефицита, огромного и постоянно нарастающего внешнего долга, основную долю которого Россия получила в порядке правопреемства.

Экономическая реформа перехода к рыночным отношениям в экономике существенно ухудшила положение. На первом этапе либерализации экономики за счет отпуска цен, инициированного Указом Президента РСФСР «О мерах по либерализации цен», начался процесс активизации рынка, бурно формировался частный сектор, рынок стал наполняться потребительскими товарами [8]. Проводимая монетарная политика и осуществляемая в её рамках эмиссия денежных знаков как метод покрытия бюджетного дефицита привели к гиперинфляции, что существенно сократило потенциал группы налогоплательщиков, представленных физическими лицами. В секторе хозяйствующих субъектов возник кризис неплатежей, натуральные расчеты замещались бартерными операциями и системой взаимозачетов, в результате чего образовывалась денежная прибыль, что также выливалось в сокращение налоговой базы, то есть приводило к сокращению доходной части бюджета.

Одним из методов решения проблем в сфере государственных финансов стала активная нормотворческая деятельность. Была сформирована юридическая база для создания и деятельности фискальных органов [9; 10], заложена основа налоговой системы России (установлено разделение налогов на федеральные, налоги республик в составе Российской Федерации и налоги краев, областей, автономной области, автономных округов, местные налоги) [11]. На территории России вводятся конкретные налоги: налог на добавленную стоимость, подоходный налог, налог на прибыль предприятий и организаций и другие [12; 13; 14]. Следствием этого стало принятие первого самостоятельного бюджета, утвержденного Законом РФ «О республиканском бюджете Российской Федерации на 1993 год» [15].

Объективная необходимость правотворчества в тот период не вызывает ни у кого сомнения, т.к. новое государство не могло существовать без нового законодательства и реализовывать свои функции. Российская Федерация выбрала систему диспозитивного регулирования конституционных, финансовых и иных правоотношений между такими субъектами как Федерация, регионы (субъекты Федерации) и муниципалитеты. Основным элементом этой системы стал договорный метод разграничения полномочий между Федерацией и её субъектами, что, на наш взгляд, нарушало один из основных принципов построения бюджетных отношений - принцип равенства бюджетных прав ре-

гионов во взаимоотношениях с Федерацией. В первую очередь, это касалось субъектов, образованных по национальному (этническому) признаку. В 1991-93 годах некоторые из них полностью перестали перечислять собранные на своей территории налоги в Федеральный бюджет и требовали построения межбюджетных отношений в рамках «одноканальной» модели бюджетного федерализма. Суть этой модели, по мнению Христенко В.Б. и Лаврова А.М., состоит в следующем: «Все собранные на территории региона налоги «принадлежат» региону, а Федеральный бюджет формируется за счет «взносов» (в фиксированной сумме или в % от собранных налогов) субъектов Федерации» [17]. Они же дают характеристику отношениям, складывавшимся в тот период между Федеральным центром и регионами: «В 1991-1993 гг. Татарстан, Башкортостан, Якутия, Чечня явочным порядком перешли на «одноканальную» модель, Федеральная власть пошла по пути заключения с указанными субфедеративными образованиями специальных соглашений определяющих особый бюджетно-налоговый статус последних» [17].

15 февраля 1994 года между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Татарстан было подписано Соглашение «О бюджетных взаимоотношениях между Российской Федерацией и республикой Татарстан» [18]. В соответствии с указанным документом, Республика Татарстан взяла на себя обязательства производить взносы платежей в Федеральный бюджет, исходя из нормативов 13% от налога на прибыль и 1% от подоходного налога, собираемого на территории республики. Республика приняла на себя обязательство производить взнос в Федеральный бюджет за счет средств налога на добавленную стоимость по нормативу, определяемому в ежегодных соглашениях между Министерствами финансов Российской Федерации и Республики Татарстан. Российская Федерация (в целях финансового обеспечения реализации на территории национальной республики экологических программ, связанных с необходимостью восстановления природных ресурсов и защитой окружающей среды) взяла на себя обязательство оставлять в её бюджете акцизы на спирт, водку и ликеро-водочные изделия, нефть и газ, плату за землю, доходы от приватизации и специальный налог для финансовой поддержки важнейших отраслей народного хозяйства.

В августе 1994 года аналогичное соглашение было заключено между Правительством России и Правительством Республики Башкортостан. Республика Башкортостан приняла на себя обязательства производить взносы в Федеральный бюджет за счет налогов, собираемых на территории республики, исходя из нормативов 13% от налога на прибыль и 75% от налога на добавленную стоимость. Правительство Республики взяло обязательство перечислить в 1994 году задолженность Российской Федерации по причитающимся за 1993-1994 годы Федеральным налогам за вычетом расходов, профинансированных

из бюджета Республики Башкортостан на содержание учреждений Федерального подчинения [19].

На наш взгляд, сложные бюджетные отношения развивались между Россией и Республикой Саха (Якутия). Мы полагаем, что причиной этого является то, что вплоть до 1996 года средства в Федеральный бюджет с территории данного субъекта не поступали. Ситуацию бюджетно-налоговой изолированности удалось разрешить путем подписания в июне 1995 года бюджетного соглашения между Федеральными органами государственной власти и органами власти республики [20]. В документе закреплялось юридическое согласие республики с тем, что формирование бюджета республики, взаимоотношения между ней и Федеральным бюджетом осуществляются в соответствии с Законодательством Российской Федерации, а бюджетно-финансовая и налоговая политика в Республике Саха (Якутия) осуществляется в рамках единой бюджетно-финансовой и налоговой политики Российской Федерации, а оказание финансовой помощи республике осуществляется на основании единой методики, то есть на равных правах с другими регионами. За Российской Федерацией закреплялось право передавать в бюджет республики расходы по финансированию отдельных федеральных программ, осуществляемых на территории самой республики. Для этого республике передавались Федеральные налоги, объемы, которые определялись ежегодными соглашениями между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Саха (Якутия) с учетом сезонного характера работы основных отраслей народного хозяйства республики и обеспеченности финансовыми ресурсами для организации досрочного завоза товарно-материальных ценностей. Федеральная власть принимала на себя обязательства софинансировать строительство жилых домов для переселения из Республики Саха (Якутия) в центральные районы лиц, проработавших более 10 лет на Севере. За Правительством Республики Саха (Якутия) закрепили право привлечения иностранных и коммерческих кредитов под гарантии Правительства Республики и осуществления контроля за их использованием.

Национальные республики оказались на суверенном финансовом положении. В результате заключения договоров о разграничении полномочий и предметов ведения, а также подписания соглашений по бюджетным и налоговым вопросам бюджеты этих республик фактически получили иной бюджетно-налоговый статус, нежели остальные субфедеративные образования. Башкортостаном и Татарстаном этот бюджетно-налоговый статус был утрачен лишь в начале 2000-х годов, когда, начиная с Закона о Федеральном бюджете на 2001 год, Федеральная власть произвела юридическое замещение факультативных источников доходов указанных республиканских бюджетов, образуемых за счет доли неперечисляемых Федеральных налогов на предоставление

финансовой помощи из Федерального бюджета [21, 71-72]. В соответствии с Законом о Федеральном бюджете на 2001 год, Правительству России предоставлялось право в целях урегулирования межбюджетных отношений с Республикой Татарстан и Республикой Башкортостан в пределах поступления доходов от уплаты федеральных налогов и сборов в федеральный бюджет в 2001 году с территориями указанных субъектов Российской Федерации осуществлять оказание всех видов финансовой помощи из Федерального бюджета через территориальные органы Федерального казначейства, включая финансирование мероприятий и расходов организаций, находящихся в ведении Федеральных органов исполнительной власти на их территориях, а также Федеральных целевых программ социально - экономического развития [22]. По нашему мнению, такой подход регионов к финансам был обусловлен этнополитическими и экономическими факторами.

На сегодняшний день между Российской Федерацией и её субъектами все вопросы, касающиеся государственного федерализма (в целом) и бюджетного федерализма, в частности, урегулированы. Межбюджетные отношения строятся в рамках «многоканальной» модели бюджетного федерализма, исходя из равноправного положения субъектов Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Декларация СНД РСФСР от 12.06.1990 N 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» [Электронный источник] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»
2. «Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик» (принята ВС СССР 07.10.1977) (ред. от 14.03.1990) [Электронный источник] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»
3. «Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России» (принята ВС РСФСР 12.04.1978) (ред. от 12.04.1978) [Электронный источник] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»
4. Лукьянов А.И. Анатолий Лукьянов: «Это была отчаянная попытка спасти Союз» [Текст] / А.И. Лукьянов // Газета «Независимая газета» - приложение «НГ-политика». 18.05.2010.
5. Закон РСФСР от 31.10.1990 N 295-1 «О формировании бюджетов в РСФСР в 1991 году» [Электронный источник] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»
6. Закон РСФСР от 10.10.1991 N 1734-1 (ред. от 31.07.1995, с изм. от 10.07.1996) «Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в РСФСР» [Электронный источник] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»
7. Постановление ВС РФ от 12.12.1991 N 2014-1 «О ратификации Со-

глашения о создании Содружества Независимых Государств» (вместе с Соглашением от 08.12.1991 «О создании Содружества Независимых Государств») [Электронный источник] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

8. Указ Президента РСФСР от 03.12.1991 N 297 (ред. от 28.02.1995) «О мерах по либерализации цен» [Электронный источник] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

9. Закон РСФСР от 21.03.1991 N 943-1 «О Государственной налоговой службе РСФСР» [Электронный источник] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

10. Указ Президента РФ от 31.12.1991 N 340 «О Государственной налоговой службе Российской Федерации» [Электронный источник] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

11. Закон РФ от 27.12.1991 N 2118-1 «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» [Электронный источник] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

12. Закон РСФСР от 06.12.1991 N 1992-1 «О налоге на добавленную стоимость» [Электронный источник] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

13. Закон РСФСР от 07.12.1991 N 1998-1 «О подоходном налоге с физических лиц» [Электронный источник] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

14. Закон РФ от 27.12.1991 N 2116-1 «О налоге на прибыль предприятий и организаций» [Электронный источник] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

15. Закон РФ от 14.05.1993 N 4966-1 (с изменениями от 22.12.1993) «О республиканском бюджете Российской Федерации на 1993 год» [Электронный источник] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

16. Лавров А.М. Бюджетная реформа 2001–2007 годов: от управления затратами к управлению результатами. Принципы управления общественными финансами на субнациональном уровне: Сборник докладов [Текст] / Под ред. А.М. Лаврова // – М.: КомКнига, 2005. – 176 с. (Общественные финансы; Вып. 8.) С. 7-52.

17. Лавров А., Христенко В. О значении воинствующего бюджетного федерализма: экономика и политика российского бюджета в свете мирового опыта [Текст] // Российская газета. - 1998. - 5 декабря. - № 48. - 10.

18. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Татарстан от 15.02.1994 «О бюджетных взаимоотношениях между Российской Федерацией и Республикой Татарстан» [Электронный источник] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

19. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Башкортостан от 03.08.1994 «Между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Башкортостан о бюджетных взаимоотношениях в 1994 - 1995 годах» [Электронный источник] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

20. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Респу-

блики Саха (Якутия) от 28.06.1995 N 11 «В области бюджетных отношений» [Электронный источник] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

21. Межбюджетные отношения и управление региональными финансами: опыт, проблемы, перспективы [Текст] / В.Б. Христенко, А.М. Лавров // М.: Дело. 2002. С. 71-72.

22. Федеральный закон от 27.12.2000 N 150-ФЗ «О федеральном бюджете на 2001 год» [Электронный источник] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

23. Столяров М.В. Россия в пути. Новая Федерация и Западная Европа. Сравнительное исследование по проблемам федерализма и регионализма в Российской Федерации и странах Западной Европы [Текст] / М.В. Столяров // Казань: Изд. «Фэн». 1998.

24. Усс А.В. России – имперскую федерацию [Текст] / А.В. Усс // Газета «Независимая газета» - приложение «Идеи и люди». Выпуск 62 (2124) от 06.04.2000

УДК 33

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ЭКОНОМИСТОВ

Щетинцева И.А.

EVOLUTION OF ECONOMIC GROWTH THEORIES AND INNOVATION DEVELOPMENT IN THE WORKS OF RUSSIAN AND FOREIGN ECONOMISTS

Schetintseva I.A.

В статье обосновывается важность экономического роста для развития национальной экономики. Автор анализирует основные модели экономического роста и их эволюция, а инвестиции и инновации выделяются как важные составляющие факторы экономического роста.

The article proves the importance of economic growth for the national economy development. The main models of economic growth and their evolution are analysed. Investments and innovations are considered as a main component of economic growth factors.

Ключевые слова: экономический рост, инновации, инновационная экономика, инвестиции, совокупный инновационный продукт, кластер.

Keywords: economic growth, innovation, innovation economy, investment, output innovation aggregate, cluster.

Наиболее важной задачей экономической политики правительства любого государства является экономический рост. Понятие экономического ро-

ста включает в себя улучшения благосостояния людей, повышение их уровня жизни. В условиях растущей экономики (за счет прироста ВВП) возможно более полное удовлетворение потребностей людей, расширение разработок и претворения в жизнь новых социальных, политических и стратегических программ. В результате экономического роста происходит развитие науки, непрерывная модернизация технологий и их новое развитие. В условиях экономического роста во всей структуре экономики страны происходят важные эволюционные изменения.

Главной долгосрочной целью экономической политики правительств является стимулирование экономического роста, стабильное поддержание его темпов. В результате анализа макроэкономических показателей в течение длительного отрезка времени можно сделать вывод о том, что экономический рост является характерной особенностью современного развития во всем мире. Проблемы экономического роста с давних пор занимает умы экономистов во всем мире. В результате этого появилось множество различных теорий экономического роста. Методологическая значимость теорий экономического роста состоит в систематизации знаний о факторах, совокупности приемов исследования, взаимосвязях, закономерностях и основных тенденциях развития экономики. Предпосылки будущей теории экономического роста впервые просматриваются в работе «Экономическая таблица» французского экономиста Фрунсуа Кенэ (1694-1774), в которой ученый доказывает, что процесс воспроизводства и реализации может происходить бесперебойно только тогда, когда соблюдаются определенные пропорции развития народного хозяйства [2].

Необходимо отметить, что исследованиями факторов роста национального богатства занимались еще представители английской классической школы, но отдельной теории экономического роста классики не имели. Однако Адам Смит в своем труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» рассматривал причины прироста национального богатства. Классики считали, что «прирост богатства определяется величиной факторов производства и их производительности» [1]. Исходя из предположения, что «величина факторов производства: труда и земли – в значительной мере не зависит от человеческих усилий, то в качестве основы экономического роста рассматривалось накопление – инвестирование части общественного продукта, которое приводит к возрастанию капитала» [1]. Смит выдвинул идею о том, что разделении труда является важнейшим фактором роста, выделяет значимость накопления капитала, что, по его мнению, способствует росту производительности труда. Для обеспечения экономического роста, выделялась особая роль нормы прибыли и распределения дохода, т.к. из прибыли капиталистов производились основные накопления. Инвестиции осуществлялись в большей степени в основной капитал. Поэтому Адам Смит придает большое значение инвестициям и росту

населения. Он полагал, что разделение труда и усовершенствование техники являются основными составляющими для увеличения производительности труда. Следствием разделения труда, по А. Смигу, являлись такие факторы, как сокращение времени между производственными процессами, увеличение мастерства работников, применение машин [2]. В современной интерпретации, можно сказать, что Адам Смит предлагал модернизацию производства путем применения технологий совершенствования производственных процессов, применения машин, использование высококвалифицированной рабочей силы. В своем труде учёный высказывает мнение о благоприятном влиянии на богатство общества машин, которые являются частью капитального запаса [3]. Несмотря на то, что основной акцент А.Смит ставит на разделение труда, в его работе прослеживаются идеи технического прогресса, модернизации.

Исследованиями причин, факторов, способствующих возникновению роста национального благосостояния занимались такие представители экономической науки, как Томас Мальтус, Давид Риккардо, Карл Маркс и многие другие. Но мы, исходя из метода научной абстракции, будем исследовать те теории экономического роста, которые существенно повлияли на прогресс экономической науки, оставив свой след в современной экономической теории, которые могут быть адекватны реалиям настоящего времени.

На протяжении двух последних десятилетий экономическая наука уделяла особенное внимание дальнейшим исследованиям экономического роста. Были проведены многочисленные новые теоретические и эмпирические исследования. В тоже время в экономических механизмах развитых стран происходили новые процессы и явления, внося существенные изменения в характер экономического роста [4]. Основной акцент в современных теориях экономического роста переносится на динамичные модели, условия достижения равновесного темпа экономического роста, разработки универсальных моделей для отдельных стран. Особо следует отметить неоклассическую модель равновесного экономического роста Роберта Мертона Солоу (в 1987 г. учёному присуждена Нобелевская премия «за его вклад в теорию экономического роста»). Модель Солоу предоставляет механизм долгосрочного экономического роста в режиме равновесия при полной занятости факторов [5].

Основой устойчивого роста благосостояния, согласно данной модели, является технический прогресс. В результате исследования 40-летнего периода роста экономики в США учёный пришел к выводу, что более 80% прироста выпуска в данный отрезок времени является результатом научно-технического прогресса или, как мы теперь говорим, развитием новаций. Данная модель дает возможность рассмотреть механизм экономического роста в долгосрочной перспективе.

Исследования экономического роста М. Солоу явились научным импуль-

сом, в результате которого были разработаны новые альтернативные модели, вошедшие в экономическую теорию как модели эндогенного экономического роста. Рассматривая теорию экономического роста, важно отметить, что исследования тесно взаимосвязаны с эмпирическими разработками. В результате дополнения «динамическими оптимизационными моделями, встраивавшими в модели экономического роста эндогенизированную норму сбережений и поведение потребителя на основе вхождения в анализ в долгосрочном периоде так называемой проблемы Рамсея, Дэвида Касса, Тьяллинг Кумпанса, Питера Даймонда», данная неоклассическая модель экономического роста стала более полной и совершенной, до настоящего времени является базой, «от которой отталкивается все теория роста, в том числе и модели новой волны» [4].

Кейнсианские (некейнсианские) модели экономического роста основываются на том, что стратегической переменной, с помощью которой можно управлять экономическим ростом, являются инвестиции. По оценкам многих экономистов, книга Джона Мейнарда Кейнса (1883-1946) «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) явилась поворотным пунктом в экономической науке XX века, послужила теоретико-методологической базой программ стабилизации экономики на уровне правительств в ряде государств Европы и США, и даже в настоящее время определяет экономическую политику стран.

Следующим логическим этапом развития теории Кейнса является неокейнсианство. Методология неокейнсианства (во многом) повторяет основные положения теории Д.М. Кейнса. Однако, последователи данной теории отмечают некоторые недостатки в теории Д.М. Кейнса. По их мнению, главным недостатком в теории Д.М. Кейнса была статичность анализа, отсутствие динамичного подхода к экономическим явлениям, учитывая то, что экономика постоянно находится в движении и развитии. Известными неокейнсианскими моделями являются модели Евсея Д. Домара (1914-1997) и Роя Ф. Харрода (1900-1978). Вследствие близости их воззрений многие экономисты говорят о единой модели экономического роста – модели Харрода-Домара. В конце 40-х годов XX века Е.Д. Домар предложил свой вариант модели экономического роста. Основным вкладом Е.Д. Домара в теорию экономического роста является то, что он указал на необходимость учета двух эффектов инвестиций: мультипликатора и акселератора. Модель Р.Ф. Харрода выявляет условия, при соблюдении которых, не нарушая равновесия, возможен быстрый экономический рост вследствие увеличения инвестиций. В неокейнсианской доктрине одно из центральных мест отводится теории сбережений. Исходя из того, что инвестиции являются важнейшим фактором экономического роста, то они зависят от размера сбережений в обществе. В свою очередь, недостаточность частных сбережений предлагается компенсировать за счет государственных.

Следует отметить, наиболее тесную связь концепций Харрода-Домара с рядом разработок шведских экономистов – Эрика Лундберга (1907-1987) и Эрика Линдаля (1891-1960) [3]. Развивая методологию шведской научной школы, Э. Лундберг предложил возможные варианты развития экономики при различной компоновке факторов экономического роста. Э. Лундберг полагает, что целью экономической теории является анализ изменений, происходящих во времени как части внутреннего механизма данной системы. Из этого следует, что макроэкономическая теория должна выявить внутренние факторы экономического роста. Э. Лундберг полагает, что целью экономической теории является анализ изменений, происходящих во времени как части внутреннего механизма данной системы, в связи с чем макроэкономическая теория должна выявить внутренние факторы экономического роста.

Наиболее интересной в посткейнсианском направлении является теория экономического роста английского экономиста Джоан Робинсон. Дж Робинсон полагает, что в основе экономического роста лежат семь основных факторов: технические условия производства, инвестиционная политика, условия формирования сбережений, конкурентные параметры рынка, формирование ставки заработной платы, финансовая политика государства, начальный запас товаров производственного назначения и ожидания, построенные на прошлом опыте. По мнению Дж. Робинсон, взаимодействие данных факторов приводит к экономическому росту [3]. В созданной Дж. Робинсон теории накопления акцентируется внимание на факторе инвестиций. Учитывая, что в разных отраслях темпы капиталовложений различны, общественное производство, согласно Дж. Робинсон, имеет два подразделения: производство инвестиционных товаров и производство товаров потребления. Капитал, по мнению автора теории, является совокупностью средств производства. К основным параметрам, от которых зависит экономический рост Дж. Робинсон относит технический прогресс, норму прибыли и реальную заработную плату. При стабильной норме прибыли, процесс накопления имеет прямую зависимость от темпов технического прогресса и численности работников [6]. Из семи факторов экономического роста, предложенных Дж. Робинсон, необходимо особенно выделить факторы инвестиционной политики и конкурентоспособности рынка. Как видно из всех ранее рассмотренных моделей, инвестиции являются неотъемлемым условием для обеспечения экономического роста.

Применительно к России, учитывая ситуацию сложившуюся в мировой экономике, вопрос о повышении конкурентоспособности российской продукции на мировом рынке является, на наш взгляд, весьма значимым условием экономического роста. В свою очередь, повышение конкурентоспособности отечественной продукции представляется возможным достичь путём модернизации производства, максимального привлечения иностранных инвесторов,

использования их опыта и технологий, а также развитием собственной инновационной деятельности.

Продолжателями исследования равновесного, сбалансированного экономического роста в том же направлении, что и Дж. Робинсон, являются такие представители посткейнсианской экономической мысли, как Н. Калдор, Л.Пазинетти. С целью максимального приближения моделей равновесного экономического роста к реальности они включают в них факторы несовершенной конкуренции, инфляции, распределения национального дохода между прибылью и заработной платой, разделение продукта на потребительские и производственные блага и т.д.

Видный представитель институционального направления, шведский экономист, лауреат Нобелевской премии 1974 г., Гуннар Мюрдаль рассматривал проблемы социально – экономического развития в развивающихся странах. По мнению ученого, экономический рост, который не сопровождается улучшением уровня жизни большей части населения, не может рассматриваться как истинный рост, так как он осуществляется именно за счет этой части населения, оставляя ее в стороне.

Американский экономист, лауреат Нобелевской премии 1979, Теодор Уильям Шульц (1902-1998) видел необходимость инвестирования в человеческий капитал. Т. Шульц считал, что именно образование делает людей наиболее производительными. Трудно не согласиться с концепциями Г. Мюрдаля и Т.Шульца, так как главная цель экономического роста, в первую очередь, и заключается именно в повышении уровня жизни людей, в более полном удовлетворении их потребностей. Безусловно, общественная среда, культура и высокий уровень образования содействуют экономическому росту, повышают творческие способности и благосостояние людей.

В результате исследования исторических перспектив процесса экономического роста американский экономист Саймон Кузнец выявил ряд эмпирических закономерностей для некоторых стран. Были установлены длинные волны темпов экономического роста ряда стран – чередование быстрого и медленного роста технического прогресса, национального дохода и населения в 20 – летнем периоде (циклы Кузнеца). В работах С. Кузнеца большое внимание уделяется роли накопления и инвестиций, капиталовложений и технологических изменений в процессе экономического роста. Он доказал, что доля капиталовложений в экономике определяется стабильностью процесса накопления в долгосрочном периоде. Выработанная им система измерения предельной капиталоемкости, показывает, что относительный объем акционерного капитала растет в процессе экономического развития, однако, доля акционерного капитала в прибыли постепенно уменьшается [7].

В 1939 году Йозеф Алоиз Шумпетер в своем труде «Теория экономи-

ческого развития» ввел в экономическую науку понятие «инновации» и описывает инновационный процесс [2]. Само понятие «инновации» имеет широкий спектр толкований. Происхождение термина «инновация» происходит «novatio», что в переводе с латинского означает «изменение («обновление»), добавленная приставка «in» (лат.) в переводе означает «в направлении», получается «innovatio», в дословном переводе «в направлении изменений» [8]. Английское слово «innovation» в переводе на русский означает «инновация» [12]. Однако предпосылкой исследований значимости инноваций в экономическом развитии являются труды Н.Д. Кондратьева и исследуемые им большие циклы конъюнктуры (длинные волны), что и послужило причиной для продолжения изучения факторов, причин и продолжительности данных циклов [9].

Й.А. Шумпетер, используя абсолютно новый подход, делает акцент на предпринимательской новации, которая, по его мнению, является движущей силой, обеспечивающей экономический рост. По мнению Й.А. Шумпетера, в условиях стабильной экономики, инициативный, склонный к риску, новатор-предприниматель способен быть инструментарием двигающим экономическое развитие. Монопольная прибыль, достигаемая в результате инновационной деятельности, согласно теории Й.А. Шумпетера, является стимулом к предпринимательской деятельности. Именно монополия способна обеспечить новые технологии производства, постоянное создание инновационных товаров, освоение новых рынков и многое другое. Инновации, постоянно происходящие в производственных процессах, в механизмах реализации продукции, и есть основной источник прибыли. В условиях конкурентного рынка ситуация меняется, т.к. другие предприниматели также начинают использовать подобные инновации, менее удачливые выбывают. Й.Э. Шумпетер полагает, что из имеющихся у предпринимателя производственных ресурсов необходимо строить новые комбинации, в результате чего будет происходить развитие. Инновационная деятельность определяется случаями комбинаций факторов производства.

Новые комбинации могут осуществляться в определенных случаях: создание нового продукта («потребительского блага»); внедрение нового метода производства; освоение нового рынка сбыта; получение доступа к новому источнику сырья; создание новой формы организации фирмы (в том числе обеспечивающей монопольное положение фирмы на рынке или подрыв чужой монополии). На макроэкономическом уровне развитие может происходить только в результате применения большинством предпринимателей «новых комбинаций». Согласно Й.Э. Шумпетеру, развитый кредитный рынок и возможность использования предпринимателями кредитных средств является также неотъемлемым условием развития. Аналогичные суждения высказывал также представитель немецкой школы Бруно Гильденбранд. Также большой заслу-

гой Й.Э. Шумпетера является выявление связей инноваций и экономического роста. Возможность получения кредитных средств, без наличия первоначального капитала, отрывает пути новаторам-предпринимателям к осуществлению их идей [2].

Интересно выглядит кластерная теория экономического развития, предложенная Майклом Портером. Согласно М. Портеру, «кластер - это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщики, производители и др.) и связанных с ними организаций (образовательные заведения, органы государственного управления, инфраструктурные компании), действующих в определенной сфере и взаимодополняющих друг друга» [10]. В своей теории М. Портер рассматривает конкурентоспособность страны через понятие кластера. Учёный вводит систему детерминант конкурентного преимущества стран («конкурентный ромб»), где основными группами преимуществ являются факторные условия (человеческие и природные ресурсы, капитал, научно-информационный потенциал, качество жизни и др.), условия внутреннего спроса (развитие объема спроса, качество спроса), кластеры отраслей (сферы поступления оборудования, сырья и полуфабрикатов, использования сырья, технологий), стратегия и структура фирм (стратегии, цели, внутриотраслевая конкуренция) [11]. По мнению М. Портера, перспективные конкурентные преимущества создаются именно на внутренних рынках, а не на внешних. В результате исследований конкурентных возможностей различных отраслей в разных странах, М. Портер пришёл к выводу, что кластеры являются точками роста внутреннего рынка для государственной экономики. В результате образования все большего числа кластеров международная конкурентоспособность страны растёт.

Сильные позиции отдельных кластеров поддерживают конкурентоспособность страны. Распространение выгоды внутри самих кластеров происходит по всем связывающим направлениям: пришедшие из других отраслей новые производители, которые стимулируют научно-исследовательскую деятельность, свободный обмен информацией, распространение инноваций, человеческие ресурсы и новые идеи, образующие интересные комбинации. Успешно функционирующие кластеры становятся объектом значительных капиталовложений. Важно отметить, что кластерная форма организации способствует созданию новой формы инновации - «совокупного инновационного продукта». Создание устойчивых связей между участниками кластера способствует переходу изобретений в инновации, а на следующей стадии инноваций в конкурентные преимущества, инновационная ориентированность – наиболее важная отличительная черта кластера [10].

Таким образом, рассмотрев основные концепции экономического роста и инновационного развития, можно сделать вывод: многочисленные теории

экономического роста выделяют свои факторы, но для экономического роста необходимы инвестиции как внутренние, так и иностранные, вследствие чего экономика имеет возможность приобрести инновационную ориентированность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. История экономических учений: учебное пособие [Текст] / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой // – М.: ИНФРА-М, 2006.
2. Лавров Е.И., Капогузов Е.А., Экономический рост: теория и проблемы: учебное пособие. [Текст] / Е.И. Лавров, Е. А. Капогузов //– Омск: Изд-во ОмГУ, 2006.
3. Сутырин С.Ф., Шишкин М.В., Борисов Г.В.. История экономических учений: учебное пособие [Текст] / С.Ф. Сутырин, М. В. Шишкин, Г.В. Борисов // – М.: Эксмо, 2010.
4. Шараев Ю.В. Теория экономического роста. [Текст] / Ю.В. Шараев // - Издательский дом ГУ ВШЭ, Москва, 2006.
5. Экономическая теория. [Текст] / Под редакцией Белокрыловой О.С. // Ростов н/Д, «Феникс», 2002.
6. История экономических учений: учебник. [Текст] // - М.: Экономистъ, 2005.
7. Голиченко О. Модернизация и реформирование инновационной стратегии России: проблемы и решения [Текст] / О. Голиченко // «Вопросы экономики» №8, 2010.
8. <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=23985>. Инновация. [Электронный источник]
9. Основные направления развития инновационной теории. [Электронный источник] / В.Ю. Гусарова // Академия управления «ТИСБИ», <http://www.tisbi.org/science/vestnik/2004/issue3/Econom3.html>
10. Основные направления развития инновационной теории. [Электронный источник] / В.Ю. Гусарова // Академия управления «ТИСБИ», <http://www.tisbi.org/science/vestnik/2004/issue3/Econom3.html>
11. M. Porter, Competitive Advantage of Nations. — New York: Free Press, 1990 (2nd. ed. — New York: Free Press, 1998).
12. Инновационная экономика, «Проблемы и перспективы инновационного развития экономики России», [Электронный источник] / Н. В. Бекетов // . <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=23985>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБРАУХОВА Валентина Владимировна - кандидат педагогических наук, директор Дворца творчества детей и молодежи г. Ростова-на-Дону.

Адрес: 344002, г. Ростов-на-Дону, Большая Садовая ул., д.55.

АЛИЕВ Натиг Агарза оглы - кандидат педагогических наук, доцент кафедры физики и методики ее преподавания, Азербайджанский институт учителей.

Адрес: AZ 1110, г. Баку, К.Рахимова ул., 874.

АЛИЕВА Наталья Зиновьевна - доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой физики, ГОУ ВПО «Южно-Российский Государственный университет экономики и сервиса».

Адрес: 346500, Ростовская обл., г. Шахты, Шевченко ул., 147.

АНДРЕЕВА Арина Анатольевна - аспирант кафедры международных отношений и регионоведения, ГОУ ВПО «Воронежский Государственный университет».

Адрес: 394077, г. Воронеж, пр. Московский, 88.

БОРОВКОВА Татьяна Юрьевна - аспирант, преподаватель ГОУ ВПО «Воронежский государственный университет».

Адрес: 394000, г. Воронеж, пл. Университетская, д.1.

БРАЧУН Татьяна Анатольевна - кандидат экономических наук, доцент кафедры информатики, ГОУ ВПО «Северо-Восточный государственный университет»

Адрес: 685, г. Магадан, Портовая ул., 13.

ГОГИЧЕВ Чермен Герсанович - кандидат филологических наук, докторант, Институт языкознания РАН.

Адрес: 125009, г. Москва, Кисловский Б. пер.д.1, стр.1.

ГОЛЫШЕВ Игорь Геннадьевич - докторант, Учреждение Российской Академии образования «Институт педагогики и психологии профессионального образования».

Адрес: 420039, г. Казань, Исаева ул., 12.

ГРИЦКИХ Ольга Юрьевна - аспирант, ГОУ ВПО «Южно-Российский Государственный университет экономики и сервиса».

Адрес: 346500, Ростовская обл., г. Шахты, Шевченко ул. 147, 3.

ГРОЙСБЕРГ Анна Исаковна - аспирант, ассистент кафедры теории и истории государства и права, ГОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Адрес: 614990, г. Пермь, Букирева ул., 15.

ГУСЕЙНОВА Хатира Маил - кандидат физико-математических наук, доцент кафедры «Информационные технологии в государственном управлении», Национальная академия наук Азербайджана.

Адрес: AZ 1141, г. Баку, Ф. Агаева ул., 9.

ЕЛИСЕЕВ Владимир Константинович - доктор педагогических наук, профессор, декан факультета педагогики и психологии, заведующий кафедрой психологии, ГОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический университет».

Адрес: 398020, г. Липецк, Ленина ул., 42.

ЕРЕМИНА Светлана Васильевна - директор муниципального образовательного учреждения дополнительного образования детей «Центр дополнительного образования детей №2», аспирант кафедры теории и методики профессионального образования, ГОУ ВПО «Астраханский Государственный университет».

Адрес: 414052, г. Астрахань, Яблочкова ул., 28.

ЗВЕРЕВА Татьяна Владимировна - кандидат социологических наук, государственный налоговый инспектор Межрайонной Инспекции Федеральной налоговой службы России №25 по Ростовской области.

Адрес: 344010, г. Ростов-на-Дону, Кировский пр., 100/74.

КИСЕЛЕВ Дмитрий Сергеевич - соискатель кафедры психологии факультета педагогики и психологии, ГОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический университет».

Адрес: 398020, г. Липецк, Ленина ул., 42.

КОВАЛЕНКО Елена Михайловна - кандидат философских наук, доцент кафедры перевода и информатики, Педагогический институт Южного федерального университета.

Адрес: 344080, г. Ростов-на-Дону, Большая Садовая ул., 33.

ЛЫТКИНА Аксана Виликовна - старший преподаватель кафедры психологии, ГОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический университет».

Адрес: 398020, г. Липецк, Ленина ул., 42.

МАЛИКОВ Илья Геннадьевич - аспирант, ГОУ ВПО «Московский государственный педагогический университет».

Адрес: 119571, г. Москва, Вернадского пр., 88.

МИХЕЕВ Дмитрий Владимирович - соискатель кафедры всеобщей истории, ГОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена».

Адрес: 191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48.

МУРАТОВА Галина Викторовна - доктор физико-математических наук, профессор, заместитель директора по информационным технологиям, Южно-Российский региональный центр информатизации ЮФУ.

Адрес: 344090, г.Ростов-на-Дону, Стачки пр. , 200/1, к.2.

ОГОРОДНИКОВ Николай Владимирович - ассистент кафедры управления на предприятии, ГОУ ВПО «Рязанский государственный агротехнологический университет им. Н.А. Костычева».

Адрес: 390044, г. Рязань, Костычева ул., 1.

СОРДИЯ Георгий Малхазиевич - аспирант кафедры экспериментальной психологии и психодиагностики, ФГБОУВПО «Государственный академический университет гуманитарных наук».

Адрес: 129366, г. Москва, Ярославская ул., 13.

ТАЛХИГОВА Халимат Салавдиевна - старший преподаватель кафедры «Теоретическая физика», ГОУ ВПО «Чеченский Государственный университет».

Адрес: 364037, Чеченская республика, г. Грозный, Шерипова ул., 32.

ТУРИК Людмила Андреевна - кандидат педагогических наук, доцент, директор муниципального образовательного учреждения дополнительного образования детей «Дом детского творчества г. Таганрога».

Адрес: 347904, г. Таганрог, Чехова ул., 337/3.

ШАШКОВ Станислав Сергеевич - аспирант, Южно-Российской региональный центр информатизации ЮФУ.

Адрес: 344090, г.Ростов-на-Дону, Стачки пр., 200/1, к.2.

ШАХБАЗОВ Озубек Гашимович - магистр, ассистент кафедры экономической теории, Бакинский Государственный университет.

Адрес: AZ 1141, Азербайджан, г. Баку, . 3.Халилова ул., 14.

ШЕВЧЕНКО Юлия Викторовна - аспирант, ГОУ ВПО «Южно-Российский Государственный университет экономики и сервиса».

Адрес: 346500, Ростовская обл., г. Шахты, Шевченко ул., 147.

ШИХОВЦОВА Наталья Николаевна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Организация и управление в сфере сервиса», Кавминводский институт сервиса (филиал) ГОУ ВПО «Южно-российский государственный университет экономики и сервиса».

Адрес: 357500, г. Пятигорск, бульвар Гагарина, 1, к.1.

ШКОЛИК Олег Александрович - старший преподаватель кафедры финансов и ценных бумаг, НОЧУ ВПО «Уральский институт фондового рынка».

Адрес: 620032, г. Екатеринбург, Сибирский тракт ул., 35.

ЩЕТИНЦЕВА Инна Александровна - аспирант, ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет».

Адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, Большая Садовая ул., 105/42.

ЭСКАРХАНОВ Гелани Лёмович - ассистент кафедры иностранных языков, ГОУ ВПО «Чеченский Государственный университет».

Адрес: 364907, Чеченская республика, г. Грозный, Шерипова ул., 32.

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКУЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

I. Правила публикации статей в журнале

1.1. Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях. Все статьи проходят проверку на плагиат. Статьи и иные материалы представляются в редакцию по электронной почте redsov@mail.ru.

1.2. Статья рецензируется в порядке, определенном в Положении о рецензировании (см. сайт www.cegr.ru).

11. Комплектность и форма представления авторских материалов

2.1. Обязательными элементами публикации являются следующие: индекс УДК – должен достаточно подробно отражать тематику статьи (правила индексирования см.: www.teacode.com. название статьи (на русском и английском языках); фамилия и инициалы автора (соавторов); аннотация (на русском и английском языках); ключевые слова (на русском и английском языках); текст статьи; примечания и библиографические ссылки (литература);

2.2. Правила оформления текста следующие: авторские материалы должны быть подготовлены с установками размера бумаги А4 (210x297мм), с полуторным междустрочным интервалом; цвет шрифта – черный, размер шрифта – 14 кегль, Times Roman. Размеры полей: правое – 25 мм, левое – 25 мм, верхнее – 25 мм, нижнее – 25 мм.. Подчеркивание в тексте нежелательно. Все текстовые авторские материалы принимаются в форматах doc и rtf. Исправления и дополнения, внесенные без ведома редакции, учитываться не будут. Страницы публикации не нумеруются, колонтитулы не создаются.

2.3. Рисунки. Чертежи. Графики. Иллюстрации должны иметь наименование; на них должны быть даны ссылки в тексте статьи. Слово «Рисунок», его порядковый номер, наименование и пояснительные данные располагают непосредственно под рисунком, их следует нумеровать арабскими цифрами сквозной нумерацией. Если рисунок один, он не нумеруется. Текстовое оформление иллюстраций в электронных документах: шрифт Times New Roman, 9 кегль, прямое начертание. Чертежи, графики, диаграммы, схемы, иллюстрации, помещаемые в публикации, должны соответствовать требованиям государственных стандартов Единой системы конструкторской документации (ЕСКД). Все

иллюстрации должны быть представлены отдельными файлами электронных документов. Все объекты, включая формулы, должны быть созданы помощью соответствующих интегрированных редакторов MS OFFICE и сгруппированы

2.4. Таблицы Таблицы должны иметь наименование и ссылки в тексте. Наименование должно отражать их содержание, быть кратким, размещенным над таблицей. Текстовое оформление таблиц в электронных документах: шрифт Times New Roman, 9 кегль, начертание прямое. Таблицы не требуется представлять в отдельных документах.

2.5. Примечания, ссылки и библиографическое описание источников (список использованной литературы). Совокупность затекстовых библиографических ссылок (список использованной литературы) оформляется как перечень библиографических записей, помещенный после текста документа. Нумерация сквозная по всему тексту. Для связи с текстом документа порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке набирают в квадратных скобках в строку с текстом документа, например, [7]. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки, например, [7, с.15]. Библиографических ссылки (ЛИТЕРАТУРА) оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5-2008.

2.6. Текст статьи предоставляется в электронном виде в отдельном файле в формате doc. или rtf.. Название файла – фамилия первого автора + «статья». Например: «Петров, статья.rtf». Файлы иллюстраций и диаграмм предоставляются в электронном виде: в одном файле – одна иллюстрация или диаграмма в формате jpg., tif. (для полутоновых изображений) или ai, cdr, eps (для векторных изображений). Название файла – фамилия первого автора + «рис N», строго в порядке следования в статье. Например: «Петров, рис. 1.jpg», «Петров, рис. 2.eps».

Рецензию или отзыв научного руководителя (консультанта), заверенные печатью факультета, администрации вуза или отдела кадров вуза, следует отсканировать с разрешением 100 dpi (полноцветное изображение), сохранить в отдельный файл в формате jpg. или pdf. Название файла – фамилия первого автора + «рец». Например: «Петров, рец.jpg».

КОНТАКТЫ С РЕДАКЦИЕЙ

На всех стадиях работы с рукописями и для общения с авторами, редакцией и рецензентами используется электронная почта, поэтому авторы должны быть внимательны при указании своего электронного адреса.

Электронный адрес: redsov@mail.ru

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНОВ**

Научно-теоретический журнал

№ 4 2011 г.

Подписано в печать 30.07.2011. Формат 340x245

Бумага офсетная. Тираж 1000 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета,
представленного авторами , в типографии

ЗАО «Центр Универсальной Типографии»

344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская ул., 140, оф.201